

Омский государственный педагогический университет

На правах рукописи

Троян Светлана Викторовна

**Концептуальная оппозиция *больной – здоровый*
как векторный скалярно-антонимический комплекс
(в лексико-фразеологическом фонде русского языка
и текстах региональных СМИ)**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
доцент Федяева Н.Д.

Омск – 2017

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы изучения концептуальной оппозиции <i>больной – здоровый</i> в русском языке и русской языковой картине мира	17
1.1. Оппозиции в культуре и языке	17
1.2. Антонимия как семантическая оппозиция	25
1.3. Семантическое пространство <i>больной – здоровый</i> как векторный скалярно-антонимический комплекс	36
1.3.1. Понятие векторного скалярно-антонимического комплекса	36
1.3.2. Векторный скалярно-антонимический комплекс <i>больной – здоровый</i>	42
1.4. Здоровье и болезнь как ценность и антиценность культуры	55
1.4.1. Ценностный характер концептуальной оппозиции <i>больной – здоровый</i>	55
1.4.2. Ценностные концептуальные оппозиции как объект лингвистического описания	61
Выводы	68
Глава 2. Представление концептуальной оппозиции <i>больной – здоровый</i> в лексическом, паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка	70
2.1. Синонимико-антонимический комплекс <i>больной – здоровый</i> : лексикографическое портретирование	70
2.2. О реализации концептуальной оппозиции <i>больной – здоровый</i> в паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка	96
Выводы	110

Глава 3.	Концептуальная оппозиция <i>больной – здоровый</i> как основа текста (на материале текстов рубрики "Диагноз недели")	112
3.1.	Прагматический аспект изучения концептуальной оппозиции <i>больной – здоровый</i>	112
3.2.	Метафора как средство реализации концептуальной оппозиции <i>больной – здоровый</i> в региональном политическом дискурсе	119
3.3.	Реализация концептуальной оппозиции <i>больной – здоровый</i> в метафорической модели «Омск – больной организм»	130
	Выводы	152
	Заключение	154
	Библиография	157

Введение

Диссертационное исследование концептуальной оппозиции *больной – здоровый* выполнено в русле лингвокультурологического направления современной лингвистики.

Актуальность темы обусловлена интересом лингвокультурологии к устройству и сущностным характеристикам языковой картины мира (далее – ЯКМ) и методам ее описания. Так, в работе развиваются следующие тезисы: о значении для ЯКМ бинарных противопоставлений, об их принципиальном антропоцентризме и ценностно-оценочном характере, о семантических категориях как лингвокультурологических сущностях.

За последние десятилетия описание получили такие оппозиции русской ЯКМ, как *свой – чужой* [Алиева, 2013], *любовь – ненависть* [Хутова, 2008], *народ – власть* [Невинская, 2006], *добро – зло* [Моспанова, 2005], *жизнь – смерть* [Пономарева, 2008], *здоровье – болезнь* [Туленинова, 2008] и др. Оппозиции, определяемые как семантические, концептуальные, лингвокультурные и др., выступают для лингвиста и как обладающий самостоятельной ценностью объект анализа, и как инструмент реконструкции целого. Общим для упомянутых и подобных им работ является подход, в соответствии с которым бинарные оппозиции выступают в процессах мировосприятия и отражения мира в языке своеобразной сеткой координат: каждый новый объект занимает в этой сетке свою позицию. Методологическая близость работ определяется направлением анализа, уже доказавшего свою эффективность: изучение оппозиции, значимой для ЯКМ, осуществляется с опорой на разнообразный эмпирический материал, от слов до текстов, и сопровождается обращением к гуманитарной традиции и аксиологии языка (такой исследовательский путь обоснован и апробирован в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997], Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 2001], В.З. Демьянкова [Демьянков, 2001], С.Г. Воркачева [Воркачев, 2007], Г.Г. Слышкина [Слышкин, 2000] и

мн. др.). В продолжение этой линии в диссертационной работе оппозиция *больной – здоровый* получает описание как концептуальная – соответствующая существованию для человека противопоставлению, осмысленному в науке, культуре и языке – на лексико-фразеологическом и текстовом материале.

Среди важнейших признаков ЯКМ ученые называют ее антропоцентризм [Апресян, 1995; Арутюнова, 1999; Воркачев, 2007; Караулов, 1987; Кубрякова, 1988; Маслова, 2001; Серебрянников, 1988 и др.], указывая тем самым на центральный образ – образ человека – и на способ освоения мира – соотношение с «меркой человека» (выражение Э. Бенвениста [Бенвенист, 1974]). Признание антропоцентризма ЯКМ обусловило интерес к образу человека в языке, активно исследуемому в современной лингвистике [Апресян, 1995; Одинцова, 2000; Шмелев, 2002; Урысон, 1998; Чудинов, 2001 и др.], в частности, в трудах омских лингвистов (так, различные ипостаси языкового образа человека получили описание в работах Л. Б. Никитиной [Никитина, 2016], Н.Д. Федяевой [2012], О.В. Коротун [Коротун, 2012], В.П. Завальникова [Завальников, 2012]; идея «мерки человека», т.е. уподобления человеку явлений иных сфер – природы, техники и т.п. – или, наоборот, уподобления им человека нашла отражение в исследованиях Н.В. Киреевой [Киреева, 2006], М. Н. Никоновой [Никонова, 2003], С. В. Рассоловой [Рассолова, 2008], И.Е. Фроловой [Фролова, 2006], М.П. Одинцовой [Одинцова, 2000]). В диссертации антропоцентричная по сути оппозиция *больной – здоровый* рассматривается как в контекстах, характеризующих человека (т.е. в тех, в которых реализуется основное предназначение единиц, составляющих оппозицию), так и в случаях метафоризации, причем распространенность и типизированность метафорических моделей, аналогичных анализируемой модели «Омск – больной организм», свидетельствует об антропоцентризме ЯКМ не меньше, чем прямое употребление.

Следствием антропоцентризма ЯКМ является ее ценностно-оценочный характер: в языке вербализуются и тем более составляют «очаг» лексического и фразеологического фондов только те понятия, которые вызывают у человека – носителя языка ценностное отношение (см. об этом в работах: [Арутюнова, 1999; Вежбицкая, 1997; Маслова, 2007; Телия, 1996; Трипольская, 1997]). Здоровье занимает одну из верхних позиций в иерархии человеческих ценностей, что обуславливает его активное осмысление, отраженное, например, в русских поговорках. Между тем статус ценности-нормы, с одной стороны, и пессимизм, характерный для оценочной системы (см. об этом в работах: [Арутюнова, 1990; Вольф, 2006]), с другой, является основанием смещения фокуса внимания носителя языка к отрицательному члену оппозиции. Как следствие, именно рассмотрение оппозиции *больной – здоровый* в целом, а не составляющих ее концептов в отдельности, позволяет установить особенности расстановки оценочных знаков.

Наконец, диссертация вписана в контекст исследований, выявляющих семантические категории русского языка и осмысляющих их в лингвокультурологическом ключе [Бондарко, 1986; Булыгина, 1981; Колесникова, 2012; Стексова, 2002; Федяева, 2011]. Для описания концептуальной оппозиции *больной – здоровый* существенными, по нашему мнению, являются взаимосвязанные категории дуальности, градуальности, оценки и нормы (см. о них в работах: [Акуленко, 1987; Арутюнова, 1998; Беловольская, 2001; Вольф, 2006; Воротников, 1987; Колесникова, 1993; Поцелуевский, 1974; Федяева, 2011; Ховалкина, 1996]), так как именно их синтез лежит в основе моделируемого векторного скалярно-антонимического комплекса. Обращение к близким по духу понятиям шкалы (градации, оценки, интенсивности и проч.), скалярно-антонимического комплекса, синонимико-антонимического комплекса и т.п., предполагающим, что семантическое пространство ограничивается полярными проявлениями признака и имеет градуированную структуру, характерно для современных лингвокультурологических семантических исследований [Бондаренко, 2001;

Воротников, 1987; Салимьянова, 2011; Колесникова, 1999; Федяева, 2003] и целесообразно для настоящей работы.

Все сказанное выше определяет актуальность исследования и формирует его **теоретическую базу**, которую составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, занимающихся исследованием языковой картины мира, роли в ней принципа оппозиций, концептов и концептуальных оппозиций [Апресян, 1995; Арутюнова, 1999; Колшанский, 1990; Куприянова, 2001; Лихачев, 1997; Маслова, 2001 и др.], категории градуальности и специфики синонимико-антонимических отношений в аспекте градуальности [Акуленко, 1987; Арутюнова, 1988; Беловольская, 2001; Вольф, 2006; Воротников, 1987; Колесникова, 2012; Поцелуевский, 1974; Ховалкина, 1996], метафорических моделей и их прагматического потенциала [Арутюнова, 1990; Баранов, Караулов, 1991; Кубрякова, 2001; Стернин, 2001; Чудинов, 2001].

Базовыми для диссертационного исследования являются понятия концептуальной оппозиции и векторного скалярно-антонимического комплекса.

Понятие *концептуальной оппозиции* трактуется в работе как объединение концептов, построенное на антонимичности наиболее общего и частных содержательных признаков и средств их выражения (при обязательном наличии общего семантического компонента) [Новиков, 1982; Степанов, 2001].

Понятие векторного скалярно-антонимического комплекса представляет собой сумму близких по содержанию понятий скалярно-антонимического комплекса, введенного Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988], и векторного синонимико-антонимического комплекса, предложенного С. М. Колесниковой [Колесникова, 2012]. В первом термине значимым для нас является определение *скалярный*, акцентирующее внимание на идее шкалы как способе устройства семантического пространства признака. Во втором термине важно упоминание вектора, т.е. такого направления

развития, при котором точки шкалы являются начальными или конечными пунктами. Таким образом, *векторный скалярно-антонимический комплекс* – это ограниченное полюсами-оппозитивами пространство признака, устроенное как шкала градации и/или оценки и характеризующееся направленностью развития отдельных как отдельных отрезков, так и шкалы в целом.

Объект исследования – концептуальная оппозиция *больной – здоровый*; **предмет** – содержательная структура оппозиции, представляющая собой векторный скалярно-антонимический комплекс, который реконструируется с опорой на лексико-фразеологический фонд русского языка и тексты, основанные на метафорической модели «Омск – больной организм».

Выделение объекта и предмета исследования осуществлено на основе следующих фактов и предположений:

- концептуальная оппозиция является отражением одновременно антонимичных (дуальных, бинарных) и диалектических представлений о мире, что означает важность исследования как полярных значений, так и внутреннего устройства семантического пространства;
- «сильными позициями» в семантическом пространстве признака являются полюса и зона нормы, содержание которых определяет устройство всего векторного скалярно-антонимического комплекса;
- здоровье представляет одну из базовых ценностей человека, а болезнь – антиценность, что позволяет назвать исследуемую оппозицию значимой для антропоцентричной по сути языковой картины мира;
- будучи аксиологически значимой, оппозиция *больной – здоровый* представлена в русском языке многообразными единицами, номинирующими и интерпретирующими как полярные, так и промежуточные проявления *болезни/здоровья*;

– при уподоблении человеку неживые объекты могут характеризоваться как *больные – здоровые*, при этом находят отражение значения, составляющие содержание концептуальной оппозиции.

Таким образом, правомерность выделения объекта – концептуальной оппозиции *больной – здоровый* в русской языковой картине мира – обусловлена и сущностью научных и обыденных представлений о *болезни/здоровье*, и лингвистическим воплощением этих представлений в языке. В семантике слов, фразеологизмов, паремий, в текстовых фрагментах русского языка, в разговорной и художественной речи зафиксированы разнообразные ценностно-оценочные представления о *болезни/здоровье* человека, характеризующие обыденное сознание. При метафорическом употреблении этот спектр представлений переносится на неживые объекты, состояние которых уподобляется человеческому.

Цель работы – представить структуру концептуальной оппозиции *больной – здоровый* как векторный скалярно-антонимический комплекс посредством анализа лексико-фразеологическом фонда русского языка и текстов рубрики «Диагноз недели» омского информационного ресурса «БК 55».

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1) систематизировать результаты философских, культурологических и лингвистических исследований концептуальной оппозиции *больной – здоровый*;

2) представить концептуальную оппозицию *больной – здоровый* как векторный скалярно-антонимический комплекс, определив важнейшие семантические признаки полюсов;

3) рассмотреть реализацию концептуальной оппозиции *больной – здоровый* в лексическом, паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка;

4) описать прагматический потенциал концептуальной оппозиции *больной – здоровый* на материале публикаций рубрики «Диагноз недели»

информационного портала БК55, реализующих метафорическую модель «Омск – больной организм».

Для решения поставленных задач и подтверждения гипотез использовались следующие **методы**:

- описательный, необходимый на всех этапах работы, предполагающий анализ как теоретического, так и эмпирического материала, обобщение и интерпретацию полученных результатов;
- метод лексикографического портретирования, предоставивший возможность описать скалярно-антонимический комплекс *больной* – *здоровый* с учетом принципов лексикографии, реализованных в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна;
- метод концептуального анализа, позволивший представить исследуемую оппозицию через исследование лексического, фразеологического и паремиологического материала и сопоставление результатов с широким гуманитарным контекстом;
- метод фреймового моделирования, востребованный при выявлении прагматического потенциала оппозиции на материале публицистических текстов, реализующих модель «Омск – больной организм».

Эмпирическую базу исследования составляют:

- 1) толковые словари русского языка [БТС, электронный ресурс; Даль, электронный ресурс; Евгеньева, 1999; Ефремова, 2005; Ожегов, Шведова, электронный ресурс; МАС, 1957—1988; Ушаков, 1935;] и словари синонимов [Абрамов, 1999; Александрова, 2001; НОССРЯ, 2000; Евгеньева, 1970-1971], позволившие составить синонимические ряды с доминантами-прилагательными *больной* и *здоровый*,
- 2) фразеологические словари [Жуков, 1987; Молотков, 1987; Федоров, 1997] и словари пословиц [Даль, 1984; Жуков, 1998; Фелицына, Прохоров, 1988], на основе которых был составлен перечень устойчивых выражений,

используемых носителем русского языка для называния и характеристики больного/здорового человека;

3) текстовый материал, составляющий около 4000 высказываний из художественных и публицистических текстов, а также из разговорной речи. Особое место в картотеке занимают тексты рубрики «Диагноз недели» (всего 88 статей), размещенные на информационном портале БК55 в 2012–2014 годы.

Три группы источников материала соответствуют трем этапам анализа:

- на первом этапе составлены синонимические ряды *больной* и *здоровый*, в результате лексикографического портретирования которых выявлены важные для организации концептуальной оппозиции признаки;

- на втором этапе осуществлено описание фразеологизмов и паремий о болезни и здоровье, которое подтвердило правомерность сделанных на лексическом материале наблюдений;

- на третьем этапе исследована метафорическая модель «Омск – больной организм», на основе которой сделаны выводы об универсальных свойствах оппозиции, реализуемых и при переносном употреблении – при уподоблении города человеку.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем впервые:

- 1) для анализа концептуальной оппозиции *больной* – *здоровый* в качестве исходного использован тезис о сочетании бинарного и градуального принципов, в результате чего оппозиция представлена в виде векторного скалярно-антонимического комплекса (ранее подобный подход был реализован только в отношении каждого из противопоставленных значений в отдельности);

- 2) осуществлено соотнесительное лексикографическое портретирование синонимических рядов с доминантами *больной* и *здоровый* (в «Новом объяснительном словаре синонимов», методика которого использована в работе, отсутствуют соответствующие словарные статьи) и описание фразеологизмов и паремий о болезни/здоровье, подтвердившее

гипотезу о структуре оппозиции как об ограниченной полюсами динамичной шкале;

3) исследована реализация концептуальной оппозиции при метафорическом употреблении на основе текстов, в концентрированном виде представляющих метафору болезни (доказавшая свою эффективность методика фреймового моделирования использована при анализе нового речевого материала – текстов рубрики «Диагноз недели» омского информационного ресурса БК55 – и при решении дополнительной задачи – верифицировать наблюдения над особенностями концептуальной оппозиции).

Теоретическая значимость исследования заключается, прежде всего, в развитии антропоцентрического – в его культурологическом и когнитивном проявлениях – направления и определяется тем, что в работе предложена отвечающая требованию комплексности, предусматривающему обращение к единицам разных уровней, модель описания концептуальной оппозиции *больной – здоровый*. Теоретически значимым является рассмотрение исследуемой оппозиции как градуируемого динамического пространства, а также обоснование целесообразности предложенной модели как инструмента описания других оппозиций, полюса которых представляют значимые для лингвокультуры ценности, осмысляемые и метафорически переосмысляемые носителями языка.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее результаты при обучении студентов-филологов в рамках обязательных и вариативных дисциплин для рассмотрения вопросов, связанных с парадигматикой лексических единиц, стилистическим использованием синонимов и антонимов, функциями метафорических моделей в тексте и др., для обучения различным методам лингвистического анализа (лингвистическое портретирование, фреймовое моделирование). Описание метафорической модели «Омск – больной организм» как частной разновидности модели, универсальной для российских СМИ, представляет

интерес для специалистов в сфере массовой коммуникации, создающих и корректирующих медиаобразы городов. Практикующим журналистам работа полезна демонстрацией перспектив метафорических моделей как основы для текста и целой рубрики.

Положения, выносимые на защиту.

1. Структура концептуальной оппозиции *больной – здоровый* представляет собой векторный скалярно-антонимический комплекс, что, с одной стороны, отражает дуальный и градуальный принцип мировосприятия, а с другой – реализуется в многообразии языковых/речевых единиц, номинирующих и интерпретирующих различные проявления болезни/здоровья.

2. Градуированный характер концептуальной оппозиции определяется значимостью количественного параметра (состояние человека оценивается с точки зрения степени тяжести); векторный – реализацией идеи динамики (состояние человека изменчиво, различные проявления болезни/здоровья являются начальными и/или конечными точками развития).

3. Семантика антонимов *больной – здоровый*, синонимов-градонимов, образующих противопоставленные синонимические ряды, фразеологизмов и паремий о болезни/здоровье репрезентирует представления о типичных для больного/здорового человека физической силе, внешности, возраста, работоспособности, характера, образа жизни.

4. Ценностно-оценочный характер оппозиции и ее прагматический потенциал обусловлен противопоставлением полюсов как ценности и антиценности, нормы и не-нормы, хорошего и плохого. Характеристики полярных значений определяют их коммуникативный статус и сочетание эксплицитных и имплицитных средств выражения.

5. Метафорическая модель «Омск – больной организм» отражает свойственный языковой картине мира антропоцентризм. При уподоблении города человеку, остаются актуальными признаки оппозиции, обусловленные ее векторным скалярно-антонимическим характером: прежде

всего, градация по степени тяжести болезни и состояния пациента и идея развития и исхода болезни.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены в сообщениях и докладах на научно-практической студенческой конференции «Человек и природа» (Омск, 2011, 2012 г.), I международной научно-практической конференции «Лихачевские чтения 2014: наука, образование, культура, духовность» (Чебоксары, 2014 г.), а также в семи публикациях:

1) Троян, С. В. О реализации концептуальной оппозиции «больной – здоровый» в паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Научный журнал. Омск: Изд-во ОмГА, 2016. №. 1 (23). С. 61-65.

2) Троян, С. В. О неразрывной связи компонентов концептуальной оппозиции: соотношение смыслов «больной – здоровый» в метафорической модели «Россия – больной организм» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016 №5 (59): В 3 ч. Ч. 3. С. 156-160.

3) Федяева Н. Д., Троян С. В. Мера здоровья (о градуировании аксиологических полюсов «здоровый – больной» в русской лингвокультуре) // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2016. № 4 (30). С. 241-244.

4) Троян, С. В. Фрейм «диагноз» в метафорическом сценарии «Омск – больной организм» (на материале омской рубрики «Диагноз недели» сайта БК55) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. № 2(6). С. 38-42.

5) Троян, С. В. Шкала исход болезни в характеристике концепта «Болезнь» // Международный журнал экспериментального образования. Пенза: «Академия естествознания», 2015. № 3-2. С. 309-311.

6) Троян, С. В. Синонимический ряд «здоровый»: о смыслах, входящих в концепт «здоровье» // Вестник Омского государственного педагогического

университета. Гуманитарные исследования. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. № 2 (3). С. 48-51.

7) *Мыльникова, С. Е., Афанасьева С. В.* Политическая метафора «Россия – больной организм» в языке прессы конца XX – начала XXI века // Лингвистика. Коммуникация. Культура. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 64-72.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и списка источников материала.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цель и задачи исследования, демонстрируется научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы, характеризуется фактический материал исследования, указываются основные использованные методы изучения.

В первой главе **«Теоретические основы изучения концептуальной оппозиции *больной – здоровый* в русском языке и русской языковой картине мира»** определяются существенные для исследования понятия: «дуальность», «оппозиция», «семантическая противоположность», «векторный скалярно-антонимический комплекс», «градуальность», «языковая картина мира». Посредством понятия векторного скалярно-антонимического комплекса дается общее описание структуры оппозиции *больной – здоровый*.

Во второй главе **«Представление концептуальной оппозиции *больной – здоровый* в лексическом, паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка»** через лингвистическое портретирование слов, входящих в синонимические ряды *больной* и *здоровый*, а также посредством анализа фразеологического фонда русского языка уточняются значения, образующие концепты «Болезнь» и «Здоровье» и служащие базой для детализации семантического пространства концептуальной оппозиции *больной - здоровый*.

В третьей главе **«Концептуальная оппозиция *больной – здоровый* как основа текста»** (на материале текстов рубрики "Диагноз недели") анализируется прагматический потенциал оппозиции *больной – здоровый*, на материале публикаций рубрики «Диагноз недели» информационного портала БК55, реализующих метафорическую модель «Омск – больной организм», а также соотношение полюсов оппозиции, их оценочных знаков и форм выражения.

В **заключении** приводятся обобщенные результаты настоящего исследования, делаются выводы о содержательной структуре и прагматическом потенциале концептуальной оппозиции *больной – здоровый*, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ **КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ БОЛЬНОЙ – ЗДОРОВЫЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

1.1. Оппозиции в культуре и языке

Проблема оппозиции/различия стала одной из центральных в истории философской и культурологической мысли XX века, которая наделила оппозиции статусом своеобразного инструмента миромоделирования. Так, было обосновано, что уже архаическое общество структурировало картину окружающего мира на основе принципа противопоставления. К. Леви-Строс считал, что первобытный человек пытался упорядочить свое представление о мире, категоризируя его отдельные явления с помощью бинарных оппозиций [Леви-Строс, 1994, с. 111-336].

Само выделение человека из природы сопровождалось процессом противопоставления ему мифологизированного бытия, требующего организации определенных отношений с ним [Лазарев, 1983, с. 59]. Стереотипизированные формы взаимодействия с «чужим» окружением – природным и человеческим – передавались от старших поколений потомкам в виде деятельности (например, обрядов) и представлений (мифов). Противопоставление «своих» – людей одного племени – «чужим» также обуславливалось и сопровождалось мифическими представлениями.

В основе общественной жизни на архаических стадиях развития культуры лежало антитетическое представление об устройстве общества (разделение на *мужское/женское, верх/низ* и т.д.), а поэтому и весь мыслительный мир такого общества был организован по принципу противопоставления и объединения в пары противоположностей, т.е. дуально. По мысли В. Б. Иорданского, «дуалистичность расщепляла отдельные коллективные представления первобытных людей, в структуре которых оказывалась запечатлена прирожденная дихотомия вселенной <...>

Окружающий микрокосм раскрывался перед обществом как единство противоположностей» [Иорданский, 2005, с. 34-35]. В результате, считает автор, сознание древнего человека выработало систему внутренней организации окружающего мира, представляющую собой «упорядоченную сеть дуалистических представлений», сформированную по принципу двоичности [Там же].

Таким образом, начиная с древних времен, человечество смотрит на мир сквозь призму оппозиций, что составляет суть дуальности – такого принципа «восприятия и языкового отображения мира, в соответствии с которым действительность интерпретируется как единство антиномий, противоположностей» [Федяева, 2011, с. 54]. Дуальность мира, представляющая собой взаимодействие двух полярностей, стоящих за сотворённой вселенной (света и тьмы, добра и зла и т.п.), отражена во многих символах, например, в известной паре «инь – ян». Приведем примеры реализации принципа дуальности в различных картинах мира (см. таблицу 1). (Отметим, что упомянутые в таблице картины мира и характерные для них оппозиции – лишь примеры, которыми не исчерпывается многообразие существующих систем представлений о мире и образующих их противопоставлений.)

**Таблица 1. Отражение принципа дуальности
в различных картинах мира**

Религиозная КМ	Научная КМ	Философская КМ	Обыденная КМ	Политическая КМ
Рай – ад, ангел – демон, святой – грешник.	Единственное число – множественное число (лингв.); положительный заряд – отрицательный заряд (хим., физ.); юг – север (геогр.).	Идеальный мир – материальный мир.	Добро – зло, жарко – холодно, лень – трудолюбие, здоровье – болезнь.	Правые – левые (партии), либералы – демократы, мир – война.

Приведенные примеры при всей своей немногочисленности тем не

менее убедительно показывают, что в основу любой картины мира могут быть положены имеющие универсальный характер бинарные оппозиции: *жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, хорошее – дурное, близкое – далекое, прошлое – будущее, здесь – там* и др. Как следствие, и описание любой картины мира может осуществляться с опорой на понятие оппозиции.

В лингвистике изучение оппозиций берет свое начало в работах Ф. де Соссюра, благодаря концепции которого в первой половине XX века в науке начинает господствовать мысль о том, что любое явление обладает структурой. Исследуя язык, Ф. де Соссюр выявил синхронный порядок внутренних связей, существующих между его элементами – знаками. Элементы языка, согласно швейцарскому ученому, функционируют благодаря системе оппозиций, в которой они различаются и соотносятся друг с другом, а смысл возникает как результат взаимоотношений между элементами внутри системы (структуры). По Ф. де Соссюру, язык – это система функциональных различий и оппозиций. Весь механизм языка основан на оппозициях и на сопутствующих им фонетических и концептуальных различиях [Соссюр, 2001, с.119].

Мысли Ф. де Соссюра получили развитие в трудах структуралистов: первые исследования, указывающие на значимость дуального принципа, принадлежат Р. Jakobsonу и Н. С. Трубецкому, причем оба ученых получили результаты, изучая фонетический ярус языка. Так, Р. Jakobson пришел к выводу, что отличия в области фонетики существуют дуалистически, т.е. бинарно. Согласно исследователю, все фонемы в каком угодно языке можно определить, исходя из характеристик, которые составляют пары (например, беззвучный/озвученный, звонкий/глухой и т.д.) [Jakobson, 1985, с.115].

Н. С. Трубецкой, представитель пражской фонологической школы, построил методологию, в основе которой также лежит система бинарных дифференциальных признаков. В своей книге «Основы фонологии» ученый охарактеризовал оппозиции как «универсальное средство рационального

описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое отрицает» [Трубецкой, 2000, с. 72-88]. На основе учения Н. С. Трубецкого в методике лингвистического анализа разработан метод оппозиций, исходящий из следующих предположений:

- не всякое различие является оппозицией;
- оппозиция возможна лишь тогда, когда между её членами имеются не только различия, но и общие признаки, т.е. основание для сравнения;
- оппозицию можно определить как семантически релевантное различие по одному признаку при сходстве остальных.

Французский этнолог и антрополог К. Леви-Стросс применил в структурной антропологии идею о том, что структурные модели лингвистики аналогичны моделям антропологии. Эти модели коренятся в бессознательном, т.е. в структуре человеческого ума. Любой предмет, сведенный к языковой ипостаси, т.е. к тексту, может быть понят с помощью законов структурной лингвистики. Таким образом, безусловной заслугой структурной лингвистики является обоснование бинарности – двоичности миропорядка. «С точки зрения бинарности, опирающейся на метод структурных оппозиций, известно, что различие между двумя явлениями возможно только на основании сходных черт» [Бутова, Крячко, 2013, с. 23]; и наоборот, «в сходных явлениях важно найти отличающее одно от другого» [Егоров, 2000, с. 22].

Подчеркнем, что оппозиции были определены не только как специфическое отношение двух элементов системы между собой, но и как инструмент описания исследуемой системы; указывая на эту двойственность, французские структуралисты утверждали, что метаязык лингвиста воспроизводит, подобно зеркалу, бинарную структуру описываемых им систем. Мысль об обусловленности принципа описания предметом последнего легла в основу бинаризма (от латинского *binarius* – двойной, двойственный, состоящий из двух частей) – тенденции разделять предметы

на две категории, основанной на тезисе о возможности свести все отношения между знаками к бинарным структурам, т.е. к модели, в основе которой лежит наличие или отсутствие признака. Оппозиция – это отношение, в результате которого знак приобретает свою значимость и значение по отношению к другому знаку или серии знаков, стоящих к нему в оппозиции. «Две вещи могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг другу, иными словами, лишь постольку, поскольку между ними существуют отношения противоположения, или оппозиции» [Леви-Стросс, 1994, с. 187].

Вслед за К. Леви-Строссом понятие оппозиции используется для описания культуры и современными учеными. Современный исследователь феномена культурной оппозиции В. М. Куприянова понимает ее как противопоставление, получившее в культуре знаковое воплощение и характеризующееся такими признаками, как устойчивость, повторяемость и относительная независимость от контекста. Автор полагает, что существуют различные варианты подхода к исследованию оппозиции, которую можно рассматривать как структурную единицу культуры или как принцип, организующий картину мира носителя культуры. В методологическом плане данные подходы не противопоставлены друг другу. При исследовании культурных оппозиций в первую очередь необходимо обратиться к знаковому воплощению оппозиции в целом и составляющих ее парных понятий. Как утверждает исследователь, установить особенности возникновения и функционирования в культуре оппозиций необходимо для того, чтобы определить ее существенные свойства, специфику менталитета, черты «национального характера» [Куприянова, 2001, с. 66]. Рассматривая вопрос о роли языка в формировании/отражении важнейших оппозиций культуры, В. М. Куприянова развивает идею лингвистического детерминизма и говорит о том, что язык сам «навязывает» сознанию пары противопоставленных друг другу понятий [Там же].

Таким образом, принцип дуальности отражает свойство системы,

элементы которой находятся в отношениях противоположности и обосновывает целесообразность описания исследуемой системы с опорой на понятие бинарной оппозиции, объединяющей логически противоположное. Сказанное верно в том числе для исследования языка и языковой картины мира: принцип дуальности для миропонимания в целом является одним из универсальных когнитивных принципов осознания, разъяснения того образа мира, который воплощен в языковой модели мира.

Между тем «существование в мире противоположностей совсем не означает, что те или иные признаки, явления могут существовать только в двух – полярных – формах» [Федяева, 2003, с. 20-21]. Часто возможность сосуществования в одном предмете двух противоположных качеств предполагает, что он не может быть сведен к одной из противоположностей. Его нужно понимать как нечто третье, среднее. Выделение среднего ученые связывают с развитием философской мысли, в ходе которой произошел переход от дуального восприятия мира к градуальному. Еще Аристотелем были разграничены понятия «научной» и «человеческой» середин. «Научная», по мнению философа, получается путем измерения и является объективной; ее наглядным воплощением является среднее арифметическое. «Человеческая» середина – это субъективная величина, которую каждый знающий человек определяет для себя сам» [Аристотель, 2002, с. 462]. Среднее предстает как «необходимая характеристика объекта, являющегося местом сосредоточения противоположностей. Т.е., если в определении будет лишь указание на один из противоположных признаков, то такое определение будет лишено значимости и приобретет смысл только лишь в своей паре» [Федяева, 2003, с. 21]. Как и в случае с бинарными оппозициями, триады можно рассматривать и как явления системы, и как инструмент описания последней. Кроме того, логическим следствием выделения третьего является обнаружение более сложных градуальных множеств.

Таким образом, в описании системы можно идти путем последовательного членения объекта на два (бинарная оппозиция), три

(троичная оппозиция) и далее, при этом отметим, что ввиду возможной условности среднего компонента выделение триады нередко оказывается своеобразным техническим шагом, связывающим двоичное противопоставление и градуальное множество, кроме того, этот шаг может быть и вовсе пропущен.

В фокусе внимания в нашей работе находится оппозиция *больной – здоровый*, анализ которой на различном языковом/речевом материале призван показать перспективы такого исследовательского пути.

Природу оппозиции *больной – здоровый* целесообразно, на наш взгляд, определить как концептуальную, что выводит нашу работу в сферу исследований концептосферы, отражающей особенности культуры народа, его литературы и устного народного творчества. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации, ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство, она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно <...> Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [Лихачев, 1997, с. 284]. Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает ответить на вопрос, почему язык является не просто способом общения, но неким «сгустком культуры» (термин Ю. С. Степанова [Степанов, 2001]) – культуры всей нации, ее отдельных слоев и личности.

Национальная концептосфера – это совокупность категоризированных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа (см.: [Кошарная, 2002; Лихачев, 1997; Попова, Стернин, 2002 и др.]). В рамках концептосферы концепты объединяются в концептуальные поля, т.е. структурные образования, объемные многомерные ментальные пространства, заполненные иерархически организованной системой элементов (базового концепта и других концептов, связанных с первым). При этом возможны переходы концептов из одного поля в другое и взаимопроникновение полей.

На сегодняшний день существует огромное многообразие подходов к определению сущности концепта (см.: [Арутюнова, 1990; Бабушкин, 1996;

Вежбицкая, 1997; Залевская, 2001; Колесов, 1992; Кубрякова, 1996; Лисицын, 1995; Сергеева, 2005; Слышкин, 2000; Степанов, 2001; Попова, Стернин, 2002 и др.]). Как справедливо замечает Е. С. Кубрякова, «концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [Кубрякова, 1996, с. 90]. При таком подходе в определение концепта вводится и культурологическая, и прагматическая, и другая информация. Л. О. Чернейко и В. А. Долинский подчеркивают, что концепт охватывает языковое преломление всех видов знаний о явлении, стоящем за ним, – знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере, т.е. все то, что «подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры» [Чернейко, Долинский, 1996, с. 21]. З. Д. Попова и И. А. Стернин утверждают, что человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления [Попова, Стернин, 2001, электронный ресурс].

Обобщая идеи ученых, можно утверждать, что концепт – это комплексная единица ментального уровня, которая в процессе мыслительной деятельности актуализирует либо понятийный уровень, либо фоновые знания, культурные приращения смысла, связанные с длительной эволюцией во времени; они тесно переплетаются как в сознании человека, так и в его коммуникативной практике.

Концепт – «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2001, с. 43]. Таким образом, концепт связан с культурой и менталитетом народа, поэтому структура его сложна, включает в себя не только все, что принадлежит понятию, но и исходную форму (этимологию); сжатую до основных признаков содержания историю;

современные ассоциации; оценки.

Центральное место в концептосфере занимают концепты, связанные с морально-нравственными оценками человека (см. об этом: [Арутюнова, 1999; Вежбицкая, 1997; Трипольская, 1997 и др.]. Это прежде всего такие концепты, как «Истина», «Ложь», «Добро», «Зло», «Бог», «Свобода», «Судьба». Представляется убедительным мнение В. Н. Телии, полагающей, что «отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить свое отношение к ним – ценностное и эмоционально значимое» [Телия, 1996, с. 82]. При этом оцениваются те явления, которые актуальны для индивида, группы или человечества в целом.

В рамках концептуальных полей отдельные концепты могут образовывать различные группы, в том числе и оппозиции. Концептуальные оппозиции – это такие объединения концептов, которые построены на антонимичности наиболее общего и частных содержательных признаков и средств их выражения (при обязательном наличии общего семантического компонента), например: «Здоровье – Болезнь», «Свой – Чужой», «Жизнь – Смерть», «Свет – Тьма», «Правда – Ложь» и т.д.

При рассмотрении концептуальной оппозиции *больной – здоровый* мы покажем ее структуру, обратив внимание как на поляризованные значения, так и на компоненты, представляющие разнообразные проявления здоровья и болезни, иными словами, пройдем в лингвистическом описании путь от двоичного противопоставления до градуального множества.

1.2. Антонимия как семантическая оппозиция

Одним из классических примеров бинарных оппозиций в системе языка являются антонимические пары; исследование антонимов посредством обращения к понятию оппозиции естественно и очевидно. Приведем несколько определений:

«Слова *противоположного* (здесь и далее: курсив наш – С. Т.) значения, которые, являясь сильным стилистическим средством языка, обеспечивают передачу *контрастов*, осуществление приемов *антитезы* в ораторской и поэтической речи» [Реформатский, 2000, с. 98].

«Слова, связанные отношением *противоположности* и выражающие своим значением эти *противоположности*, которые образуют внутри словарного состава особый «пласт» или «микросистему» [Завьялова, 1969, с. 3].

«Слова, имеющие *противоположные* значения» [СЛТ, 1969].

«Слова с *противоположными* по отношению друг к другу значениями» [Будагов, 2003, С. 72-73].

«Слова, имеющие в своем значении качественный признак и поэтому способные *противопоставляться* друг другу как *противоположные* по значению; слова, *противопоставляемые* друг другу как коррелятивные, обозначающие *противоположно-направленное* действие» [Новиков, 1988, с. 50].

«Пара *противоположных* в семантическом отношении слов» [ПРС, 2007, с. 38].

Все приведенные выше определения антонимов имеют общую основу: для того чтобы определить, являются ли данные слова антонимичными, необходимо выяснить, есть ли в их значении антонимичность, т.е. лингвистически выраженная противоположность.

Несмотря на то, что в соответствии с узким пониманием к антонимам следует относить слова одной части речи (см. об этом [Крысин, 2007], [Соколова, 1997], [Иванова, 1980]), «антонимия объективно в любом случае обозначает односущностные явления реального мира» [Миллер, 1981, с. 82], следовательно, значение противоположности оказывается сильнее грамматической формы слов. Иначе говоря, если антонимы являются отражением экстралингвистических реалий, то не имеет принципиальной разницы, как в языке обозначены эти реалии.

Интересны в этой связи эксперименты, проведенные В. И. Скибиной. Результаты говорят о том, что ассоциации по контрасту, действительно, возникают в первую очередь между антонимичными словами, принадлежащими к одной части речи, однако схожими со стимулами в грамматическом отношении реакция дело не исчерпывается. Носитель языка может не видеть принципиальной разницы в грамматических формах стимула и реакции. Иначе говоря, мышление будет воспринимать в качестве противоположностей явления, обозначенные и разными частями речи. Например, если в оценке качества слуха мы воспринимаем громкие и тихие звуки как максимально различающиеся, тогда *громкость* и *тихий*, *тишина* и *громкий* следует также определять в качестве противоположных по значению слов, отражающих действительность, несмотря на их несимметричность с точки зрения системности языка: пары состоят из слов, принадлежащих к разным грамматическим классам [Скибина, 2006, электронный ресурс].

Явление межчастеречной антонимии (термин Е. Н. Миллера) – свидетельство универсальности взгляда на мир сквозь призму оппозиций: «не межчастеречная антонимия асимметрична соответствующим грамматическим категориям, а наоборот, грамматические категории асимметричны соответствующим антонимичным оппозициям номинативных единиц» [Миллер, 1981, с. 82]. Таким образом, рассмотрение в качестве антонимичных отношений между словами разных частей речи, а также между словами и фразеологическими единицами обосновано доминированием семантики противоположности, восходящей к экстралингвистическим реалиям, над грамматикой: «антонимия – это категория плана содержания, поэтому возможны противопоставления любых номинативных единиц с противоположным значением, независимо от плана выражения» [Миллер, 1980, с. 78].

Итак, ключевым в понимании языковой антонимии является представление о семантической противоположности как выражении максимального смыслового различия соотносительных лексем – слов,

объединённых общим родовым понятием.

Осмыслить категорию противоположности пытались еще античные философы: Аристотель, Демокрит, Платон. Аристотель, анализируя и переосмысливая опыт предшественников, полагал, что «противоположностью надо признавать только отличие вещи от того, от чего она отличается по виду; а такое различие бывает только между тем, что принадлежит к одному и тому же роду» [Аристотель, 2002, с. 329]. Эта мысль отражает признак, положенный в основу антонимии как семантических отношений в языке: семантически противоположными могут быть признаны слова, имеющие в своих значениях общий родовой признак.

Философы более позднего времени – Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс – стремились не только понять сущность объединяющего начала в противоположностях, но и проанализировать особенности связи полярных по сути объектов, рассматривая, например, *смерть* и *жизнь* не просто как противоположности, но как взаимосвязанные состояния. Так, Гегель в работе «Наука логики» выдвигает предположение, что в обыденном сознании различённые вещи «равнодушны» друг к другу. С точки зрения философии, индифферентность противоположностей невозможна, потому что «в противоположности различие имеет в качестве противостоящего себе не только *некое* другое, но *своё* другое» [Гегель, 1974, с. 279]. По Гегелю, «противоположности соотносимы таким образом, что одно отрицает другое, в результате чего полярные предметы оказываются взаимосвязанными, как если духовное сопряжено с другим – физическим, органическое – с неорганическим». Иными словами, конкретный мыслительный образ предмета, тождественный себе, оцениваемый положительно, должен включать в себя и то, что выходит за личные пределы как собственное отрицание [Гегель, 1974, с. 279-280].

Перенося философские рассуждения на лингвистическую почву, Л. А. Новиков выделяет следующие признаки противоположности:

1. Категории противоположности могут относиться к одному роду, к

разным родам, сами являться родом.

2. Противоположности взаимопроницаемы, предполагают и исключают друг друга.

3. Противоположности симметричны.

4. Противоположности предполагают наличие промежуточного члена.

5. Противоположности имеют относительный характер.

6. Противоположности являются разновидностями, проявлениями различия.

По мысли Л. А. Новикова, именно противоположные понятия составляют логическую основу антонимии. Ученый рассматривает категорию противоположности как «существенное различие, которое может быть выражено в языке как средствами социальных номенклатур, так и особыми словами – антонимами» [Новиков, 1988, с. 5].

Критериями, позволяющими охарактеризовать отношения как противоположные, являются, по Е. Н. Миллеру, следующие:

1. Наличие как противоположного значения, так и тождества.

2. Регулярное употребление в «типичных синтаксических конструкциях во взаимном противопоставлении».

3. Одинаковая сфера лексической сочетаемости.

4. Обозначение качественных признаков.

5. Образование лексических полей.

6. Формирование антонимических гнезд [Миллер, 1990, с. 40].

Таким образом, основой антонимических оппозиций является категория противоположности, при этом тип противоположности может различаться.

Разграничение контрадикторных и контрарных понятий восходит к античности, а именно к философским работам Платона и Аристотеля. В диалоге «Протагор» Платон пишет, что «каждой вещи противоположно только одно, а не многое» [Платон, 1990, с. 443]. По Платону, существует два типа отличия между объектами: А и не-А, причем не-А включает сколько угодно много элементов; и А и Б, когда для одного понятия существует

только одна противоположность. Аристотель считал, что истинную противоположность выражает то, «что больше всего различается (одно от другого) в пределах одного и того же рода», «по свойствам, принадлежащим одной и той же основе», «в области действия одной и той же способности» [Аристотель, 2002, с. 166]. Так, контрарная противоположность выражает такие понятия, между которыми допустим средний, промежуточный член: *умный – способный, толковый (смекалистый, смысленный), неглупый, средних способностей – глупый*. Контрарная и контрадикторная противоположности имеют логическое обоснование, которое определяется с помощью логического квадрата, или квадрата противоположностей Аристотеля, который вводит представление об общих и частных, а также об отрицательных и утвердительных суждениях. При утверждении или отрицании античный мыслитель называет общими «суждения, когда А, например, присуще всем или не присуще ни одному Б, частным – когда А присуще или не присуще некоторым или не присуще не всем Б» [Аристотель, 2002, с. 9]. Общее называет «суждение, в котором что-либо утверждается или отрицается о каждом предмете какого-либо класса предметов», а частное – «суждение, в котором что-либо утверждается или отрицается о части предметов какого-либо класса предметов» (логика). Например, общими являются суждения *Все студенты занимаются спортом* (утверждение) и *Ни один из студентов не занимается спортом* (отрицание); частными считаются *Некоторые студенты занимаются спортом* (утверждение) и *Некоторые студенты не занимаются спортом* (отрицание). Так, общеутвердительное и общеотрицательное суждения находятся в отношении контрарной противоположности (*Все студенты занимаются спортом – Ни один из студентов не занимается спортом*), а отношение между общеутвердительным и частноотрицательным (*Все студенты занимаются спортом – Некоторые студенты не занимаются спортом*), так же как и отношение между общеотрицательным и частноутвердительным суждениями (*Ни один из студентов не занимается спортом – Некоторые*

студенты занимаются спортом), есть отношение контрадикторной противоположности.

Аристотель также рассматривает суждения с позиции истинности – ложности. Философ считает, что возможно только два варианта взаимодействия между суждениями: во-первых, если одно истинно, то другое обязательно ложно (либо *Ни один из студентов не занимается спортом*, либо *Все студенты занимаются спортом*); во-вторых, оба могут быть ложными (утверждения *Все студенты занимаются спортом* и *Ни один из студентов не занимается спортом* являются ложными, когда истинно утверждение *Некоторые студенты занимаются спортом*). Эти два варианта допускает контрарная противоположность. В контрадикторной противоположности возможна лишь ситуация, при которой одно суждение истинно, а другое непременно ложно: либо *Все студенты занимаются спортом*, либо *Некоторые студенты не занимаются спортом*; либо *Ни один из студентов не занимается спортом*, либо *Некоторые студенты занимаются спортом*. В случае если ложны оба суждения, контрадикторная противоположность предполагает существование третьего варианта, устанавливающего истину.

В качестве истинного для общеутвердительного и общеотрицательного суждения может служить частноутвердительное или частноотрицательное (если *Ни один из студентов не занимается спортом* ложно и *Все студенты занимаются спортом* ложно, значит, возможно истинно либо *Некоторые студенты занимаются спортом*, либо *Некоторые студенты не занимаются спортом*). Таким образом, истинным суждением становится величина, допускающая частичное исключение при абсолютном утверждении или абсолютном отрицании.

Контрарная противоположность возможна в случае, когда объекты, выступая как разные по знаку, равноценны, но при этом допускают наличие частного суждения между крайними суждениями общего характера как вариант среднего члена при градации (*худой, нормальный, толстый*).

Полярные элементы, которые не способны к градации, то есть не имеют переходных состояний, реализуют иной тип противоположности, называемый Л. А. Новиковым *комплементарным* [Новиков, 1982, с. 245]. Иными словами, условие градуируемости – неградуируемости проводит границу между контрарными и комплементарными антонимами.

В комплементарной противоположности видовые понятия, представляя предельное различие, дополняют друг друга до родового, исключают вероятность градации: либо *живой*, либо *мёртвый*; либо *больной*, либо *здоровый*. Если один из компонентов отрицается, то неизбежно утверждается другой.

Комплементарно противоположные единицы, построенные по модели А-не-А, например *здоровье – нездоровье*, *веселый – невеселый*, следует отличать от конрадикторных противоположностей, ибо последние, как было отмечено выше, реализуют несимметричность отношений (*старый – нестарый*).

Выражение комплементарности предполагает классифицирующий, отграничительный, дизъюнктивный характер семантики антонимов: *болен – здоров*, *истина (правда) – ложь (неправда)*, *верный – неверный*. В обиходных выражениях типа *Он не совсем здоров*, *Это не совсем верно* мы имеем дело с эвфемистическим, «смягченным» употреблением слов, истинный смысл которых – «болен», «неверно». Однако существуют ситуации, «при которых некоторые импликации дихотомической классификации могут быть устранены» [Лайонз, 1978, с. 487]. Эти ситуации возможны, когда понятия рассматриваются в «абсолютном» смысле и допускаются отклонения от нормы. Например, *живой – мертвый* следует рассматривать в качестве комплементарно противоположных, но в языке закреплено устойчивое выражение *ни жив ни мёртв*, характеризующее такое состояние, при котором человек находится на границе между двумя взаимоисключающими состояниями жизни и смерти. Данный пример доказывает, что двухэлементное симметричное взаимодополнение может быть нарушено,

поскольку возникает представление о существовании некоего переходного состояния. Состояние комы, воспринимаемое большинством обывателей как переходное, трактуется как «тяжёлое болезненное состояние, связанное с нарушением сознания и резким ослаблением реакции организма на внешние раздражители», но человек жив [БТС, 2000]. Приведённый пример с комой демонстрирует такую действительность, которая выходит за рамки «нормального» восприятия, закреплённой в академических источниках [Лайонз, 1978, с. 488].

Следующий тип противоположности определяется Л. А. Новиковым как *векторная* противоположность, которая представляет собой связь между компонентами, выражающими разнонаправленность действий, движений: *встретиться – разойтись, восход – закат, приходит – уходит* [Новиков, 1982, с.245-246]. Суть векторной противоположности сводится к содержательной стороне компонентов: в их основе лежат процессы, имеющие взаимообратный характер, как действие и противодействие. Таким образом, начальный этап действия одного вектора-понятия совпадает с конечной стадией процесса противоположного вектора-понятия.

Наконец, последний тип смысловых отношений, который наблюдается между противоположными суждениями, называется *конверсивным* [Лайонз, 1978, с.493]. Конверсивы принципиально отличаются от выше рассмотренных типов антонимов, поскольку подразумевают такой тип семантического противопоставления, при котором различные понятия контрастируют в логическом отношении, представляя собой обратные по своему характеру и направленности обозначения одного и того же явления, действия. Члены конверсивной оппозиции выражают обратные, парные действия, невозможные по отдельности. Обычно конверсивы описывают какое-либо действие с позиций двух субъектов, обязательных участников данного действия. Конверсивная противоположность отражает специфику права, которое изучает процессы, предполагающие участие в них двух сторон: *продавать – покупать; снимать – сдавать (о квартире)*. Дж. Лайонз

связывает конверсивную противоположность с процессом синтаксической трансформации, в результате которой именные группы меняются местами [Там же]. Например, к высказыванию *Мария получила подарок от мамы* конверсивно противоположным будет высказывание *Мама подарила Марии подарок*. Субъект и объект действия здесь поменялись местами. Конверсивы – слова, описывающие одну и ту же ситуацию с точки зрения разных участников.

Возвращаясь к родовому понятию – понятию противоположности, мы, вслед за Л. А. Новиковым, можем заключить, что семантическая противоположность формируется на базе контрарной, комплементарной и векторной противоположности, поскольку все три вида способны выражать максимальное различие между компонентами. Контрадикторный тип формирует ослабленную противоположность, при конверсивной противоположности один процесс представлен с противоположных точек зрения.

Ответ на вопрос о том, какой тип противоположности представляет антонимическая пара *больной – здоровый*, отнюдь не является очевидным. С одной стороны, кажется оправданным отнесение к комплементарным антонимам, обозначающим явления и состояния, которые с логической точки зрения оцениваются бинарными характеристиками типа «да» или «нет», «возможно» или «невозможно» (так, логически возможно только состояние *больной* или *здоровый*). С другой стороны, с помощью лексических средств языка фиксируется градация и этих логически неградуируемых явлений (см. *полубольной, чуть жив, еле жив* и т. п.) [Новиков, 1993, с.35], таким образом, речь идет скорее не о комплементарной, а уже о контрарной оппозиции. Кроме того, оппозиция *больной – здоровый* выражает также векторный тип противоположности, при котором «начальный этап действия одного вектора-понятия совпадает с конечной стадией процесса противоположного вектора-понятия»: векторность особенно четко ощущается при сопоставлении слов, входящих с антонимами в отношения

синонимии, например, *больной – выздоравливающий; выздоравливающий – здоровый; здоровый – болевающий; болевающий – больной*¹.

Итак, бинарная оппозиция *больной – здоровый* представлена в русском языке соответствующей антонимической парой, при этом попытка уточнить характер отношения противоположности в паре привела к тому, что от идеи о комплементарной оппозиции, связывающей неградуируемые понятия, мы перешли к гипотезе о возможности членения пространства между полюсами. Эта гипотеза возвращает нас к высказанной ранее мысли о том, что исследовательский путь может представлять собой выделение сначала бинарной, затем тернарной оппозиции и, наконец, градуального множества.

Средний член оппозиции *больной – здоровый* знаком как обыденной картине мира (ср. распространенные формулы ответа на вопрос о здоровье: *Пойдет, Нормально, Ничего, Живу* и др.), так и профессиональной (медицинской), которая оперирует понятиями «среднее (нормальное) здоровье» и (что особенно показательно) «третье состояние», когда человек уже не здоров, но еще и не болен [Физиологические основы здоровья. Краткий курс лекций по валеологии].

Отметим, что среднее значение, независимо от того, обозначено ли оно распространенной в речи единицей или является лишь условным, выступает

¹ Отметим, что вопрос о правомерности отнесения этих пар к антонимам не является решенным. Так, Л. А. Введенская и Е. Н. Миллер говорят о том, что не каждое противопоставление можно относить к разряду антонимических. При определении антонимических отношений в тексте доминирующим оказывается семантический принцип, который определяет тесную связь между антонимами и синонимами [Введенская, 1973, с. 6; Миллер, 1990, с. 40]. По мысли Л. А. Введенской, внутри противоположных синонимических рядов не все синонимы способны вступать в антонимические отношения по причине различия в лексическом значении [Введенская, 1968, с. 69].

своего рода начальным пунктом для дальнейшего членения пространства между антонимичными значениями. Иными словами, возможность тернарной оппозиции открывает для носителя языка возможности градуального множества. Сознание фиксирует многочисленные промежуточные состояния, а язык называет их.

Как мы предположили выше, представление оппозиции *больной – здоровый* как градуального множества, хотя и не вполне соответствует строгой логике, но поддерживается тем разнообразием языковых единиц, которыми носители русского языка называют разную степень болезненности и здоровья, а также промежуточные состояния между ними. Это обстоятельство определяет перспективность использования понятия «скалярно-антонимический комплекс» или его аналогов при описании исследуемой оппозиции.

1.3. Семантическое пространство² здоровый – больной как векторный скалярно-антонимический комплекс

1.3.1. Понятие векторного скалярно-антонимического комплекса

Антонимы *больной – здоровый*, образующие антонимическую пару, могут быть рассмотрены как полюса семантического пространства, включающего обозначения различных проявлений болезни и здоровья. Как говорилось выше, исследовательский путь от бинарной оппозиции через выделение среднего компонента к детальному членению семантического пространства соответствует логике перехода от дуального принципа мировосприятия к градуальному (при сохранении при этом значимости двоичного противопоставления).

² Под семантическим пространством признака мы понимаем все разнообразие проявлений того или иного качества, ограниченное его возможными полярными проявлениями.

Для описания подобным образом организованного семантического пространства может быть использован термин «скалярно-антонимический комплекс», предложенный Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988], или его аналоги, например, термин «векторный синонимико-антонимический комплекс» [Колесникова, 1993]. Понятия, обозначенные этими терминами, основаны на представлении о градуальности как семантической категории.

Градуальность – это семантическая категория, суть которой заключается в отражении способности качественного признака выступать в данном носителе в той или иной степени проявления относительно другого носителя или нормы этого признака, а также находиться в состоянии перехода от одной степени проявления к другой [Воротников, 1987, с. 20]. Структуру этой категории непосредственно определяют такие основные философские категории, как качество, количество и мера.

Категория градуальности, ее особенности и средства выражения в языке и речи привлекают внимание многих ученых [Акуленко, 1987; Арутюнова, 1999; Беловольская, 2001; Вольф, 1985; Воротников, 1987; Колесникова, 1993; Никитина, 2003; Поцелуевский, 1974; Салимьянова, 2011; Ховалкина, 1996; Федяева, 2003 и др.]. В упомянутых работах подчеркивается, что категория градуальности обладает свойством всеобщности: характеризуя предметы, признаки, действия, она активно проявляет себя в семантической структуре существительных, прилагательных, наречий, глаголов, фразеологических единиц.

Категория градуальности является отражением процесса градуирования, в ходе которого человек «промеряет» конкретный признак воспринимаемого объекта посредством соотнесения с некой точкой отсчета, с противоположностями, со степенью проявления этого признака у другого объекта и т.д. Результаты процесса градуирования находят отражение в речи носителя языка: в выборе слов, грамматических форм и др.; в комплексе способы выражения представлены в таблице (см. таблицу 2).

Таблица 2. Способы выражения результатов градуирования в языке

Тип градуирования		Способ выражения
Эксплицитное	Отвлеченное	Градуаторы ³ « <i>больше, чем</i> », « <i>меньше, чем</i> », осуществляющие градуирование по шкале градации вверх или вниз, не указывая на наличие/отсутствие нормы. Градуаторы носят абстрактный характер. Ср.: <i>Больше/меньше здоровья было в молодости.</i>
	Специализированное	Специальные градуаторы: аналитические формы с <i>более/менее</i> и <i>самый</i> , синтетические формы с суффиксами компаратива и суперлатива. Ср.: <i>здоровый: здоровее, более здоровый, самый здоровый, здоровейший.</i>
Имплицитное	Отвлеченное	Новые слова – градуаторы, которые «получаются в результате градуирования вверх–вниз по шкале градации при соотнесении с нормой» [Колесникова, 2012, с. 79]. Ср.: « <i>много/мало</i> », « <i>очень</i> » и под.
	Специализированное	Зависит от количества единиц в градуальном противопоставлении: 1. Двухэлементные: не имеют среднего члена, или функцию среднего члена выполняет квазиантоним с НЕ: <i>грубый – нежный; здоровый – нездоровый – больной.</i> 2. Трехэлементные: имеют один средний член, в роли которого выступает слово, нейтрализующее крайности: <i>больной – нормальный – здоровый.</i> 3. Четырехэлементные: имеют два средних члена, каждый из которых по разному соотносится с полюсами крайности шкалы: <i>горячий – теплый – прохладный – холодный.</i> 4. Многоэлементные: имеют более двух средних членов, которые выражены словами, имеющими свой градуальный оттенок. Самый средний член имеет квазинаучный характер. Ср.: <i>здоровый – не больной – среднего здоровья – нездоровый – больной.</i>

(Таблица составлена с опорой на: [Колесникова, 1999, с.38-40].

³ Термин «градуатор» имеет двойную номенклатуру: «1. Это общее градуирующее понятие, через которое осуществляется переход от одного признака к другому (функция метаслова). Ср.: меньше/больше, чем; 2. Специальное языковое средство, повышающее или понижающее степень проявления признака (аффиксы, лексические средства и др.)» [Колесникова, 2012, с. 80].

Суть градуирования, по мнению С. М. Колесниковой, заключается в постепенном нарастании/убывании градуированных величин, степеней качества, которые находятся на шкале градаций в виде ступеней градуирования [Колесникова, 1999, с.27]. Ученый выделяет следующие операции, которые передают суть градуирования:

1. «Последовательное обертывание» одних величин в другие (градуальные оппозиции в лексической системе языка на уровне синонимии и антонимии).
2. Определение нормы.
3. Размещение значений по отношению к норме при опоре на градуаторы «больше/меньше».
4. Бинарное сопоставление отдельных градуируемых значений слов одного класса.
5. Образование шкалы градаций.

Шкала градаций – это упорядоченный ряд слов относительно градуаторов *больше/меньше/равный*. Динамика шкалы заключается в нарастании или убывании признака, связанного с количественно-качественной характеристикой сопровождаемого на уровне языка импликацией или экспликацией [Колесникова, 1999, С.27].

Градуирование предполагает размещение признака в данном количественном проявлении на соответствующем отрезке шкалы градации, которая в общем виде представляет собой градуированное семантическое пространство признака, ограниченное с обеих сторон его возможными полярными реализациями. Эта шкала отражает способность качества изменять свои количественные характеристики при сохранении неразрывной связи противоположностей, то есть при сохранении качественного тождества [Арутюнова, 1989]. В шкале градаций взаимодействуют два фактора: субъективный – представления субъекта градуирования, т.е. человека, и объективный – реальное проявление признака данного объекта.

Само по себе градуирование и построение градационной шкалы возможно путем метода сравнения. При построении шкалы градации степень проявления признака сравнивается с нормой – установленной точкой отсчета, и со степенью проявления этого признака у другого предмета.

Понятие нормы изучалось Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988], С. М. Колесниковой [Колесникова, 1999], Н. Д. Федяевой [Федяева, 2011] и др. Прежде всего норма – это представление, с которым соотносится реальный, воспринимаемый органами чувств реальный признак реального предмета, это также коллективно-субъективное представление о нейтральном, исходном, обычном [Шрамм, 1979, с. 18; Колесникова, 1999, с. 89; Геккина, 1999, с. 127]. Норма – центральная и наиболее важная точка отсчета, по отношению к которой определяются значения антонимов (*маленький* = меньше нормы, *хороший* = соответствующий норме), – представляет собой более или менее растяжимое понятие. По обе стороны от понятия нормы признак нарастает или, напротив, убывает, кроме того, представления о норме могут отождествляться с частью шкалы, соответствующей одному из антонимов.

Градуальные отношения тесно связаны с такими явлениями языка, как антонимия и синонимия: «Шкала градаций представляет собой антонимические и синонимические отношения, так как она состоит из четырех основных зон – высокая и самая высокая степень признака; низкая и самая низкая степень признака, плюс находящаяся между ними (в центре) нейтральная точка (норма)» [Колесникова, 1999, с. 11]. Градационные оппозиции охватывают в лексико-семантической системе языка наиболее значимый пласт антонимов. Если синонимический ряд строится по принципу градуирования признака, слова-синонимы входят в состав градационных рядов [Кирьян, 1981, с. 8].

Исследование семантического пространства, организованного, во-первых, противопоставленными значениями, во-вторых, значениями, отражающими результаты градуирования, возможно с использованием

терминов «скалярно-антонимический комплекс» или «векторный синонимико-антонимический комплекс».

Под скалярно-антонимическим комплексом в работах Н. Д. Арутюновой подразумевается объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (класса объектов), разделённых градационной шкалой. В классическом виде скалярно-антонимический комплекс представлен количественными (размерными) прилагательными, относящимися к физическим свойствам объектов. Такие пары прилагательных, как *больной – здоровый, высокий – низкий, глубокий – мелкий* указывают на поляризованные значения, принимаемые соответствующими параметрами предмета; антонимичные пары прилагательных могут составлять и качественные прилагательные, в том числе «частнооценочные» прилагательные [Арутюнова, 1988, с. 231-232].

Термин «векторный синонимико-антонимический комплекс», предложенный С. М. Колесниковой, используется для обозначения градуальной оппозиции, передающей такой тип отношений, при котором внутренние члены (синонимы-градонимы) характеризуются различной степенью (градусом) одного и того же признака, а внешние, крайние члены оппозиции (антонимы) представляют собой состоявшийся переход в новое качество, состояние, явление [Колесникова, 2012, с. 80].

Для нашего исследования существенно, что оба термина указывают на семантическое пространство, которое:

- 1) организовано противопоставленными значениями, т.е. базируется на бинарной оппозиции;
- 2) допускает выделение среднего компонента, представляющего собой нейтрализацию полярных значений, т.е. может быть представлено в виде тернарной оппозиции;
- 3) включает множество проявлений признаков, отличающихся от полярных и среднего, что позволяет представить градуальное множество.

Иными словами, использование понятия «скалярно-антонимический

комплекс» или его аналогов для исследования того, как в языке представлена концептуальная оппозиция, по нашему мнению, весьма целесообразен.

1.3.2. Векторный скалярно-антонимический комплекс больной – здоровый

В соответствии с перечисленными выше специфическими особенностями векторного скалярно-антонимического комплекса при моделировании комплекса *больной – здоровый* необходимо представить:

- 1) организацию полюсов шкалы;
- 2) особенности среднего компонента и нормы признака;
- 3) разнообразие промежуточных членов комплекса и их соотношение друг с другом и с полюсами.

Одним из тезисов теории градуальности является утверждение о том, что часть обладает свойством целого, иначе говоря, любая точка на шкале градации обладает свойством «растяжимой точечности» [Арутюнова, 1988, с. 233] и, как следствие, может быть представлена в виде отдельной шкалы. Наиболее полно это свойство может быть проиллюстрировано на примере организации полюсов. Рассмотрим (на первом этапе – по отдельности) два частных скалярно-антонимических комплекса: *больной* и *здоровый*.

Здоровье градуируется довольно специфически, так как на основное значение накладываются размерные семы.

С одной стороны, в дело вмешивается архаическое, но не переставшее работать в наше дни соображение «чтоб не сглазить». Охарактеризовать собственное здоровье как в высокой степени хорошее страшно, поэтому в ответ на вопрос о самочувствии мы слышим и отвечаем сами, что оно *приличное* и *нормальное*, тем самым указываем на факт соответствия норме, но не эксплицируем оценку.

С другой стороны, хорошее здоровье все же специально номинируется: его обладатель – *сильный, крепкий, бодрый, цветущий человек, он в принципе*

здоровый (см. известное противопоставление полной и краткой формы прилагательного по принципу «постоянный – временный») или даже *здоровуший* (здесь, правда, размерные семы нередко «вырываются вперед», актуализируя значение «большой»). Ср.: *Ведь мама больна, а он здоровуший и весь наполнен радостью* (Г. Щербакова); *Сильный, здоровый, румяный датчанин оказался большим любителем лошадей и собак* (П. Козлов).

Номинируется хорошее здоровье и через сравнение. Например, современный наивный носитель языка с равным успехом воспроизводит два стереотипных образа здоровья. Первый можно назвать традиционным в том смысле, что он восходит, по-видимому, еще к архаичному состоянию картины мира. Хорошее здоровье в таком случае *лошадиное, как у быка* а на его обладателе *пахать можно (надо)*, женщина может быть *здорова как корова*. Показательно, что, несмотря на безусловную ценность здоровья, некоторая «неумеренность» нередко становится объектом критики, даже осуждения. Вспомним фразу из кинофильма «Служебный роман», брошенную Верой профсоюзной активистке Шурочке *Да на тебе пахать надо!*, которая иллюстрирует отрицательно-ироничную оценку: Шура настолько здоровая и крепкая женщина, что становится противно от ее энергии.

Другой образ – дитя новейшего времени: здоровье такое, *как у космонавта, хоть в космос запускай*. Отметим, что одним из следствий антропоцентризма картины мира является тот факт, что уподобление человека животному нередко становится своеобразным понижением в ранге; подобные характеристики ассоциируют отрицательные оценочные смыслы, в связи с чем о своем лошадином здоровье люди говорят гораздо реже, чем о чужом, ср.: *Нечего его жалеть! Здоровья у него как у лошади* (из разговора). С космонавтом, по нашим наблюдениям, люди сравнивают себя более охотно, но обычно понижают оценку невербально-шутливым тоном, например: *Температура 36.6. Да я здоров, как космонавт перед полетом!* (форум).

Субъективная боязнь глаза и объективная сложность установления факта здоровья становятся причиной того, что в языке подчеркивается визуальный характер оценки: *выглядит здоровым, на вид здоровый* и т.п. К сожалению, жизненный опыт говорит нам о том, что внешнее и внутреннее не всегда совпадает, ср.: *Как все ужасно, неужели Юра страшно болен, он такой красивый, здоровый, занимается спортом. По нему и не скажешь...* (из разговора).

Что касается профессиональной картины мира, то весьма показательна формула, определяющая здорового человека и подчеркивающая относительность параметра: *практически здоров, годен* (в значении *здоров* или *здоров, но*), например: *Домой возвращался, бодро шлепая по лужам, с диагнозом «практически здоров»* (А. Битов); *У Коли было плохое зрение – близорукость, почти минус десять, тем не менее он не сомневался, что окажется годен* (В. Шаров).

Итак, здоровье, разумеется, градуируется с учетом его степени, однако на положительном фланге шкалы располагаются только значения нормальной и высокой степени проявления признака. Все шаги в противоположную сторону (например, *не вполне здоровый, не совсем здоровый, не очень здоровый*), формально отрицающие не факт здоровья, а только факт его интенсивности, уже вряд ли относятся к флангу.

Говоря о градуировании болезни, необходимо упомянуть о значимости противопоставления *легкие – тяжелые болезни*, находящего отражение в наивной и профессиональной картинах мира, в русском речевом этикете и, разумеется, в системе номинаций.

По точному замечанию Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999], образ идеального мира (идеальный образ мира) исключает такое явление, как тяжелые болезни, вместе с тем это только одна из возможных трактовок идеала. Если же рассматривать идеальные миры, созданные в культуре (в частности, в литературе), то можно подумать, что игнорируются, напротив, болезни легкие. Так, у подлинных героев невозможно представить что-

нибудь вроде насморка: они страдают от тяжелых ран (в древних и средневековых эпосах, приключенческих романах, детективах и др.) или серьезных недугов (в 19 – начале 20 вв. безусловными лидерами был туберкулез (образ чахотки до предела романтизирован,) и тиф, в современной культуре – рак.

Обыденная картина мира в принципе чужда обеим этим тенденциям. Закрывать глаза на существование тяжелых заболеваний невозможно, воспевать их – противно природе обычного человека. В этой связи можно сказать, что наивная картина мира, скорее, поддерживает первую версию идеализированной картины мира: гнать от себя мысли о тяжелой болезни, не говорить о ней так долго, как будет возможно: – *А вдруг это рак? – Что за мысли! Даже не смей об этом думать! Все будет хорошо* (из разговора).

Анализируя практику повседневной коммуникации, мы обнаруживаем, что тяжелая болезнь для речевого этикета – тема повышенного риска. Ср.: – *А если подтвердится, что у него рак? – Замолчи! Не хочу об этом ни говорить, ни думать!* (из разговора). Безусловной причиной такого отношения является близость в сознании концептов «Тяжелая болезнь» и «Смерть».

Иное дело – такие болезни, которые не угрожают жизни человека. Они градуируются в обыденной картине мира с учетом степени их серьезности. Наименьшая степень болезненности отмечается у тех недугов, которые практически не препятствуют обычной жизнедеятельности человека. Человек склонен даже отказывать им в статусе болезни, тем самым выдворяя за границы полюса (см. диалоги типа *Заболеет? – Нет, ерунда – насморк*). Подобную тенденцию мы наблюдаем в детском стихотворении Романа Сипина:

*Нет, Анюта, все в порядке,
У меня нет лихорадки.
Кашель, насморк – все дела,
Это просто ерунда* (Р. Сипин).

Эффективной борьбой с такими заболеваниями являются широко рекламируемые лекарственные средства, которые излечивают за минуты: герои рекламных роликов, еще недавно страдавшие от головной боли, насморка и т.п., приняв чудо-средство, немедленно возвращаются к активной жизни. Понятно, что в этом есть значительное преувеличение, однако скорость выздоровления (даже с учетом того, что в реальной жизни она существенно ниже) – один из важных параметров, организующих градацию на соответствующем участке шкалы. По-видимому, другой важный фактор – отсутствие необходимости обращаться за помощью: *У меня просто кашель! Он сам пройдет, это ненадолго, зачем врачу только мозг пудрить* (форум). В XXI веке люди все чаще «лечатся» в интернете, на форумах, считая, что там им дадут дельный совет и поход к врачу необязателен.

Болезни более тяжелые, но излечиваемые, весьма обременительны в острой фазе, однако по прошествии времени превращаются в довольно распространенную тему разговора: *Представляешь, меня же в прошлом году оперировали – камни в почках дробили. Еле пережила...* (из разговора). *Да ты не переживай, нам вообще в три месяца паховую грыжу оперировали!* (из разговора). Люди охотно рассказывают о том, как ходили по врачам, лежали в больницах и т.п.

Попытки носителей языка градуировать здоровье и болезнь приводят к тому, что, во-первых, полярные значения приобретают характер шкалы, прежде всего интенсивности, во-вторых, семантическое пространство между полюсами начинает заполняться. Так, разноуровневые языковые средства позволяют говорящему выразить количественную и качественную неоднородность значений *больной – здоровый* и их взаимопереходы. Приведем некоторые примеры таких средств:

1) сложные слова и словосочетания с семантикой промежуточного, среднего или преходящего состояния: *Явился неожиданно, чахлый, полубольной, никому не ведомый, провинциальная чиновничья крыса в круглых очках, и предложил свою помощь революции* (Ю. Трифонов); *Какой-*

то не то больной, не то не больной, а странный, бледный, обросший бородой, в чёрной шапочке и в каком-то халате спускался вниз нетвёрдыми шагами (М. Булгаков);

2) оксюморонные словосочетания: *То есть он был **здоровый больной**, каких любят и врачи, и сёстры, и прочий обслуживающий персонал, он был светел и радостен...* (А. Слаповский);

3) словосочетания с обстоятельствами меры и степени: *...испугалась и обрадовалась; значит, **не очень болен*** (Д. Мережковский); *Участник войны, ветеран, немолодой и **очень больной** человек, он, как и Инна Лиснянская, тут же был отлучен от писательской поликлиники* (С. Рассадин); *В Крыму, во время болезни Императора Александра III, Гирс тоже был **несколько болен** и не выходил из своих комнат* (С. Витте); *Но все вокруг говорили, что «папаша» **сильно болен**, едва жив и что осталось ему недолго* (М. Кучерская); *... Я был нездоров и не в духе и теперь так же. Нынче чувствую себя **совсем больным**...* (М. Зощенко).

4) словоформы с семантикой сравнения и сравнительные конструкции: *Моя болезнь **здоровее** вашего здоровья* (Ф. Достоевский); *Через неделю он заболел **еще сильнее*** (форум); *Я **самый больной** человек в мире!* (из м/ф «Малыш и Карлсон»); *Мне 30 лет, а болячек **как у старухи*** (из разговора);

5) слова с приставкой или частицей НЕ, снижающими степень полноты признака: *Дедушка решил, что он **не так уж и болен**, увидев, сколько таблеток выпил внук перед дискотекой* (анекдот); *Я **не настолько болен**, чтобы не есть* (из разговора);

6) лексические повторы и слова с приставкой ПРЕ, повышающие степень полноты признака: *Ребенок **больной-больной**, а тут вдруг сразу «почуковнел» и зорко стал следить за тем, что будет «дальший»* (Л. Гурченко); *Сказать, являетесь ли вы «**больной-пребольной**» или нет, я не могу* (форум) и др.

Помимо значения интенсивности, важным для формирования векторного скалярно-антонимического комплекса *больной – здоровый*

представляется временное значение. Его важность обусловлена и общим свойством шкал градации, заключающимся в том, что в любой шкале заложена динамика [Колесникова, 2012, с. 80], и особенностями концептуальной оппозиции *больной – здоровый*, которая фиксирует физическое состояние человека в определенный период времени. Показательными в этой связи являются такие средства номинации болезни/здоровья, как

1) словосочетания с наречиями времени и темпоральными частицами, обозначающими время появления признака, а также своевременность/несвоевременность: *Болезнь пришла не вовремя. Впрочем как всегда* (форум); *Корытин-старший, не оставлявший своего председательства в колхозе и в возрасте пенсионном, вдруг «не ко времени» заболел* (Б. Екимов);

2) видо-временные глагольные формы с семантикой начала, протекания и завершения процесса: *Чай и табачок есть, больше человеку ничего не требуется. Одно только: болеть стал! Это, братец мой, последнее дело* (М. Алданов); *Сам-то в больнице, – с готовностью пояснил я. – Приболел малость. А я вот хочу тем временем двёрку в порядок привести* (А. Волос); *Давид Шварц из грозного, всесоюзно известного судьи превратился в больного старичка* (Ю. Трифонов); *Что я уехал в Псков и заболел...* (С. Довлатов).

Болезнь и здоровье понимаются как смена состояний человека (*здоровье – заболевание – болезнь*), а состояние относится к числу универсалий, в которых осуществляется событийно-динамическое представление мира, например: Состояние пациента: *тяжелое – средней тяжести – легкой тяжести – выздоровление*, или *тяжелое состояние – крайне тяжелое состояние – критическое состояние – смерть*. Синонимы-градонимы в в этом случае характеризуют различную степень (градус) одного и того же признака (состояние человека), а крайние члены оппозиции (антонимы *здоровье – смерть*) представляют собой состоявшийся переход в новое

состояние. В целом здоровье и болезнь зависят от состояния человека, как и состояние зависит от болезни или здоровья.

Итак, каждый полюс оппозиции *больной – здоровый* может быть представлен в виде отдельной градационной шкалы, кроме того, и пространство между полюсами подвергается градуированию. В результате объединения значений интенсивности и времени возникает множество номинаций, благодаря которым говорящий получает возможность выразить нюансы.

Вопрос о норме и среднем компоненте оппозиции также может быть решен как для всего исследуемого комплекса в целом, так и для каждого из его полюсов.

Для устройства всего векторного скалярно-антонимического комплекса *больной – здоровый* существенно то, что у аксиологических признаков норма не совпадает с серединой шкалы; так в паре *больной – здоровый* второй член принимается за норму применительно к большинству классов предметов [Поцелуевский, 1974, с. 243]. Иначе говоря, в концепте *здоровье* понятие нормы является ядерным, и это обстоятельство определяет оценочный характер номинаций здоровья и болезни. Что касается участка срединного участка шкалы, то он представлен в русском языке немногочисленными и довольно условными номинациями (*среднее здоровье, среднего здоровья*). От середины к полюсам признаки нарастают/убывают, а крайние члены образуют полную антонимию: *здоровый – небольшой – **среднего здоровья** – нездоровый – больной*. Судя по приведенному ряду, движение от полюсов к середине может маркироваться приставкой НЕ: имена прилагательные, образованные с ее помощью, имеют значение, противоположное с какой-либо точки зрения значению основного прилагательного: *здоровый – **нездоровый** – больной*, при этом однокоренной антоним с НЕ, по сравнению с разнокорневым, номинирует не крайнюю степень проявления признака, а именно усредненную. Заметим, что совпадение нормы с одним из полюсов приводит к оценке среднего как плохого. Показателен в этой связи

фразеологический оборот *между жизнью и смертью*, который формально указывает на нахождение посередине, но используется для номинации плохого – крайне тяжелого состояния больного: *между жизнью и смертью* разг. экспрес. «в очень тяжёлом состоянии кто-либо» [Фёдоров, 2008].

Норма и средний компонент для каждого из полюсов тоже могут быть выделены. Так, при характеристике больного, состояние которого далеко от здоровья, но не вызывает опасений за жизнь, употребляют выражения *средней степени тяжести, среднетяжелое* и т.п. О собственном здоровье говорят *нормальное, удовлетворительное, пойдет* и т.п.; каждое из этих выражений указывает на соответствие норме.

Итак, очевидно, что антонимическая пара *больной – здоровый* – базовое представление в языке соответствующей концептуальной бинарной оппозиции: антонимы «находятся на крайних точках лексической парадигмы» [Фомина, 2001, с. 140]. И для носителя языка, и для исследователя возможен и следующий шаг – расширение бинарной оппозиции, воплощенной в антонимической паре, до тернарной. Желание почувствовать/выразить нюансы, а главное – важность этих нюансов для говорящего, заставляет его искать способы обозначения многообразных проявлений признака, в результате чего антонимическая пара превращается в градуальное множество: синонимы, входящие в векторный скалярно-антонимический комплекс, позволяют представить качественно-количественную неоднородность признака. Понятно, что чем важнее для человека качество, тем более детализированным окажется его спектр, а факты языка позволяют описать этот спектр довольно подробно.

Реально ли не только констатировать существование множества проявлений болезни и здоровья, но и упорядочить их обозначения в русском языке с помощью модели шкалы? К сожалению, возможности исследователя на этом пути ограничены особенностями синонимов-градонимов.

Рассмотрим в этой связи группу слов и выражений, представляющих различный исход болезни. Крайней точкой при движении к отрицательному

полюсу является *смерть*, при движении к положительному – *здоровье*. С одной стороны, можно выстроить вполне корректную последовательность, например: *смерть – тяжелое состояние – среднетяжелое состояние – стабильное состояние – выздоровление – здоровье*. С другой стороны, следует признать, что для обозначения шагов до этих крайних точек русский язык располагает довольно представительным набором слов и выражений, находящихся между собой в отношениях тождества и не позволяющих осуществить безупречное шкалирование. Так, отрицательная динамика обозначается выражениями *тяжелое / критическое / предсмертное* и т.п. *состояние, на последнем издыхании, между жизнью и смертью* и др.; положительная – словами *выздоровление, аналепсис, поправка, восстановление* и т.п., причем определить, основываясь на словарных дефинициях, последовательность этих шагов невозможно. Ср.:

восстановление от *восстановить* «привести в нормальное состояние» [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

поправка разг. «восстановление здоровья после болезни» [Ушаков, 1935-1940, электронный ресурс];

аналепсис «восстановление сил, выздоровление» [Чудинов, 1984];

выздоровление «особое состояние организма, наступающее за окончанием какого-либо болезненного процесса и продолжающееся до полного восстановления нормального питания и деятельности всех органов» [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс].

Попытка построить шкалу перехода от состояния болезни к состоянию здоровья, например так, как это показано на рисунке 1, обречена на критику (см. рис. 1).

Рис.1. Векторное поле градуальности шкалы «Исход болезни»

Очевидно, что определить точную градуальную последовательность единиц, относящихся к полюсам не представляется возможным, что объясняется сочетанием в их семантике различных компонентов, в том числе оценочных и экспрессивных, которые не могут быть упорядочены. Эта закономерность на примере других шкал, включая шкалы размерных признаков, была замечена учеными (см. об этом: [Колесникова, 2012]).

Итак, сложность семантики компонентов скалярно-антонимического комплекса не позволяет упорядочить градуальное множество в виде безупречной одномерной шкалы, зато позволяет выделить частные шкалы на основании общности семантических компонентов. Например, могут быть выделены следующие блоки:

1. Блок «Болезнь» со шкалой «Легкие/тяжелые болезни» (*насморк – простуда – грипп – отравление/интоксикация – диабет – туберкулез – рак и под.*).
2. Блок «Исход болезни» со шкалой «Смерть/выздоровление» (*смерть – предсмертное состояние – критическое состояние – тяжелое состояние – средняя тяжесть состояния – стабильное состояние – выздоровление*).

1. Блок «Пациент» со шкалой «Больной/здоровый» (пациент *больной – тяжелый – в критическом состоянии (предсмертном) – выздоравливающий – здоровый.*

3. Блок «Наличие/отсутствие физических сил» со шкалой «Сила/слабость» (*слабый – хилый – чахлый – немощный/крепкий – сильный*).

4. Блок «Внешние проявления болезни» со шкалой «Здоровый вид/больной вид» (*бледный – худой/румяный – здоровой полноты*) и др.

Выделенные выше блоки градуируются естественным образом. Другие же (например, блок «Причины и возбудители болезни») также могут быть выделены, однако описание их в виде шкалы не представляется возможным. Подчеркнем, что нами выделены далеко не все шкалы блоков отрицательного члена концептуальной оппозиции *больной – здоровый*. При детальном исследовании выделяется гораздо больше шкал, например, блок «Исход болезни» может быть описан шкалами *выздоровление – инвалидность, паралич; выздоровление – слабоумие; выздоровление – бесплодность; выздоровление – слепота; выздоровление – ампутация* и др. Блок «Диагноз» может быть детально структурирован названиями легких и тяжелых болезней (*простуда, насморк, бронхит, воспаление легких, тромбоз, некроз, рак* и под.), а также излечимых и неизлечимых болезней.

Дальнейшее упорядочение отдельных участков шкалы возможно на основании того или иного семантического признака. Например, блок «Исход болезни» может быть детализирован следующим образом. По признаку *длительности состояния* **выздоровление** может быть *долговременным* и *быстрым*, а **смерть** может быть *долгой, скоропостижной*. По характеру *протекания состояния* **выздоровление** может быть *тяжелым, легким, приятным*, а **смерть** – *мучительной, изматывающей, страшной*. По признаку *причина исхода* **выздоровление** может наступить по причине *успешного лечения, соблюдения рекомендаций врача, изменения климата, устранения аллергена, постельного режима* и под., **смерть** – по причине *неправильного лечения, ошибки врачей, неизлечимой болезни, самолечения* и под. По

характеру завершения данных состояний **выздоровление** может быть полным и неполным (ср.: *Я еще не до конца поправился, но пришлось выйти на работу*). Следует заметить, что исходом болезни может быть и *хроническая стадия*, которую мы можем отнести к неполному выздоровлению. При подобном исходе жизни человеку ничего не угрожает, однако, появляются какие-либо ограничения, и болезнь так или иначе все равно напоминает о себе на протяжении всей жизни. **Смерть** же не может быть частичной. Она либо есть, либо ее нет. Однако в русском языке есть лексемы, обозначающие состояние человека, при котором он не совсем жив и не совсем мертв, например, *клиническая смерть, кома, ни жив не мертв*.

Еще одним фактором, с одной стороны свидетельствующим о насыщенности пространства между полюсами, а с другой – осложняющим упорядочение шкалы, является образность многих компонентов градуального множества. Так, в русском языке широко распространено метафорическое представление болезни, которая уподобляется поломке машины (*мотор барахлит* – о сердце), разрушению дома (*Рак разрушает фундамент здорового организма* (форум)), войне (*Болезнь – это война своих и чужих* (форум)), как хищник, чудовище (*Рак вцепился в него своими острыми когтями и не отпускает* (из разговора)) и др. Образность делает эти и подобные выражения ярким средством номинации болезни.

Сказанное выше доказывает, что описание оппозиции *больной – здоровый* с использованием модели скалярно-антонимического или векторного синонимико-антонимического комплекса обосновано самой природой оппозиции, предоставляющей носителю языка практически безграничные возможности концептуализации различных проявлений здоровья и болезни.

Как и предполагалось, исследуемую оппозицию можно охарактеризовать как градуальную, передающую такой тип отношений, при котором внутренние члены (синонимы-градонимы) характеризуются различной степенью («градусом») одного и того же признака, а внешние,

крайние члены оппозиции представляют собой состоявшийся переход в новое качество, состояние или процесс. В русском языке градуальная оппозиция охватывает большой пласт антонимов, а синонимические средства дают возможность передать различные оттенки значения предмета, признака, процесса.

Завершая разговор о целесообразности использования понятия «скалярно-антонимический комплекс», заметим, что подобный подход к исследованию концепта *здоровье* был применен в диссертационной работе Л. О. Тимошенко «Скалярно-антонимический комплекс концепта *здоровье* в русском и английском языках» [Тимошенко, 2005]. Исследование Л. О. Тимошенко представляет для нас несомненный интерес, так как это единственная работа, в которой концепт рассматривается методом комплексного анализа, включающего создание шкал и графиков и анализ контекстов. Нам близка мысль Л. О. Тимошенко о том, что концепт *здоровье* может быть рассмотрен как система взаимосвязанных шкал. Представляется однако, что описание не одного из противопоставленных концептов, а оппозиции в целом позволит получить более целостную картину концептуализации этого фрагмента в русском языке.

1.4. Здоровье и болезнь как ценность и антиценность культуры

1.4.1. Ценностный характер концептуальной оппозиции больной – здоровый

Выше отмечалось, что особое значение для культуры и языка имеют концепты и концептуальные оппозиции аксиологического характера. Говоря об осознании носителем языка болезни и здоровья, представляется необходимым коснуться вопроса о ценностном характере этих понятий.

Проблема ценностей и антиценностей занимает в культурологическом познании особое место, чему способствует в первую очередь широко

распространенное понятие культуры как совокупности всех ценностей, созданных человечеством. Именно это делает ценности специфическим объектом культурологического анализа. Анализ культурологических концепций (философские концепции, социологическая концепция культуры П. Сороки, культурно-исторические концепции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, Л. Н. Гумилева; семиотические концепции культуры Ю. М. Лотмана, Р. Барта, М. М. Бахтина; психоаналитические концепции культуры З. Фрейда, игровые концепции культуры Й. Хейзинга) показывают, что при интерпретации культурных различий ключевая роль принадлежит именно категории ценности.

Обратимся к философскому определению ценностей и антиценностей, без которого невозможно полное понимание данных категорий. Рассмотрим точку зрения Г. Риккерта, одного из основателей Баденской школы неокантианства, обращавшегося в своих работах «Философия жизни» и «О понятии философии» к ценностным характеристикам жизни и здоровья.

Ученый считал, что «уникальность каждой культуры состоит в наборе определенных ценностей, разделяемых большинством представителей данной культуры» [Риккерт, 1998, с. 55]. Ценности, по его мнению, «не представляют собой действительности ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности» [Там же, с. 94]. Г. Риккерт считал, что ценности обнаруживают себя в благах, которые являются ценными частями действительности. Философ подчеркивал, что не различные блага являются ценностями, а наоборот, люди стремятся обрести блага потому, что у них существует представление о том, что ценно, а что нет.

Г. Риккерт считал, что важно различать понятия ценности и оценки. По его мнению, оценивать – значит высказывать свое отношение к предмету – похвалу или порицание, т.е. оценка может быть произведена только на основе понимания значимости ценности. Если таковое отсутствует, то и оценка невозможна. Как отмечает ученый, «отнесение к ценностям остается в

области установления фактов, оценка же выходит из нее» [Риккерт, 1998, с. 94]. Именно в оценке находит свое выражение ценностное отношение между представлением об объекте действительности и самим объектом. Оценка выражается в сопоставлении с системой ценностей индивида, когда определяется ее место в этой системе.

Таким образом, понятие блага относится к миру бытия, понятие оценки – к миру сознания, а понятие ценности находится «по ту сторону объекта и субъекта» [Риккерт, 1998, с. 94]. Именно такое понимание ценности лежит в основе всей философской системы, построенной баденским мыслителем.

Современные ученые М. Я. Блох и Н. В. Ильина считают, что «понятие ценности связано лишь с положительным значением, что и отличает ценность от оценки. Отрицательных ценностей быть не может, поскольку одно и то же явление не может быть одновременно и положительным, и отрицательным в одном и том же отношении и для одного и того же человека» [Блох, Ильина, 1986, с. 16]. Так, понятие *здоровье* для нормального человека не может являться антиценностью, как и *болезнь* – ценностью.

Итак, «ценность/антиценность» представляется как один и тот же объект, который при оценке с разных точек зрения может выступать как ценность или антиценность. Ценности и антиценности, выявленные в процессе оценки, не являются естественными свойствами оцениваемых объектов, «хотя они неразрывно связаны со своими носителями и немыслимы без них. Поэтому нельзя сказать, что они объективны. С другой стороны, ценность или антиценность не могут быть названы субъективными. Они – момент единства субъекта и объекта» [Блох, Ильина, 1986, с. 17].

Рассмотрение жизни и здоровья как ценности и болезни и смерти как антиценности невозможно, таким образом, без социально-философского рассмотрения и обсуждения их ценностных аспектов.

Исходя из рассмотренных нами философских концепций, можно сделать вывод о том, что по своей ценностной сущности *здоровье* выступает благом, т.е. тем, что отвечает потребностям, интересам, имеет положительное

значение для человека. *Болезнь* же никогда не считалась ценностью и имеет негативное значение. Б. Г. Юдин, говоря о проблеме ценности *здоровья*, отмечает, что «нередко под здоровьем мы понимаем нечто не просто нормальное, но такое, к чему должно стремиться, чего мы хотим, порой даже вождееем, во имя чего можем тратить свои силы, претерпевать немалые лишения и ограничения, т.е. нечто, понимаемое нами как ценность. Здоровье, иными словами, может быть столь значимой ценностью, чтобы диктовать цели, намерения и действия как отдельных людей, так и социальных институтов вплоть до общества в целом» [Юдин, 2001, с. 63].

Современная лингвокультурология считает, что, являясь важнейшими компонентами человеческой культуры, ценности, наряду с нормами и идеалами, находят отражение в языке. Так, Н. Ф. Алефиренко утверждает, что «объектом лингвокультурологии, в частности, являются продукты ценностно-смыслового познания, мир субъективных образов, смыслов и ценностей, порождаемых языковыми личностями, точнее, их смысловыми установками» [Алефиренко, 2010, электронный ресурс]. Ученый выделяет в ценностно-смысловом пространстве человека *ценностно-символическую интуицию*, которая отвечает за символическое восприятие и понимание фундаментальных эстетических и этических ценностей. С ее помощью чувственно воспринимаемый образ превращается в средство для адекватной и убедительной передачи идеального смысла. А. В. Иванов пишет, что «духовные ценности выражаются символами культуры (языком, литературными текстами, произведениями искусства, продуктами материальной культуры), подлежащими распредмечиванию живым человеческим сознанием» (Цит. по [Алефиренко, 2010, электронный ресурс]). Именно культурологические категории, называемые ценностями, лежат в основе ценностно-смыслового пространства языка.

Опираясь на принципиальную полярность русской культуры, которая выражается в дуальной природе ее структуры, можно сказать, что невозможно иметь представления об окружающей действительности без

противопоставления. Отсюда и появляются антиценности как противоположные полюсы. Рассмотрим в этом смысле аксиологическую шкалу, построенную на основе «пирамиды потребностей Маслоу» (см. таблицу 3), которая визуалью представляет потребности человека в образе иерархической пирамиды. Нам она интересна прежде всего, тем, что поддержание жизни и здоровья является главной потребностью человека.

**Таблица 3. Аксиологическая шкала, построенная на основе
«пирамиды Маслоу»**

Ценностный компонент шкалы	Антиценностный компонент шкалы
Витальные ценности (жизнь, здоровье).	Витальные антиценности (смерть, болезнь).
Данная категория ценностей и антиценностей является основной, базовой для каждого человека, в ее основе лежат физиологические потребности человека. Хорошее здоровье и возможность жить являются главными условиями существования человека. К витальным ценностям и антиценностям относится рассматриваемая нами оппозиция «болезнь-здоровье».	
Социально-утилитарные ценности (труд, работа) и материально-утилитарные ценности (богатство, бережливость).	Социально-утилитарные антиценности (лень, безработица) и материально-утилитарные антиценности (нищета, расточительность).
На срединном уровне находятся ценности, имеющие отношение к труду и деньгам. Именно труд считается основной возможностью получения финансов, что является необходимым условием для жизни человека.	
Интеллектуально-познавательные ценности (мудрость, образование), гедонистические ценности (счастье, радость), нравственно-этические ценности (истина, правда, честность, справедливость, дружба, любовь);	Интеллектуально-познавательные антиценности (глупость, невежество), гедонистические антиценности (несчастье, горе), нравственно-этические антиценности (ложь, обман, бесчестность, враждебность, алчность);
Описанные выше ценности и антиценности относятся к интеллектуальным, этическим.	
Религиозные ценности (рай) и священные ценности (родина).	Религиозные антиценности (ад) и священные антиценности (чужбина).
На высшем / низшем уровне находятся ценности и антиценности, связанные с духовной культурой, верой, мировоззрением, идеологией, патриотизмом: религиозные и священные.	

(Таблица составлена с опорой на: [Рассел, Д., 2013, с. 10-15]).

Таким образом, рассмотрение ценностей и антиценностей невозможно без понятия бинарных оппозиций. Каждая ценность в данной таблице рассматривается на основе ее противопоставления, антиценности. Данная

аксиологическая шкала представляет собой иерархию конвенциональных ценностей и антиценностей, сложившихся в обществе. Нам интересно, в первую очередь рассмотреть ценности *здоровье* и антиценности *болезнь*, которые относятся к витальным.

Итак, в аксиологической классификации, построенной на основе «пирамиды Маслоу», *здоровье* относится к разряду высших, универсальных ценностей, так как оно имеет непреходящее, всеобъемлющее и вневременное значение. В то же время, *здоровье* является ценностью – средством, так как существует не само по себе (Цит. по: [Ларионова, электронный ресурс]), а является условием существования еще более значимой ценности – жизни. Можно жить, будучи нездоровым, но нельзя, будучи здоровым, не жить.

Ценностное содержание *здоровья* заключается в отношении человека к своему состоянию, которое обеспечивает нормальную жизнедеятельность. Вместе с отношением человека к здоровью выстраивается система его ценностных ориентации, предпочтений, целей, без которых человеческое существование лишается смысла. В свое содержание *здоровье как ценность* человек включает множество субценностей, имеющих смысложизненное значение для человека. Таким образом, *здоровье* – это и сила, и польза, и красота, и счастье, и благосостояние, и работа. Именно в этом отношении о *здоровье* можно говорить как об универсальной ценности. Носителями здоровья, а следовательно, и субъектами ценностного отношения могут выступать отдельные личности, социальные группы, общество в целом.

Здоровье человека как ценность – это возможность осуществления человеком целенаправленных и осознанных действий без ухудшения своего физического и духовного состояния. В *здоровье* как ценности можно выделить два основных компонента:

1. Объективный компонент. Это совокупность возможностей, которые могут быть реализованы при наличии полноценного здоровья. Это может быть статусная роль в обществе, профессия, род занятий, продолжительность жизни и т.п.

2. Субъективный компонент здоровья как ценности. Это отношение субъекта к своему здоровью, выражающееся в предпочтениях, ценностных ориентациях, мотивации в поведении по отношению к здоровью.

Таким образом, ценностное измерение культур, определение специфики норм и ценностей реализуется на базе *хорошо – плохо*, т.е. выявляется на основе оппозиции: *здоровье – хорошо, болезнь – плохо*. Бинарные оппозиции выступают здесь крайними полюсами ценностных шкал.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что суть *здоровья* как ценности заключается в том, что именно *здоровье* как состояние позволяет человеку реализовать определенный набор физических, духовных и социальных возможностей, в той или иной мере реализовать свой человеческий потенциал. *Болезнь* же, напротив, препятствует реализации возможностей человека, не дает нормально жить, работать. *Здоровье* относится к разряду высших, универсальных ценностей, как *болезнь* – к универсальной антиценности, так как эти понятия имеют непреходящее, всеобъемлющее и вневременное значение. Таким образом, понятие ценности определяет социокультурное значение явлений действительности, включенных в ценностные отношения. Ценности считаются смыслообразующими элементами человеческого бытия, задающими направленность и мотивированность человеческой жизни.

1.4.2. Ценностные концептуальные оппозиции как объект лингвистического описания

Регулярность отражения в языке значимых ценностных понятий, значимость для языка и культуры принципа дуальности предопределили интерес лингвистов к подобным объектам.

Исследования в этом направлении ведутся в основном в рамках лингвокультурологии и имеют конечной целью описание картины мира того или иного языка.

«Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Апресян, 1995, с.42]. Раскрыть характер народа – значит выявить его наиболее значимые социально-психологические черты, которые исторически вырабатывались у нации под воздействием условий проживания, образа жизни, социально-экономического строя и др. Национальный образ жизни народа формируется природными условиями, окружающим миром, которые в свою очередь, определяют род труда, обычаи и традиции. Языковая картина мира – это системное, целостное отображение действительности с помощью различных языковых средств.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера о внутренней форме языка [Маслова, 2007]. Каждый человек имеет субъективный образ некоего предмета, который не совпадает полностью с образом того же предмета у другого человека. Объективироваться это представление может только прокладывая «себе путь через уста во внешний мир». Слово, таким образом, несет на себе груз субъективных представлений, различия которых находятся в определенных рамках, так как их носители являются членами одного и того же языкового коллектива, обладают определенным национальным характером и сознанием.

Заслуга Л. Вайсгербера заключается в том, что он ввел в научную терминологическую систему понятие «языковая картина мира». Это понятие определило своеобразие его лингвофилософской концепции наряду с «промежуточным миром» и «энергией» языка [Маслова, 2007].

Мы разделяем точку зрения В. А. Масловой, которая считает, что «языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными,

культурными и национальными ценностями» [Маслова, 2007, с. 296].

Языковая картина мира, как отмечает Г. В. Колшанский, базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа. В конечном счете эти особенности находят свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова) и т.д. В языке «закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной)», которая заключается именно в том, что «он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» [Колшанский, 1990, с. 33].

Понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» и каждый язык рисует свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки.

Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному» [Апресян, 1995].

Понятие наивной языковой картины мира, как считает Ю. Д. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в

единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1995, с. 348-385]. Л. Б. Никитина пишет, что «безусловная связь, взаимопроникновение, наложение, пересечение характерны и для научной языковой картина мира и для наивной (обыденной, ненаучной). Ср.: *Сегодня тепло – снег тает* (из разговора). *Под влиянием тепла снег обращается в жидкое состояние* (из научной литературы). Иными словами, обыденное сознание не лишено научности, наивная языковая картина мира не исключает реалистических представлений об окружающей действительности, а наука, базируясь на опыте, наблюдениях, не лишена элементов обыденного сознания» [Никитина, 2016, с. 12].

При изучении языковой картины мира особое значение приобретают работы, направленные на выявление отдельных характерных для данного языка (лингвоспецифичных) концептов, обладающих двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (т.е. дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов *чушь, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задумчивость, совестно, обидно, неудобно*), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы*).

Языковая картина мира вербализует концептуальную картину мира. Концептуальная картина мира реализуется посредством языка, а часть ее закрепляется в психике человека через ментальные репрезентации иного типа – образы, схемы, картинки. При этом образы понимаются как нечто абстрактное, некие идеальные объекты, инварианты класса предметов, в которые человек переводит получаемые знания [Маслова, 2001, электронный ресурс].

Одним из исследовательских путей описания языковой картины мира является использование в качестве инструмента понятия оппозиции. Упомянем несколько диссертационных работ последних десятилетий, построенных таким образом.

Исследование М. Д. Невинской «Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе» [Невинская, 2006] посвящено анализу концептуальной оппозиции «народ – власть» в современном российском политическом дискурсе и выполнено в русле активно развивающихся в настоящее время направлений «Лингвоконцептология» и «Политическая лингвистика». Автором уточняется понятие концептуальной оппозиции, которое рассматривается, как и в нашей работе, через понятия антонимии и семантической противоположности; выявляется содержательная структура концептов «народ» и «власть» в политическом дискурсе с помощью анализа словарных дефиниций; рассматривается содержательная динамика концепта «народ» в современном российском сознании.

В работе Э. Р. Хутовой «Бинарная оппозиция «любовь/ненависть» в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект» [Хутова, 2008] сопоставляются такие разносистемные языки, как русский, английский и кабардино-черкесский. Исследование концептов «любовь» и «ненависть» в данных лингвокультурах позволяет автору установить общие и специфические характеристики названных концептов на материале лексико-семантической, фразеологической, паремиологической систем с учетом особенностей выражения любви и ненависти в художественных текстах.

Диссертация Т. В. Алиевой «Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе» [Алиева, 2013] представляет собой «исследование, посвященное изучению языковых средств реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе. В центре внимания автора находится оппозиция, представляющая собой антонимическую пару, в которой один компонент наделен отрицательной оценкой, а другой –

положительной. Несомненно, нельзя не признать актуальность анализируемой диссертации в изучении концептуальной оппозиции «свой – чужой», в установлении обусловленности выбора тех или иных языковых средств в политическом дискурсе данной дихотомией и определении их прагматического компонента.

Оппозиция *больной – здоровый* также становилась объектом лингвистического описания. Например, в диссертации Л. В. Тулениновой [Туленинова, 2008] осуществляется сравнительная характеристика противопоставленных концептов в русской и английской лингвокультурах. Исследователем охарактеризованы феномены здоровья и болезни с учетом достижений современных наук – прежде всего медицины, экологии, психологии и мифологии; установлены понятийные, образные и ценностные признаки концептов. В работе звучит важная для нас мысль о том, что *здоровье* и *болезнь* – концепты дуального типа: наличие одного служит обязательным условием существования другого.

В работе Г. Ю. Бухтояровой [Бухтоярова, 2010] феномены *здоровье* и *болезнь* рассматриваются на материале пословиц и заговоров. Имена *здоровье* и *болезнь* представлены автором лексикографически. В исследовании применяется концептуальный анализ и определяются основные используемые термины: когнитивная лингвистика, концепт, дискурс, метафора, языковая картина мира, сценарии, фреймы.

Признавая безусловную необходимость названных шагов, мы полагаем, что описание концептуальной оппозиции будет более полным, если не сводить оппозиции к бинарным, а представить возможность членения пространства между полюсами.

Это связано с тем, что понятия *здоровье* и *болезнь* связаны с фундаментальными характеристиками человеческой жизни. В современном обществе можно наблюдать повышенный интерес российского социума к проблеме здоровья, о чем свидетельствует, в частности, рост числа газет, журналов, теле- и радиопередач, посвященных различным аспектам

состояния человека. Однако, несмотря на большое количество работ, написанных на эту тему, наше исследование не теряет актуальности, т.к. понятия *здоровье – болезнь* рассмотрены с точки зрения комплексного подхода (через понятие оппозиции, антонимии, градуальности), а семантическое пространство *здоровый – больной* (когнитивно-дискурсивный аспект) описано на основе текстов региональной прессы.

Знакомство с названными и подобными диссертационными работами позволяет сформулировать методику исследования оппозиций в языковой картине мира, которая включает:

- описание антонимической пары, представляющей исследуемую концептуальную оппозицию «в чистом виде», с помощью анализа словарных дефиниций;
- установление специфики противопоставленных концептов, уточнение оценочного содержания каждого из концептов, составляющего оппозицию, на материале лексико-семантической, фразеологической, паремиологической систем, а также на материале выбранного дискурса.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Концептуальная оппозиция *больной – здоровый* являет собой пример бинарной оппозиции, детализированной ввиду своей значимости для человека – субъекта речи/мысли до сложного градуального множества. Природа оппозиции предопределила методику ее исследования.

На первом этапе посредством понятия скалярно-антонимического, или векторного синонимико-антонимического, комплекса было дано общее описание структуры оппозиции.

Решение этой задачи позволило сформулировать ряд наблюдений. Так, стало очевидным, что и все пространство оппозиции в целом, и каждый ее полюс являются в сознании носителя языка и в его речевой практике принципиально измеряемыми – допускающими градуирование (шкалирование), детализацию. Такое положение вещей может казаться противоречащим строгой логике, однако вполне соответствует специфике обыденного сознания, которое, с одной стороны, тяготеет к двоичному членению, позволяющему осуществить однозначную квалификацию объекта, а с другой – переходит от дуального мировосприятия к градуальному. Значимость концептов *больной* и *здоровый* обуславливает их детальное представление в языке.

Первичное описание векторного скалярно-антонимического комплекса показало, что в нем можно выделить срединный компонент и зону нормы, находящиеся с полюсами в отношениях, обусловленных содержанием концептов. Наиболее существенно, что в исследуемой оппозиции норма совпадает с полюсом *здоровье*, в связи с чем все градуирование шкалы за пределами положительного полюса представляет рефлексии носителя языка о природе и степени нездоровья.

Несмотря на очевидность градуированного устройства оппозиции, упорядочить все ее компоненты не представляется возможным. Основным фактором, ограничивающими исследователя, является многомерность

значений «больной» и «здоровый». Единицы, вербализующие противопоставленные концепты, образуют целый комплекс градуируемых множеств: *состояние, сила – слабость, красота – некрасивость, работоспособность – неработоспособность, легкие – тяжелые болезни, больной – здоровый (о пациенте)*. Шкалы описывают исследуемые концепты линейно, затем также складываются в системы координат с точкой отсчета – нормой (*здоровье*).

Сказанное определяет необходимость следующего шага: через лингвистическое портретирование слов, входящих в синонимические ряды *больной* и *здоровый*, а также посредством анализа фразеологического фонда русского языка уточнить значения, образующие концепты и служащие базой для детализации семантического пространства.

Глава 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ БОЛЬНОЙ – ЗДОРОВЫЙ В ЛЕКСИЧЕСКОМ, ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

»

2.1. *Синонимико-антонимический комплекс больной – здоровый: лексикографическое портретирование*

В соответствии с нашей гипотезой все значения и оценки, благодаря которыми наполняется пространство между полюсами, коренятся в значениях и оценках, характерных для главных – противопоставленных – компонентов оппозиции. Рассмотрим реализации концептов *больной* и *здоровый* на лексическом уровне русского языка, а также во фразеологическом и паремиологическом фондах.

Анализ лексических единиц считаем целесообразным производить на основе методики лексикографического портретирования, представленной, в частности, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна [НОССРЯ, 2000]. Для нашего исследования подход, реализованный в словаре, ценен, так как позволяет со- и противопоставлять синонимы, а полюса, образующие концептуальную оппозицию *больной – здоровый* организовать как синонимические ряды (показательно в этом отношении одно из названий исследуемого семантического пространства – «*синонимико-антонимический комплекс*»). Методика базируется на шести принципах:

- активность (словарь содержит исчерпывающую информацию о каждой лексеме);
- системность (каждая лексема описана как элемент определенного лексикографического типа, или нескольких таких типов, если она лежит в точке их пересечения; в описании лексемы указаны все ее специфические свойства);

- интегральность (описание лексики русского языка согласовано с описанием его «грамматики»);
- ориентация на отражение языковой, или «наивной», картины мира (при описании набора лексикографических типов автором предпринимается попытка увидеть в них определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку);
- использование метаязыков для описания всех существенных свойств лексем (описание строится на таком метаязыке, который доступен непосвященным);
- комбинирование методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики [НОССРЯ, 2000, с. 2-17].

Реализуя эти принципы, исследователь создает лексикографический портрет слова. «Лексикографический портрет слова» - главное понятие современной лексикографии, обусловленное попыткой систематизировать словарное описание, сделать его максимально адекватным языковой системе [Апресян, 1995].

Портретирование синонимического ряда служит одним из инструментов описания концепта. Подчеркнем, что среди многочисленных и многоаспектных работ, вскрывающих сущность синонимии (см. например: [Апресян, 2000; Бережан, 1973; Васильев, 1967; Виллюман, 1980; Палевская, 1964 и др.]), наиболее важными для нас являются те, в которых представлен анализ синонимии с позиций когнитивной семантики, т.е. строящийся с привлечением понятия «концепт»⁴. Концепт представляет собой те смыслы, которыми мы оперируем в процессе мышления и которые «отражают содержание опыта в виде неких «квантов» знания» [Кубрякова, 1996, с. 90], выявить эти смыслы можно посредством анализа реализующих их лексем.

⁴ Вслед за Е. С. Кубряковой мы рассматриваем концепт следующим образом: это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженная в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с.90].

I. Синонимический ряд *больной*

По данным основных словарей синонимов русского языка синонимический ряд *больной* может быть представлен следующим образом.

1. **Больной** – болезненный, недугующий (*мест.*), недужливый, недужный (*устар.*, и *прост.*), нездоровый, немощный, развинченный (*разг.*), расстроенный, расслабленный, страждущий (*книжн.*), хворый (*прост.*), хилый, чахлый; анемичный, золотушный (*разг.*), малокровный, рахитичный, худосочный, чахоточный (*разг.*) [Абрамов, 1999, электронный ресурс].

2. **Больной** 1. Хворый (*прост.*), болящий, недугующий, недужный, недужливый, удрученный болезнями (или недугами) (*устар.*) / для врача, больницы: пациент / с указанием болезни: страдающий чем; скорбный чем (*устар.*) / в знач. сказ. болен, нездоров/о тяжело больном: совсем плох; смотрит в могилу (или гроб) (*разг.*); на ладан дышит, много не надышит, немного дышит (*разг.*); дни сочтены кого, чьи (*высок.*). См. также болезненный 2. см. ненормальный [Александрова, 2001, с.39].

3. **Больной**. Нездоровый, хворый, недужный, скорбный. Антоним: здоровый (ССРЯ, 1970-1971, электронный ресурс).

Все представленные синонимичные ряды с доминантой *больной* «высвечивают» языковой образ человека; к антропоцентрической лексике обоснованно относят ту, которая описывает тело и душу человека, его эмоциональные реакции на мир, различные физические, речевые, ментальные и волевые действия, состояния и свойства, продукты его деятельности и многое другое.

Объединив данные трех словарей синонимов, мы включили в синонимический ряд *больной* лексемы со значениями «больной, болезненный (слабый), нездоровый, страдающий от какой-либо болезни». Приведем полный состав ряда с толкованиями входящих в него единиц:

больной – 1. Поражённый какой-н. болезнью. 2. Свидетельствующий о наличии болезни. 3. То же, что болезненный (во 2 знач.). 4. Нездоров (в 3

знач.), болеет (в 1 знач.) [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

нездоровый – 1. Вызванный нездоровьем, болезненный [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

хворый – *прост.* больной, болезненный [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

хилый – слабый, болезненный [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

чахлый – болезненный, хилый, а также вообще слабый, вялый или непрочный [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

недужный – 1. *разг.* Тот, кто испытывает недомогание, хворает. 2. *разг.* Испытывающий недомогание, хворь. [Ефремова, 2005, электронный ресурс];

немошный – слабый, больной [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

расслабленный – 1. *устар.* Тот, кто болезнью доведен до полного упадка сил, кто физически или психически слаб. [Ефремова, 2005, электронный ресурс];

развинченный – 3. *перен. разг.* Лишившийся душевного равновесия, нравственно и физически ослабевший. [Ефремова, 2005, электронный ресурс];

анемичный - Малокровный, а также вообще бледный, вялый; выражающий такое состояние [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

золотушный - 2. Больной золотухой, а также вообще истощённый, покрытый сыпью (устар.) [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

малокровный - 1. Страдающий, болеющий малокровием. 2. Свойственный тому, кто страдает малокровием [Ефремова, 2005, электронный ресурс];

рахитичный - Больной рахитом; выглядящий болезненно, как рахитик [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

худосочный - 2. Страдающий худосочием; изможденный, истощенный (о человеке) [Ефремова, 2005, электронный ресурс];

чахоточный (разг., устар.). - Тот, кто болен чахоткой [Ефремова, 2005, электронный ресурс];

расстроенный – 4. Пришедший в ненормальное, болезненное состояние [МАС, 1981-1984, электронный ресурс].

Представим синонимический ряд, составленный нами, используя логику и структуру словарной статьи «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». По мысли авторов, словарная статья должна включать следующие части (зоны).

1. Вход словарной статьи. Это сам синонимический ряд, т.е. открывающаяся доминантой группа лексем, в значениях которых есть достаточно большая общая часть.

2. Преамбула, вводящая данный синонимический ряд в круг близких ему лексем или других синонимических рядов и показывающая его специфику.

3. Зона значения. Здесь описываются все содержательные сходства и различия между синонимами.

4. Формы. В этой зоне описываются сходства и различия в наборах форм синонимов, наборах грамматических значений в одной и той же форме, в семантической, прагматической, стилистической, конструктивной, сочетаемостной или иной специализации определенной формы.

5. Сочетаемость. В этой зоне описываются сходства и различия синонимов в лексико-семантической, морфологической, коммуникативно-просодической и иных видах сочетаемости. Кроме того, по аналогии с зонами форм и конструкций, указываются возможные пути специализации значений синонимов в разных типах словосочетаний.

6. Иллюстрации. Эта зона выполняет в словаре две функции. С одной стороны, здесь собран материал, который служит базой исследования и основанием для выводов о различных свойствах синонимов. С другой стороны, эта зона выполняет и собственно иллюстративную функцию, демонстрируя реальный семантический потенциал лексики в современном

русском языке.

Для нашего исследования наиболее важны две группы контекстов употребления синонимов. Во-первых, показательны типовые контексты, в которых прилагательные ряда *больной*, проявляют присущий им антропоцентризм: очевидно, что все включенные в ряд лексемы предназначены для характеристики состояния живых существ, но прежде всего – человека⁵; многочисленность синонимов – одно из свидетельств важности параметра болезни/здоровья для языковой картины мира. Во-вторых, интересны те контексты, в которых антропоцентризм реализуется опосредованно – через метафорическое уподобление человеку (в главе 1 указывалось, что концептуальные оппозиции тяготеют к тем или иным метафорическим моделям): в таких случаях некий объект наделяется свойствами живого, посредством обращения к понятиям болезни/здоровья характеризуются особенности функционирования объекта. Предваряя анализ материала, осуществленный в главе 3, мы включили в зону «Иллюстрации» высказывания, реализующие метафорическую модель «Омск – больной организм», при этом контексты первой группы использовали в качестве материала при построении других зон словарной статьи.

7. Справочные зоны. Здесь указывается возможно большее число парадигматических семантических связей между элементами рассмотренного синонимического ряда и другими разрядами лексем – аналогами, антонимами, дериватами [НОССРЯ, 2000, с. V-XVI].

Итак, синонимический ряд *больной* может быть описан следующим образом:

⁵ Характеристика человека как больного может базироваться на основании оценки его как физических, так и психических и интеллектуальных свойств (так, в сочетаниях *больной ум*, *больное сознание*, *больной на голову* лексема *больной* реализует значение «неестественный, ненормальный», при *нормальный* – 2. психически здоровый [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс]). В нашей работе к анализу привлекаются случаи характеристики только физического состояния человека.

Вход словарной статьи.

Больной, нездоровый, хилый, чахлый, немощный, расслабленный (устар.), расстроенный, хворый (прост.), недужный (разг.) – «страдающий болезнью; больной, болезненный, нездоровый, слабый».

Преамбула.

Данный синонимический ряд наиболее близок и одновременно наиболее противопоставлен ряду *развинченный (перен. разг.), анемичный, золотушный, малокровный, рахитичный, худосочный, чахоточный (разг., устар.)*. Оба ряда указывают на то, что кто-либо страдает какой-л. болезнью, однако эти ряды по-разному оценивают отсутствующее здоровье, причем шкала оценки тоже в каждом случае своя.

Больной, нездоровый, хилый, чахлый, немощный, расслабленный (устар.), расстроенный, хворый (прост.), недужный (разг.) предполагают прагматическую (медицинскую) оценку и указывают на то, что у человека нет достаточных физических и психических сил для нормального функционирования организма. *Хилый, чахлый, немощный, хворый (прост.)* выражают еще и естественную в данном случае отрицательную оценку внешности субъекта: нормально некрасивая чахлая женщина, страшный немощный старик, но плохо красивая чахлая женщина, симпатичный немощный старик.

Лексемы противоположного синонимического ряда *анемичный, золотушный, малокровный, рахитичный, худосочный, чахоточный (разг., устар.)* указывают на конкретную болезнь и ее внешние проявления.

Зона значения. Здесь описываются все содержательные сходства и различия между синонимами. Синонимы, входящие в ряд *больной*, различаются по следующим смысловым признакам:

1. Степень отклонения от среднего: *больной, недужный (разг.), хворый (прост.), анемичный, малокровный, чахоточный (разг., устар.), золотушный, чахлый* отклоняются от нормы больше, чем *нездоровый*,

немогущий, хилый, расстроенный, расслабленный (устар.), развинченный (перен. разг.).

2. Прагматическая оценка отсутствующих физических сил, силы организма: *больной, болезненный, недужный, нездоровый, немогущий, расстроенный, расслабленный (устар.), развинченный (перен. разг.), хворый (прост.), хилый, чахлый, недужный (разг.), анемичный, малокровный, чахоточный (разг., устар.), золотушный* – указывают на то, что в теле человека нет необходимых для здоровья ресурсов.

3. Эстетическая оценка внешности субъекта: *больной, болезненный, нездоровый, расслабленный (устар.), расстроенный, развинченный (перен. разг.)* – нейтральны. Остальные синонимы выражают отрицательную оценку субъекта.

4. Причины отклонения от среднего: *больной, болезненный, недужный (разг.), нездоровый, немогущий, хворый (прост.), хилый, чахлый, расслабленный (устар.), золотушный, анемичный, малокровный, чахоточный (разг., устар.)* – выражают только болезнь или лишения.

5. Указание на конкретные особенности тела субъекта: *больной, недужный (разг.), хворый (прост.), нездоровый, расстроенный, худосочный, золотушный, анемичный, малокровный, чахоточный (разг., устар.)* – предполагает наличие какой-либо болезни, что отражается на внешнем виде в разных проявлениях и доставляет страдания; *немогущий* предполагает шаткую походку, невозможность что-либо делать без помощи окружающих; *расслабленный (устар.)* – утративший силу, энергию временно, ненадолго; *худосочный, хилый и чахлый* предполагают слабость, худобу.

6. Указание на время приобретения болезни: человек может быть больным с рождения (*хилый, чахлый, нездоровый, больной, недужный (разг.), болезненный, хворый (прост.)*), болезнь может быть приобретена в течение жизни (*расстроенный, развинченный (перен. разг.), расслабленный (устар.), золотушный, анемичный, худосочный, чахоточный (разг.,*

устар.).

7. Особое отношение говорящего к субъекту: **немогущий, хилый, чахлый, недужный** (разг.) предполагают жалость к субъекту.

8. Указание на данное состояние как на результат: есть во всех синонимах.

Таким образом, все синонимы обозначают значительное отклонение от нормы, выражают прагматическую оценку сопутствующей болезни и отсутствие здоровья. При этом лексемы **болезненный, нездоровый, расстроенный, расслабленный** (устар.) указывают на то, что болезненное состояние будет недолговечно, кратковременно, должно скоро пройти. Ср.: *Больной засыпает на пятнадцать – двадцать минут, и за это время хирург должен успеть вправить вывих, ампутировать палец или вскрыть какой-нибудь **болезненный** нарыв* (В. Шаламов)⁶; – *Вы плохо выглядите, – сказала Александра Владимировна, – какой-то у вас **нездоровый** вид* (В. Гроссман); *Из всего выкрикнутого женщиной в **расстроенный** мозг Ивана Николаевича вцепилось одно слово: «Аннушка»...* (М. Булгаков); *А затем председатель, какой-то **расслабленный** и даже разбитый, оказался на лестнице* (М. Булгаков).

Больной, недужный, немогущий, хворый (прост.), **чахлый** указывают на длительное отклонение от среднего. Эти синонимы представляют данную характеристику субъекта как состояние, являющееся результатом предшествующего процесса: до какого-то времени субъект вообще не был больным, а потом заболел. Но эти же синонимы могут обозначать и постоянный процесс, которому ничего не предшествовало. Ср.: *Он всегда был **больным***. Синонимы указывают причину отклонения от нормы – это болезнь или лишения. Называя кого-либо **больным, недужным, немогущим, хворым, чахлым**, говорящий обычно включает его в свою личную сферу, выражая жалость к субъекту. Ср.: *Он женился, и у него родился **больной** ребёнок* (В. Токарева); ***Недужный** часто икал и крестился, в глазах – слезы*

⁶ Здесь и далее приведены примеры из картотеки автора диссертации.

(В. Шишков); *Вон видите, подпрыгивающей походкой торопится по двору старичок, жалкий, **немогущий**, тонкий, как одуванчик* (В. Войнович); *Только не надо про «гамбургский счет», я человек **хворый*** (В. Пригодич); *Рядом мужичишка, **чахлый** в сравнении с ней, задавила, небось мяса в ней пудов сто будет* (А. Приставкин).

Примечание 1. В этот синонимический ряд входят три деривата лексемы *больной*: *боле'зн-енн(ый), больн-ехоньк-ий, больн-ешеньк-ий*. *Болезненный* указывает на нездоровый вид. Ср.: *Вы должны презирать меня. – На её щеках показался **болезненный** румянец. Я продолжал: – Следственно, вы меня любить не можете...* (М. Лермонтов). *Больнехонький и больнешенький* указывают на то, что говорящий включает субъекта в свою личную сферу, относится к нему сочувственно или с симпатией. Ср.: *Было жаль мою соседку, потому что ребенок у нее родился совсем больнешенький* (форум).

Примечание 2. У слова *болезненный* есть следующие значения, близкие к рассматриваемым: 2. Неестественный, ненормальный, чрезмерный; 3. Вызывающий боль. *Болезненный укол. **Нездоровый*** также имеет значение «*вредный для здоровья*» [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс]. Близкие лексемы для *хилый* и *чахлый*: плохо растущий (*хилый ельник*), старый ветхий, разрушающийся (*хилые избышки*); вянувший, слабый (*чахлые цветы*).

Формы.

Чахлый, хворый (прост.), употребляются только в полной форме. У лексем *больной, нездоровый, хилый, чахлый, расслабленный* (устар.), *расстроенный, хворый, недужный* (разг.) неупотребительна форма сравнительной и превосходной степеней

Сочетаемость.

Все синонимы сочетаются с обозначением *человека*, ср.: *недужный боец, хворый человек, хилая старуха, чахлый мужчина, нездоровый малыш, немогущий старик, расстроенный Алексей, расслабленный*

молодой человек, больной учитель, золотушный ребенок, анемичный парень, худосочный мужчина, чахоточный старик, рахитичный ребенок, болезненный мальчик. Со словами *тело, тельце* сочетаются следующие синонимы: *недужное тельце, хворое тело, хилое тельце, чахлое тельце, нездоровое тело, немощное тело, рахитичное тело, расстроенное тельце, расслабленное тело, больное тело, болезненное тельце.* Не все синонимы с разной степенью свободы сочетаются с обозначениями *частей тела*. Не сочетаются синонимы *недужный, хворый, хилый, чахлый, нездоровый, немощный, расстроенный, расслабленный, золотушный, чахоточный.* Таким образом, сочетаются с обозначениями частей тела только слова *больной, болезненный.* Ср.: *больная голова, болезненная спина.* Все синонимы сочетаются с интенсификатором *очень.*

Иллюстрации.

– Ну, тут вспоминается народная мудрость «Больные кошки не умываются», – признался Пашинин. – И иллюстрации к «Обломову». Наш город выглядит сейчас, как *больной* (БК55);

Омск – страшный, больной, убитый город; – Город – это большой живой организм, но, к сожалению, Омск сегодня – это *больной* организм (Без формата);

В Омске нездоровая экология. Настоящий больной, умирающий город, гниющий заживо. Это отличает Омск от всех других городов России. Ты видишь живого мертвеца (Варламов. ру).

Горбюджет «похудел» и продолжает чахнуть (Омск здесь);

Омск – один из самых депрессивных городов-миллионников (больной депрессией); Надеюсь что назначенного мэра за недееспособность будут снимать (БК 55).

Справочные зоны.

АНТОНИМЫ: *Здоровый – (здравый), бодрый, крепкий, сильный; дюжгий (прост.), ражгий (устар.), закаленный, выносливый, дееспособный, цветущий.*

Фразеологические синонимы: *глядеть в гроб, на ладан дышит, одной*

ногой в могиле, не жилец на свете, тепличное растение, лежать в лёжку, живые (ходячие) мощи, одни кости, кожа да кости, талия в рюмочку, спасть с тела, поправиться из кулька в рогожку, спасть с лица, лица нет, еле-еле душа в теле, при последнем издыхании, едва (чуть, еле, с трудом) ноги волочить (таскать), краше в гроб кладут, в глазах темнеет (мутится, зеленеет), тяжёл на ногу (ноги), (бледный) как смерть, (ни) кровинки в лице нет (не осталось).

Дериваты: *болезнь, хворь, чахлость, зачах, немощь.*

Аналоги: *дохлый, хлипкий, слабый, истощенный, осунувшийся, худосочный, впалый.*

Лексикографическое портретирование синонимического ряда *больной*, содержащего 15 единиц, позволило выявить в его зоне значения 8 смысловых признаков:

- степень отклонения от среднего;
- прагматическая оценка отсутствующих физических сил, силы организма;
- эстетическая оценка внешности субъекта;
- причины отклонения от среднего;
- указание на конкретные особенности тела субъекта;
- указание на время приобретения болезни;
- особое отношение говорящего к субъекту;
- указание на данное состояние как на результат.

Помимо выделенных признаков, отметим еще одно важное обстоятельство, более существенное для противопоставленного концепта, но «работающее» и в семантике слов ряда *больной*. Смыслы, составляющие концепт «Болезнь», пересекаются со значениями нормы – неотъемлемого признака мира человека. Если *здоровье* – нормальное состояние организма, то *болезнь, болезненность* – более или менее значительные отклонения от этой нормы, являющейся аксиологическим плюсом.

В целом, принципиальный антропоцентризм лексем ряда *больной* делает

их репрезентантом одного из самых существенных свойств языковой картины мира; зная, что человек воспринимает мир по своей мерке, можно ожидать использование лексем ряда для характеристики большинства феноменов, вовлеченных в сферу человека. В главе 3 будет показано, как функционирует метафорическая модель «Омск – больной организм», уподобляющая город человеку.

II. Синонимический ряд *здоровый*⁷

Сопоставим состав синонимического ряда *здоровый* с опорой на упомянутые выше словари синонимов русского языка.

1. Здоровый – (здравый), бодрый, крепкий, сильный; дюжий (*прост.*), закаленный, ражий (*устар.*), выносливый, сносливый (*устар.*), дееспособный, работоспособный; гигиенический (гигиеничный) [Абрамов, 1999, электронный ресурс].

2. Здоровый 1. Цветущий, пыщущий здоровьем, крепкий, крепкотелый; ядреный (*разг.*); кремнястый (*прост.*), здравый (*устар.*) в знач. сказ.: в соку, в силе, как огурчик, в хорошей форме (*разг.*); в добром здравии (*устар.*) // о мужчине: здоров, как бык (*разг.*). См. также здоровяк, сильный 1. 2. см. полезный. 3. см. большой [Александрова, 2001, с. 148].

3. Здоровый. Крепкий, цветущий. Антоним: больной [ССРЯ, 1975, электронный ресурс].

Самым полным синонимическим рядом, как и для антонима *больной*,

⁷ Отметим, что синонимический ряд *здоровый* является многозначным, так как имеет антонимы без НЕ – он может входить в несколько антонимических/синонимических комплексов, в зависимости от количества и характера лексического значения слова: 1. *Здоровый* (в значении «сильный, крепкого телосложения») – *сильный, крепкий* – *слабый* – *хилый*; 2 *Здоровый* (в значении «обладающий здоровьем, не больной») – *не больной* – *больной*. Синонимический ряд концепта «Болезнь» лишен данной возможности, т.к. имеет антоним *нездоровье*.

является ряд, представленный в словаре Н. Абрамова. Однако мы хотели бы предложить свой синонимический ряд лексемы **здоровый**, объединив словарные статьи Н. Абрамова и З. Е. Александровой, но исключив из ряда синонимы *сносливый, работоспособный, дееспособный, гигиеничный*, так как, на наш взгляд, значение здоровья для них не является основным. Ср.:

Сносливый прил. устар. Такой, который многое может вынести, вытерпеть; терпеливый [Ефремова, 2005].

Работоспособный 1. То же, что трудоспособный. **Трудоспособный** – Способный к труду [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс]. **Дееспособный** 1. Способный к деятельности (*книжн.*). 2. Имеющий право на совершение действий юридического характера и несущий ответственность за свои поступки (*спец.*) [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс]. Практика употребления данных прилагательных доказывает, что говорящие не уподобляют здоровье работоспособности или дееспособности, напротив, нередко противопоставляют их либо указывают на возможность сочетания работоспособности/дееспособности и нездоровья. Подобное положение дел характерно в том числе для профессиональной (медицинской) картины мира. Ср.: *Вторая группа инвалидности трудоспособная, только инвалиды 1-й группы считаются не способными осуществлять трудовую деятельность (из газеты); Психически больной человек обладает как правоспособностью, так и дееспособностью и не может быть в них ограничен на основании того, что он находится на диспансерном учете или лечится в психиатрической больнице по поводу психического заболевания (из газеты).*

Гигиенический 1. См. гигиена. 2. То же, что гигиеничный. **Гигиена** 1. Раздел медицины, изучающий условия сохранения здоровья, а также система действий, мероприятий, направленных на поддержание чистоты, здоровья. 2. перен. Обеспечение условий, сохраняющих нормальное экологическое состояние растительных и животных организмов, окружающей среды. **Гигиеничный** – Удовлетворяющий требованиям гигиены (Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс). Исходя из значений слова *гигиенический*, как

нам кажется, его следует отнести к синонимам лексем **чистый, правильный**, что не отрицает здоровье, но относится к условиям, а не к человеку.

Таким образом, синонимический ряд антонима **здоровый** нам представляется следующим: **Здоровый** – *здравый (устар)*, *бодрый*, *крепкий*, *сильный*, *цветущий*, *дюжий (прост.)*, *закаленный*, *ражий (устар)*, *выносливый*, *крепкотелый*, *ядренный (разг.)*, *кремнястый (прост)*. Опираясь на данные словаря под ред. Н. Абрамова, мы включили в синонимический ряд **здоровый** лексемы, объединенные значениями «здоровый, сильный, крепкий». Приведем полный состав ряда с толкованиями входящих в него единиц:

здоровый – 1. Обладающий здоровьем, не больной. 2. Выражающий, обнаруживающий здоровье. 3. Полезный для здоровья [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

крепкотелый – см. здоровый [Александрова, 2011, с. 186];

ядренный (разг.) – 2. перен. Отличный в каком-н. отношении: сильный, здоровый и крепкий (о человеке), свежий и чистый (о воздухе), крепкий, настоявшийся (о напитке), крупный и сочный (о плодах), сильный (о морозе) [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

кремнястый (прост.) – цветущий, крепкотелый, здоровый, пышущий здоровьем, ядренный, крепкий [Александрова, 2011, с. 185],

здравый (устар.) – 1. То же, что здоровый [Ефремова, электронный ресурс];

крепкий – 2. Сильный физически, здоровый [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

сильный – 1. Обладающий большой физической силой, мощный [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

дюжий (прост.) – крупного телосложения, сильный [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

закаленный – см. закалить. *Закалить* – 2. перен. Сделать физически или нравственно крепким, стойким, выносливым [Ожегов, Шведова, 2010,

электронный ресурс];

ражий (*устар.*) – дюжий, матерый, дородный; крепкий, плотный, здоровый, сильный; хороший, годный; видный, красивый [Даль, 1989, электронный ресурс];

цветущий (*перен.*) – находящийся в расцвете сил, здоровья [Ефремова, электронный ресурс];

бодрый – полный сил, деятельности, энергии [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс];

выносливый – физически сильный, стойкий, способный много вынести (в 5 знач.), выдержать [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс].

Опишем синонимический ряд, составленный нами, используя логику словаря Ю. Д. Апресяна.

Вход словарной статьи.

Здоровый, здравый (*устар.*), *закаленный*.

Преамбула.

Данный синонимический ряд наиболее близок и одновременно наиболее противопоставлен ряду *крепкий, крепкотелый, ядреный* (*разг.*), *кремнястый* (*прост.*), *сильный, выносливый, дюжий* (*прост.*), *ражий* (*устар.*), *бодрый, цветущий*. Оба ряда указывают на то, что кто-то обладает здоровьем, однако эти ряды по-разному оценивают здоровье, причем шкала оценки также в каждом случае своя.

Здоровый, здравый (*устар.*), *закаленный* указывают только на наличие здоровья.

Здоровый, крепкий, ражий (*устар.*), *крепкотелый, ядреный* (*разг.*), *кремнястый* (*прост.*), *здравый* (*устар.*), *закаленный* предполагают прагматическую (медицинскую) оценку и указывают на то, что у человека есть достаточные физические и психические силы для нормального функционирования организма. *Сильный, дюжий* (*прост.*), *ражий* (*устар.*), *выносливый* указывают на физическую силу, выносливость, характеризующие только здорового человека. *Бодрый, цветущий* выражают

еще и естественную в данном случае положительную оценку внешности субъекта: нормально прекрасная цветущая женщина, красивый бодрый мужчина, но плохо ужасная цветущая женщина, некрасивый бодрый мужчина.

Зона значения.

Синонимы, входящие в ряд *здоровый*, различаются по следующим смысловым признакам:

1. Степень отклонения от среднего: *Здоровый, здоровый* (устар.), *закаленный* отклоняются от нормы больше, чем *сильный, крепкий, ражий* (устар.), *крепкотелый, ядреный* (разг.), *кремнястый* (прост.), *выносливый, дюжий* (прост.), *ражий* (устар.), *бодрый, цветущий*.

2. Эстетическая оценка внешности субъекта: *ражий* (устар.), *цветущий, дюжий* (прост.), *бодрый, крепкий, кремнястый* (прост.) выражают положительную оценку внешности субъекта. *Здоровый, сильный, здоровый* (устар.), *выносливый, ядреный* (разг.), *закаленный* не указывают на особенности внешности.

3. Причины отклонения от среднего: *Здоровый, закаленный, здоровый* (устар.) – выражают только наличие здоровья.

4. Указание на конкретные особенности тела субъекта: *сильный, крепкий, дюжий* (прост.), *ражий* (устар.) *крепкотелый, ядреный* (разг.), *кремнястый* (прост.), – предполагают наличие крепкого телосложения, развитой мускулатуры и под.; *выносливый* предполагает наличие силы, энергии; *закаленный* предполагает наличие хорошего иммунитета.

5. Указание на данное состояние как на результат: *закаленный* – предполагает поддержание здоровья через закаливающие процедуры. Таким образом, здоровье может рассматриваться как приобретенное (ребенок мог родиться больным, но посредством закаливающих процедур приобрел здоровье).

Исходя из описанных выше смысловых признаков синонимов, можно сделать вывод, что все синонимы являются указанием на норму, выражают

прагматическую оценку отсутствующей болезни и наличие здоровья. Хочется отметить, что ни у одного из синонимов нет указания на временное значение здорового состояния организма: будет ли оно недолговечно, кратковременно, или будет длиться постоянно.

Также хочется отметить, что синонимы **сильный**, **крепкий**, **дюжий** (*прост.*), **ражий** (*устар.*), **крепкотелый**, **ядренный** (*разг.*), **кремнястый** (*прост.*) чаще (но не всегда) обозначают временный процесс, который приходится на период молодого и зрелого возраста человека. Ср.: *Это был очень рослый и **сильный** парень* (Ф. Искандер); *Мое внимание сразу привлек **крепкий** человек с голым торсом, в кирзовых сапогах, несущий мешок: в нем чувствовались сила и достоинство* (Ф. Искандер); *Первый штурман, рослый и **дюжий** человек, заявил:...* (А. Новиков-Прибой); *В таком же синем комбинезоне, но крупный, **ражий**, с остриженной каторжанской головой вошёл Бобынин* (А. Солженицын); *Мимо нашего столика с рассеянным видом прошел **крепкотелый** кинорежиссер Михалков* (М. Зайчик); *Умрун был недавний, **ядренный**, на нем еще одежда не успела истлеть; вот оружия не было и не могло быть, к счастью или к сожалению* (Михаил Успенский); *Иван – парень **кремнястый*** (из разговора).

В отличие от рассмотренных выше единиц **бодрый** и **здоровый** (иногда: **крепкий**, **сильный**) могут обозначать и людей пожилого возраста, ср.: *А Фастенко, напротив, был в камере самый **бодрый** человек, хотя по возрасту он был единственный, кто не мог уже рассчитывать пережить и вернуться на свободу, т.к. был уже **старик*** (А. Солженицын); *Через минуту туда же, без шляпы и без чемодана, подбежал совершенно **здоровехонький** старик Яков* (А. Гайдар); *Помнит он только, что сидела перед ними **крепкая старуха** с мужским хриплым голосом и с усами* (Ю. Дружников.); *Это был высокий, худощавый, но все еще **сильный** старик, черноволосый, с сильной проседью, с длинным постным и важным лицом* (Ф. Достоевский).

Помимо лиц пожилого возраста, лексемы **здоровый**, **крепкий**, **закаленный** могут характеризовать детей, младенцев. Ср.: *Желудок –*

никакого отравления. *Абсолютно здоровый младенец* (И. Ратушинская); *Ты родился у меня в декабре, зимний крепкий ребенок* (А. Слаповский); *Закаленные дети не боятся переохлаждения, перепадов температуры воздуха, влияния ветра* (форум).

Называя кого-то *сильным, крепким, крепкотелым, бодрым, дюжим* (прост.), *ражим* (устар.) говорящий основывается, прежде всего, на внешних свидетельствах здоровья – на тех признаках, которые традиционно интерпретируются как проявление здоровья: активность, физическая сила, атлетичное телосложение и т.п.

Примечание 1. В этот синонимический ряд входят пять дериватов лексем *здоровый*: *здоров-еньк-ий*, *здоров-е'нн-ый*, *здоров-ехоньк-ий*, *здоров-ешеньк-ий*, *здоров-у'щ-ий*. *Здоровущий и здоровенный* указывают на безмерное здоровье и крупное телосложение (во 2 знач.). Ср.: *Ведь мама больна, а он здоровущий и весь наполнен радостью* (Г. Щербакова); *Бармен повёл глазами влево, и мы поняли, что нас угощает незнакомый здоровенный немец* (Михаил Карпов).

Здоровенький, здоровешенький и здоровехонький указывают на то, что говорящий включает субъекта в свою личную сферу, относится к нему с симпатией. Ср.: *Красавица, разумная, здоровенькая, нешумная – картинка девочка, знает зарубежные языки, брак ранний, муж молоденький, ребенок здоровенький, и хорошо, что все случилось пораньше, чтобы, может, еще и второго успеть родить и остаться юной* (М. Анчаров.).

Примечание 2. У слов *здоровенный, здоровущий* есть следующие значения, близкие к значениям рассматриваемых лексем: *Здоровенный* 1. высокий, крепкий; 2. большой, сильный. *Здоровенный чемодан. Здоровущий.* То же, что *здоровенный. Здоровущее яблоко* [Ожегов, Шведова, 2010, электронный ресурс].

Формы.

Здоровый, сильный, бодрый, выносливый, кремнястый (прост.), *крепкотелый* употребляются в полной и краткой форме. *Цветущий,*

ядреный (разг.), *здравый* (устар.), *дюжий* (прост.), *ражий* (устар.), *закаленный* употребляются только в полной форме. *Здоровый, сильный, бодрый, выносливый* – у этих лексем употребительна форма сравнительной и превосходной степеней, в отличие от лексем *дееспособный, крепкотелый, ядреный* (разг.), *здравый* (устар.), *кремнястый* (прост.), *дюжий* (прост.), *ражий* (устар.), *закаленный*.

Сочетаемость.

Все синонимы сочетаются с обозначением *людей*, ср.: *Здоровый человек, здравый человек, сильный парень, бодрый старик крепкий спортсмен, кремнястый малый, крепкотелый мужик, ядреная девка, выносливый боец, цветущая женщина, дюжий (прост.) малый, ражий (устар.) молодой человек, закаленный малыш*. Все синонимы, кроме *цветущий, выносливый, ядреный* (разг.), *крепкотелый, здравый* (устар.) сочетаются со словами *тело, тельце*. Ср.: *здоровое тельце, сильное тело, бодрое тельце, дюжее тельце, ражее тело, кремнястое тело, закаленное тело*. Не все синонимы с разной степенью свободы сочетаются с обозначениями *частей тела*. Не сочетаются синонимы *бодрый, выносливый, цветущий, дюжий* (прост.), *ражий* (устар.), *ядреный* (разг.), *крепкотелый, здравый* (устар.), *кремнястый* (прост.), *закаленный*. Таким образом, сочетаются с обозначениями частей тела только слова *здоровый, сильный, крепкий*. Ср.: *здоровая голова, крепкая спина, сильные руки*. Синонимы, кроме *здравый* (устар.), *крепкотелый, ядреный* (разг.), *цветущая, дюжий* (прост.), *ражий* (устар.), *закаленный* сочетаются с интенсификатором *очень*. Очень сильный, очень крепкий, очень кремнястый, очень бодрый, очень здоровый.

Отдельно хотелось бы отметить гендерную особенность синонимов. Все синонимы, кроме *здравый* и *кремнястый* могут относиться как к мужчине, так и к женщине. Ср.: *Здоровый мужчина – здоровая женщина, сильный парень – сильная девушка, бодрый старик – бодрая старушка, выносливый боец – выносливая спортсменка, дюжий (прост.) малый –*

дюжая девка, ражий (устар.) молодой человек – ражая девчина, закаленный малыш – закаленная малышка, цветущая женщина – цветущий мужчина, крепкий парень – крепкая девка, ядреный мужик – ядреная баба, крепкотелый спортсмен – крепкотелая спортсменка.

Иллюстрации.

Приведенные выше примеры представляют типовые контексты, в которых лексемы ряда характеризуют физическое состояние человека, реализуя антропоцентризм, усиленный идеей нормы. Сочетание феноменов нормы как отличительного признака мира человека и здоровья как одной из важнейших аксиологических норм создает особый оценочный фон подобных высказываний.

В качестве иллюстраций употребления антонимичных прилагательных были приведены многочисленные контексты, реализующие метафорические модели уподобления неживого живому. Разумеется, вряд ли можно ожидать активность метафорической модели «Омск – здоровый организм». Ее существование противоречило бы многократно подтвержденной тенденции, характерной для речевой практики: о плохом говорят больше, активнее и образнее, нежели чем о хорошем, тем более – о нормальном [Арутюнова, 1989]. Между тем идея здоровья города все же вербализуется:

Во времена СССР город был красивый, зеленый и чистый! (форум «Омск и омичи»);

Когда-то Омск был богатым городом с хорошей экологией (форум «ЧП Омск»);

Омск «оживет» тогда, когда в нем появится сильный управленец (форум «Омск и омичи»);

«Нам бы выжить в Омске! Нам нужен чистый воздух, голубое небо, здоровье близких!» (Город55).

Приведенные выше примеры называют Омск здоровым либо в прошлом, либо в будущем (как пожелание, требование, надежда), но не констатируют факт здоровья города в настоящем, что говорит о пессимистическом взгляде

жителей и СМИ на ситуацию в регионе.

Здоровый Омск – это, прежде всего, чистый, красивый, зеленый, богатый город; город, у которого есть хозяин. Таким образом, синонимический ряд *здоровый* может быть дополнен новыми членами, которые расширяют семантическую структуру доминанты и дополняют ее оценочными значениями: *здоровый* – чистый, зеленый, красивый, богатый.

Справочные зоны.

Антонимы: *Больной, болезненный, недугующий (мест.), недужливый, недужный (устар. и прост.), нездоровый, немощный, развинченный (разг.), расстроенный, расслабленный, страждущий (книжн.), хворый (прост.), хилый, чахлый; анемичный, золотушный (разг.), малокровный, рахитичный, худосочный, чахоточный (разг.).*

Фразеологические синонимы: *кровь с молоком, косая сажень в плечах, входит в тело, набираться сил, долбней не убьешь, пахать можно.*

Дериваты: *здоровье, бодрость, закалка, выносливость, дееспособность.*

Аналоги: *полнокровный, упитанный, мощный.*

В синонимическом ряду *здоровый*, включающем 12 единиц, выделяются 5 смысловых признаков, которые идентичны тем, которые были обнаружены при портретировании ряда *больной*:

- степень отклонения от среднего;
- эстетическая оценка внешности субъекта;
- причины отклонения от среднего;
- указание на конкретные особенности тела субъекта;
- указание на состояние как результат.

Синонимический ряд *здоровый* не позволяет выделить смыслы «отсутствие физических сил», «указание на время приобретения признака» и «особое отношение говорящего к субъекту».

В целом лексемы, объединенные значениями *здоровый*, так же, как и лексемы, объединенные значением *больной*, репрезентируют самые существенные свойства языковой картины мира, отражают специфику

человека и его бытия, его состояния здоровья, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. При характеристике физического здоровья основаниями оценки так же, как и при характеристике болезни, становятся внешние проявления – особенности внешности (например, телосложение и цвет лица) и воспринимаемые глазом доказательства физической силы.

Как и ожидалось, для понятия здоровья исходным, ядерным будет значение аксиологической нормы, поэтому все синонимы, составляющие концепт «Здоровье», могут быть рассмотрены как вербализация нормы.

Обоснованная ранее значимость полюсов для организации концептуальной оппозиции *больной/здоровый* на лексическом материале нашла подтверждение. Синонимические ряды, представляющие противопоставленные значения, показательны не только своей многочисленностью, но и наличием разнообразных компонентов значений, обогащающих идею болезни/здоровья, а также пересечением со смежными семантическими полями.

Сравнительный анализ синонимических рядов *больной/здоровый*, показал, что лексика ряда *больной* количественно преобладает над лексикой ряда *здоровый*; синонимический ряд *больной* также имеет большее, по сравнению с рядом *здоровый*, количество фразеологических синонимов и аналогов. Таким образом, *больной* представляет собой систему более широких представлений, чем *здоровый*. Понятия *больной* и *здоровый* входят в концептосферу русского языка, а сущность их противопоставления заложена в противопоставленности внешности субъектов, их психического и физического состояния, работоспособности. Именно это дает нам право называть понятия *больной/здоровый* бинарной оппозицией.

Концепты «Болезнь»/«Здоровье» и смыслы, входящие в них, образуют концептуальную оппозицию, которая построена на антонимичности наиболее содержательных признаков и средств их выражения (при обязательном наличии общего семантического компонента – состояние). Повторим эти

содержательные признаки (см. таблицу 4).

Таблица 4. **Содержательные признаки концептуальной оппозиции *больной - здоровый***

Содержательные признаки	Состояние человека	
	Болезнь	Здоровье
Внешний вид	Больной человек истощен, бледен, имеет нездоровый внешний вид.	Здоровый человек обладает крепким телосложением, имеет цветущий вид, выглядит не больным .
Наличие/отсутствие физических сил	Больной человек – это слабый , лишенный (вследствие болезни) физической силы.	Здоровый – это человек, обладающий физической силой и выносливостью, неслабый .
Указание на состояние как на результат	Больным человек может стать по причине болезни, а также родиться уже нездоровым (по причине <i>родовой травмы, плохой наследственности</i> и др.)	Здоровье дается человеку от рождения и необходимо лишь его поддерживать. Однако больной (или часто болеющий) может стать полностью здоровым в результате, например, закаливания.
Особое отношение говорящего	Больной человек оценивается отрицательно : вызывает жалость окружающих, иногда брезгливость и даже презрение (как лишний, ненужный обществу).	Здоровый человек оценивается только с положительной стороны.

Выделенные значения полюсов дают импульс организации срединного пространства оппозиции. Так, возможно градуирование практически по каждому из частных значений.

1. Шкала «Наличие/отсутствие физических сил больного/здорового человека»: здоровый - *сильный, дюжий, ражий, выносливый, крепкий, ядреный, расслабленный, хилый, чахлый, немощный* – больной.

2. Шкала «Внешний вид больного/здорового человека»: здоровый – *цветущий, бодрый, нездоровый* – больной.

3. Шкала «Особенности телосложения больного/здорового человека»:

здоровый – *крепкий, кремнястый, крепкотелый, хилый, худосочный, рахитичный* – больной.

Таким образом, антонимы *больной/здоровый* и их синонимы задают членение одной и той же группы слов. Каждый синоним передает сам процесс градуирования – выражение различной степени проявления признака.

Частнооценочные значения «*больной – здоровый*» соотносятся с полярными общеоценочными значениями «*плохой – хороший*»: *здоровье* – хорошо, *болезнь* – плохо. Бинарные оппозиции выступают здесь крайними полюсами ценностных шкал: *здоровье* воспринимается как ценность, а *болезнь* – как антиценность.

Подводя итог, подчеркнем, что применение методики лексикографического портретирования синонимических рядов *больной/здоровый* доказывает верность предположений относительно природы исследуемой концептуальной оппозиции. Так, находит подтверждение организация оппозиции как синонимико-антонимического комплекса: полюса представлены противопоставленными синонимическими рядами, пространства между полюсами организуется благодаря разворачиванию частных значений.

Анализ полюсов в комплексе (а не каждого по отдельности) акцентирует внимание на теснейшей связи членов оппозиции. Лингвистами неоднократно отмечался тот факт, что если слово потенциально имеет соответствующий антоним, но в контексте присутствие этого антонима не обусловлено, тогда второй компонент восстанавливается посредством осмысления вероятной противоположности по отношению к названному слову через процесс сравнения [Новиков, 1973; Вольф, 2006]. Второй компонент антонимической пары, тем более если она наделена оценочным значением, подразумевается исходя из представления о некоторой релевантной шкале, по которой один компонент выступает в качестве крайней точки положительного полюса, а второй – отрицательного полюса. В приведенных

выше и подобных контекстах пара противоположных по значению слов может быть представлена только одним членом [Вольф, 1986, с. 98-100], но «воссоединение» составляющих пары осуществляется благодаря ассоциативной связи между обозначаемыми понятиями. Так, лексемы концепта «Здоровье», как и лексемы концепта «болезнь», постоянно предполагают друг друга: *больной, хворый, золотушный, немощный, слабый* – указывают на отсутствие здоровья, а *здоровый, крепкий, ражий* подразумевают отсутствие болезни.

2.2. О реализации концептуальной оппозиции больной – здоровый в паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка

В лингвокультурологии выделяется три основных составляющих ЯКМ: лексическая картина мира, фразеологическая картина мира, пословичная картина мира [Иванова, 2006]. Специфика менталитета определяется совокупностью когнитивных стереотипов сознания, которые закодированы в единицах языка. Эти представления можно выявить, обратившись к изучению семантики фразеологических и паремиологических единиц языка, в наибольшей степени отражающих обусловленные национальной культурой особенности мировосприятия его носителей.

В. Н. Телия полагает, что пословицы – это «прескрипции – стереотипы народного самосознания», это «по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [Телия, 1996, с. 240-241]. По мнению В. П. Аникина, в пословице заключены наблюдения народного ума, народная оценка жизни. Могли становиться пословицами и существовать на протяжении многих веков только те изречения, которые согласовывались с образом жизни и мыслями множества людей. Пословицы выражают мнение

народа [Аникин, 1961, с. 102]. Закономерно, что позволяющие реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания паремиологические единицы языка представляют несомненный интерес для лингвокультурологии и теории концептов. Изучение паремий выявляет культурно обусловленный компонент языковых значений и рассмотреть когнитивные механизмы формирования важнейших культурных стереотипов. Паремиологические единицы являются средствами хранения и передачи народного опыта, своего рода кристаллизацией этнического мировоззрения, отсюда они обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, которые составляют когнитивный базис национальной языковой картины мира. Кроме того, «в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры» [Бабаева, 2002, с. 28].

Не менее ценным источником сведений о культуре и менталитете народа является фразеологический фонд языка, который, по мнению В. А. Масловой, «включает в себя представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении. Фразеологические единицы (далее – ФЕ) приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение» [Маслова, 2001, с. 43]. Б. А. Ларин говорит о том, что фразеологизмы в строгом смысле слова всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи [Ларин, 1977].

Фразеологию в аспекте языковой картины мира рассматривали многие лингвокультурологи: Т. З. Черданцева, Н. Ф. Алефиренко, О. А. Корнилов, В. М. Мокиенко, Ю. П. Солодуб, Н. М. Шанский, Р. Х. Хайруллина и др. Т. З. Черданцева отмечает: «Идиоматика любого языка представляет собой ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего

на нем народа. Благодаря фразеологии, а особенно идиоматике, можно проникнуть в далекое прошлое не только языка, но и истории, и культуры его носителей. Говоря о «прошлом», мы имеем в виду факт сохранения в составе фразеологии слов и словосочетаний, вышедших из употребления, и синтаксических структур, не встречающихся в современном свободном синтаксисе» [Черданцева, 2000, с. 58].

Понимая фразеологическую и пословичную (паремиологическую) картины мира как части языковой картины мира, представленные соответствующими единицами, рассмотрим реализацию концептуальной оппозиции *больной – здоровый*.

Еще до сбора материала представлялось очевидным, что оппозиция образует «очаг» фразеологии и паремиологии, что объясняется значимостью параметра здоровья для бытия человека, иначе говоря, ценностным характером этого параметра. Так, не требует дополнительных доказательств тот факт, что здоровье находится на первом месте в иерархии ценностей людей. Здоровье относится к разряду высших, универсальных ценностей, так как оно имеет непреходящее, всеобъемлющее и вневременное значение. В то же время, здоровье является ценностью-средством, так как «существует не само по себе» [цит. по Ларионова, 2006, с. 106], а является условием существования еще более значимой ценности – жизни: можно жить, будучи нездоровым, но нельзя, будучи здоровым, не жить. Антиподом здоровья в ценностном измерении выступает *болезнь* как антиценность и как его полная противоположность.

Анализ фразеологизмов и паремий, участвующих в реализации концептуальной оппозиции *больной – здоровый*⁸, позволил выявить ряд

⁸ Источниками фразеологического и пословичного материала послужили:

1. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1998. – 534с.;
2. Жуков В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 440с.;
3. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения:

I. Здоровый

Характеристика человека как здорового осуществляется благодаря указанию на его свойства, признаки, само наличие которых свидетельствует о физическом благополучии. Среди этих признаков следует прежде всего назвать физическую силу, внешнюю привлекательность, особенности телосложения, долголетие. Отметим, что первые три признака со всей очевидностью обнаруживаются и на лексическом уровне, в то время как последний представлен опосредованно: идея долголетия в исследованных синонимических рядах не реализуется, однако параметр времени и связанный с ним параметр длительности состояния являются значимыми.

1. Сила, выносливость. Здоровый человек – сильный, крепкий, выносливый: **в силе** – наделен физической и духовной энергией; **жив-здоров**; **в здоровом теле – здоровый дух**; **крепок на ухо**; **крепок на ногах**; **кровь разыгралась**; **кровь бурлит / кипит/играет в жилах**; **набираться сил**. Данные фразеологические и паремиологические единицы указывают на наличие жизненных сил, силу как признак отличного состояния здоровья.

Но ничего... Бабка ещё в силе. Её надолго хватит... (В. Токарева). ФЕ **в силе** в данном примере характеризует пожилую женщину как физически и психически здорового человека, полного сил и энергии, т.е. женщину не больную.

Жив, здоров и пока невредим. Чувствую себя прекрасно (Н. Королева). ФЕ **жив-здоров** указывает на прекрасное самочувствие как признак здоровья

Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1988. – 269с.;

4. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – 828 с.;

5. Фразеологический словарь русского языка. /Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987. – 543с.

и отсутствия болезни.

Следует отметить, что ФЕ *кровь разыгралась, кровь бурлит/кипит/играет в жилах* чаще обозначают людей молодого и среднего возраста, ср.: *у парня кровь разыгралась в жилах, у подростков кровь кипит*. ФЕ *жив-здоров, крепок на ухо, крепок на ногах* чаще называют людей пожилого возраста, которые не утратили былого здоровья и бодрости, ср.: *старик жив-здоров, старуха крепка на ухо, дед крепок на ногах*.

2. Красота, бодрость. *В полном (в самом) соку, как огурчик, кровь с молоком, пышущий здоровьем, как маков цвет, заливаться румянцем; Где здоровье, там и красота; В здоровом теле – здоровый дух*. Здоровый человек – это цветущего вида человек, поэтому здоровье оценивается через внешний вид. Здоровье ассоциируется с внешней красотой.

Но ведь мы никогда не думаем о том, какой девушка станет потом, мы видим её такой, какова она сейчас, а она была, как говорится, кровь с молоком, даже странно было видеть такую здоровую, цветущую девушку в городских условиях, тем более в Ленинграде, а она была коренная ленинградка, из интеллигентной петербургской семьи (А. Рыбаков); И не мудрено – здоровый, красивый, статный, всегда очень аккуратно одет. Всегда, как огурчик. Во многом это, конечно, мамина заслуга (А. Гаврюшенко); В здоровом теле – здоровый дух, а значит и источник энергии для новых производственных успехов (В. Бруев).

ФЕ *кровь с молоком, как маков цвет* чаще сочетаются с лексемами *ребенок, молодой человек, парень, девушка, подросток*, т.е. обозначают людей молодого возраста. ФЕ *как огурчик, пышущий здоровьем* могут сочетаться с лексемами, обозначающими зрелый и преклонный возраст человека, ср.: *пышущий здоровьем старик, пенсионер выглядел как огурчик*.

3. Особенности телосложения: *косая сажень в плечах; входит в тело*. Данные единицы указывают на наличие крепкого телосложения, развитой мускулатуры, здоровой полноты: *Оправившись после долгой*

болезни, он, наконец, начал **входить в тело** (В. Шаров); *Пышущий здоровьем русский богатырь **косая сажень в плечах**, рослый, кудри черные, глаза голубые* (М. Кучерская).

4. Долголетие. Традиционно в русских поговорках здоровье понимается как основа долголетия, т.е. человек, который в течение своей жизни следит за здоровьем, продлевает себе жизнь. Ср.: **Кто здоров – тот век проживет**. Ср.: *Следите за своим здоровьем. Недаром говорят: «**Кто здоров, тот век проживет**»* (т/п «Жить здорово!»).

Устанавливая связь с другими ценностями, носитель русского языка практически отождествляет здоровье с добротой и счастьем. Так, в русском языковом сознании здоровый человек воспринимается как добрый, отзывчивый (***Добрый человек здоровее злого; Добрым быть – долго жить***) и счастливый (***Здоровье и счастье не живут друг без друга***).

Особую группу составляют ФЕ и поговорки, объединенные смыслом «сохранение здоровья»: ***Береги платье снову, а здоровье смолоду; Противное зелье лучше болезни; И собака знает, что травой лечатся; Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле; Лук да баня всё правят; Баня – вторая мать. На свежем воздухе долго быть – долгую жизнь прожить; Печаль старит, радость дух поднимает; Пока здоров – добро дорого, заболеешь – жизнь дорога; Чистота – залог здоровья; Труд закаляет, сон освежает; Утро встречай зарядкой, вечер провожай прогулкой; Труд – первое лекарство от всех болезней. В доме, где свежий воздух и солнечный свет, врач не надобен; Двигайся больше – проживешь дольше.*** Русский паремиологический фонд очень богат пословицами и поговорками, которые заключают в себе смысл «сохранение здоровье»; жизнь и здоровье являются главнейшей ценностью человека, именно поэтому в поговорках содержится столько советов для поддержания крепкого здоровья на протяжении всей жизни. В первую очередь к ним относятся свежий воздух, правильное питание, движение, чистота, добрые мысли.

Отдельно отметим фразеологизмы, в основе которых лежит сравнение

человека с животными и птицами (как домашними, так и дикими). Особенно часто человек уподобляется *лошади, волку, коню, лосю*. Известно, что создание многих образов в сравнениях с названиями животных и птиц в языках основано на одних и тех же наиболее характерных свойствах животных и птиц [Гутман, 1970]. Идиоматические единицы, часто основанные на метафорах и сравнениях, являются эталонами свойств человека или предмета, своего рода стереотипами, которые своеобразно характеризуют образцы здоровья, красоты человека, полезности предметов и т.д. Так, эталоном здоровья в русской ментальности выступает бык, корова и лошадь: **здоров как бык (конь, лось), здорова как корова, пашешь как лошадь**. Данные ФЕ в своей внутренней форме сохраняют и воспроизводят стереотипные представления народа – носителя языка. Ср: *И ничего у меня не болит. И вообще я здоров как бык. Весело гуляю среди каменных домов, а про себя всегда думаю: «Лес, лес!»* (Ю. Коваль); *У них выходило, что «прекрасная Грация здорова как корова», но вечно пилит мужа, уверяя, что без Эмса ей не прожить и года, а тот ей верит, тем более что ее домашний врач, «не то жид, не то немец», в этом ей подыгрывает* (Н. Карабчевский).

Во фразеологизмах проявляется тенденция переосмыслить ценность здоровья, как бы принизить ее. Если «очеловечивание» животных в сознании носителей как бы повышает статус последних (так как они уподобляются человеку – венцу творения), то зооморфизм, напротив, нередко принижает человека. Все приведенные фразеологизмы характеризуют объект как здорового, однако делают это с насмешкой, иронично.

Еще более отчетлива насмешка в выражениях, сообщающих о работоспособности здорового человека: **долбней не убьешь; пахать можно; на нем хоть воду вози**. Данные паремии говорят о человеке, обладающем достаточной силой и здоровьем для того, чтобы выполнять тяжелую физическую работу, но делают это издевательски: *Да ежели хотите знать, то на моей старухе пахать можно и груженные воза возить, а меня ей*

утянуть куда хошь – раз плюнуть, до того она сильная, проклятая! (М. Шолохов); – *Ты, тётя Вася, смотри, какая здоровенная, на тебе **хоть воду вози**, а всё молишься...* (Л. Улицкая). В этих и подобных примерах подчеркивается некая несоразмерность здоровья, силы и возраста, статуса. Отметим, что у ФЕ данной подгруппы нет ограничения в обозначении возраста человека: они могут называть как молодых людей, так и людей преклонного возраста, что свидетельствует о наличии в сознании стереотипных представлений о пределе человеческих возможностей и об ожиданиях, базирующихся на этих представлениях.

Вообще, народная смеховая культура, архаическая и современная, известна тягой к «переоценке ценностей»; заметна эта тенденция и на исследуемом материале. Так, идея здоровья получает особое воплощение в известной поговорке ***Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет.*** Здесь очевидно отрицательно-ироничное отношение к здоровью: не важно, какой образ жизни ты ведешь и есть ли у тебя вредные привычки, тебе все равно не стать бессмертным. Таким образом, здоровье в данном контексте уже понимается не как идеал или высшая ценность, а как своеобразная «жизненная бессмыслица»: человек стремится заниматься спортом, поддерживать свое здоровье, но он все равно не застрахован от страшной болезни или смерти: *Большой, сильный, здоровый человек, и вдруг серьезная, неизлечимая болезнь* (Е. Ханга). Так стоит ли всю жизнь отказывать себе в удовольствиях (поесть вкусную жирную пищу, выкурить сигару и т.д.), если все равно не избежать смерти? Подобные смыслы мы можем также наблюдать в поговорках, типа: *Деньги с собой в могилу не унесешь*. Отметим также, что анализ на текстологическом уровне русского языка показывает, что здоровье часто не является основой долголетия: – *Да, – скажет потом какой-нибудь из гостей с глубоким вздохом, – вот муж-то Марьи Онисимовны, покойник Василий Фомич, какой был, бог с ним, здоровый, а умер!* (И. Гончаров).

Таким образом, можно сделать вывод, что здоровый человек – это

физически благополучный человек: он обладает физическим здоровьем, бодростью, полон сил, находится в хорошем физическом состоянии и в здоровом уме. Здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Ср.: *в здоровом уме и твердой памяти; в здоровом/полном/твердом рассудке/в своем уме* – в нормальном психическом состоянии. *В здоровом теле – здоровый дух.*

Обнаруженные ФЕ и паремии в большинстве своем содержат положительную характеристику внутреннего и внешнего состояния субъекта; обозначают человека здорового как доброго и счастливого. Появление на положительном полюсе отрицательных оценок обусловлено самой природой концептуальной оппозиции, соотносящейся, во-первых, с базовой общеоценочной оппозицией «хороший – плохой», а во-вторых допускающей взаимообратимость полюсов.

Обобщим сделанные наблюдения в схеме (см. рисунок 2).

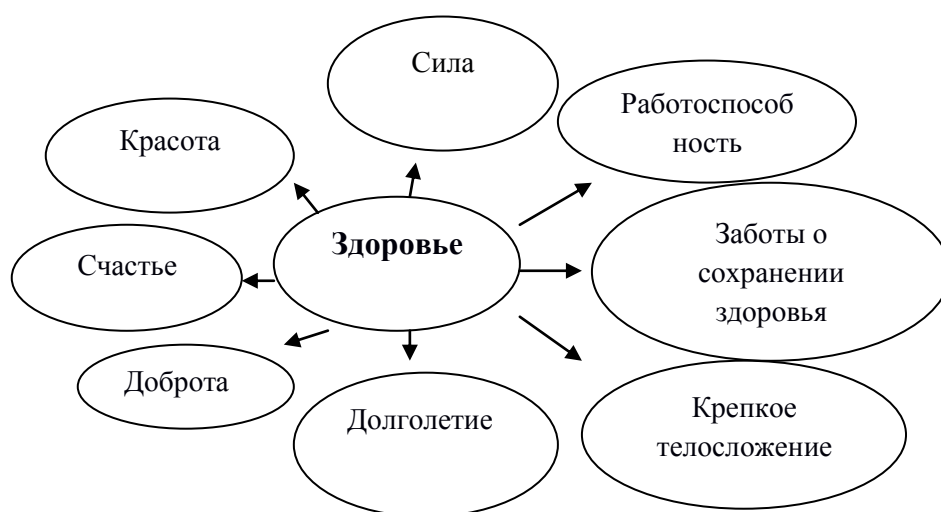

Рис. 2. Здоровье во фразеологическом и паремиологическом фондах русского языка

II. Больной

Образное представление болезни, характерное для ФЕ и паремий, включает те же типовые признаки, что и представление здоровья: физическая

сила, внешние признаки, способность работать и т.п. При сопоставлении со всей очевидностью обнаруживается природа антонимии – «двучленного парадигматического ряда, слова которого связаны отношениями противоположности» [Новиков, 1973].

1. Слабость. *Еле-еле душа в теле; пареный да вяленый; мало каши ел. У кого болят кости, тот не думает идти в гости.* Больной человек – слабый, немощный, хилый, чахлый, нездоровый. Ср.: *Ну куда тыпустишься такой, кожа да кости, еле душа в теле?* (Б. Пастернак). ФЕ данной подгруппы могут обозначать как временный признак, когда при условии хорошего питания и лечения состояние здоровья приходит в норму, так и постоянный, если болезнь не отступает или переходит в хроническую стадию. Ср.: *Питайся хорошо, а то еле-еле душа в теле* (из разговора).

Заметим, что слабость не обязательно может быть признаком болезни (она может появиться по причине усталости, тяжелой работы, бессонницы и под.: *Всю неделю работаю без выходных, еле-еле душа в теле* (из разговора)), в то время как болезнь всегда характеризуется слабостью.

2. Особенности внешности как проявление болезни, некрасивость: *(бледный) как смерть; (ни) кровинки в лице нет (не осталось); краше в гроб кладут; Болезнь человека не красит; Болезнь и скотину не красит; В три погибели согнуло.* Больной человек ассоциируется с бледностью. Подчеркивается, как болезнь уродует человека: – *Ты посмотри на нее, – сказала мама. – Краше в гроб кладут. – Нет, мама, – возразила я, – мне уж лучше сегодня* (В. Белоусова); *И вообще, члены моей семьи настоящие уроды: Кеша, бледный как смерть и болезненно худой, Александр Михайлович настолько отвратителен, что и смотреть на него не хочется, Ольга похожа на куклу Барби, она так же глупа...* (Д. Донцова).

Заметим, что ФЕ *бледный как смерть, (ни) кровинки в лице нет (не осталось), краше в гроб кладут, кожа да кости, живые (ходячие) мощи, спасть с тела, лица нет, высох, как лист, как спичка* описывают болезненное физическое состояние и изменения во внешности человека как

результат душевных терзаний (несчастной любви, волнения, страха и под.), а не физической болезни как таковой: *Аня держала в руках повестку, за спиной стоял бледный, как смерть, Иосиф (А. Львов); После разговора они воротились. Петр Петрович – истерзанный, в слезах, а Пахомовна – каменная, ни кровинки в лице (О. Павлов); Зосим Васильич, краше в гроб кладут! Огорчений, должно, много? (Л. Леонов); Исхудала ты от переживаний! Кожа да кости! (из разговора); Та посмотрела на него, видит, что на нём лица нет, бледен как салфетка, в глазах траур (М. Булгаков); От постоянного страха, что за ним придут, он высох как спичка (Л. Улицкая); Семейная жизнь превратила Катерину в живые мощи (М. Шишкин).* Упомянутые ФЕ показывают, что не всегда болезненный вид является следствием физической болезни. Однако очевидна взаимная связь болезни души и тела: страдания, переживания, страхи, дурные мысли оставляют свой отпечаток на физическом здоровье.

Переживания человека описывает и ФЕ **душа болит**. В текстологическом фонде русского языка болезнь души является показателем жизни, ср.: *Пока душа болит – значит жив! (А. Маринина).*

К группе «внешние проявления болезни» могут быть отнесены и те единицы, в которых указывается на телосложение больного: **кожа да кости; живые (ходячие) мощи; спасть с тела; поправиться из кулька в рогожку; лица нет; еле-еле душа в теле; высох, как лист, как спичка; кости да кожа, одни ребра.**

Чего мне стоило добиться, чтобы ей оставили отдельную палату! Лежит высохшая, кожа да кости. Руки и ноги в синюшных отеках от инъекций (М. Шишкин); Он был как живые мощи, и уже не мог говорить, а только закрыл глаза рукой и беззвучно заплакал, – он понимал, что все приходят к нему прощаться... (С. Аллилуева).

Очевидно, что фразеологическая и паремиологическая картины мира не отражают современных идеалов красоты и канонов здоровья: здоровый человек рисуется в ФЕ и пословицах крепкотелым, справным (ср.

поправиться – «выздороветь» и «располнеть»), иными словами, не худым; больной же, напротив, именно худой.

Все приведенные ФЕ передают естественную отрицательную оценку внешности субъекта, худоба видится симптомом болезни и вызывает жалость.

3. Отношение к работе. Нездоровый – не способный работать, уставший от тяжёлой работы человек: *пареный да вяленый; руки отваливаются*. Ср.: *А я весь больной, в поту, и работать – руки отваливаются* (А. Серафимович).

4. Проявления болезни, симптомы: *в глазах темнеет (мутится, зеленеет), лежать в лёжку, едва (чуть, еле, с трудом) ноги волочить (тащить), тяжёл на ногу (ноги)*. Ср.: *Головная боль нарастала, Юрцеву даже показалось, что у него в глазах темнеет* (А. Маринина). Как и ФЕ, относящиеся к подгруппе «Слабость», данные единицы называют состояния, являющиеся результатом болезни. Однако данные состояния могут наступить и в результате других причин: усталости, тяжелой работы и под. Ср.: *От чтения уже в глазах темнеет; С работы еле ноги волочу*.

Если здоровье обеспечивает главную ценность – жизнь, то болезни приближают человека к глобальной антиценности – смерти. ФЕ и пословицы, обозначающие тяжелое состояние человека, демонстрирует пересечение значений «смерть» и «болезнь»: *лежать пластом; болен как Лазарь; глядеть в гроб; на ладан дышит; одной ногой в могиле; не жилец на свете; при последнем издыхании; Болезнь да горе изведут скоро*. Состояние больного человека описывается в рассматриваемых единицах как близкое к гибели.

С той поры младенец все хиреет, да хиреет – видно, не жилец на свете (Д. Мережковский); *Я вот на что уж хил – одной ногой в могиле стою!* (М. Салтыков-Щедрин); *У него врожденный порок сердца, он на ладан дышит, уже не жилец, можно сказать* (А. Ким).

Все ФЕ подгруппы «Тяжелое состояние больного», кроме ФЕ *лежать*

пластом, указывают на неизбежность смерти как исхода болезни и не дают никакого шанса на выздоровление. ФЕ **лежать пластом** указывает на тяжелое состояние больного, однако, пациент все-таки может пойти на поправку, ср.: *После операции он неделю лежал пластом* (из разговора). Этот же оборот может обозначать состояние, свойственное не только больному человеку, ср.: *После ухода жены он месяц лежал пластом, не мог поверить, что ее больше нет* (Л. Улицкая) – данный пример описывает состояние, являющееся результатом сердечных переживаний, а не физической болезни.

Сближение понятий *болезнь – смерть – несчастье* лежит в основе паремий типа ***Болезнь пришла – беда в дом вошла***, в которых болезнь понимается как горе, беда.

Пессимистичность рассмотренных единиц сочетается в русском языке с оптимизмом ФЕ и паремий, обозначающим движение в противоположном направлении: от болезни не к смерти, а к здоровью. Выздоровление, как говорилось в главе 1, – это особое состояние организма, наступающее за окончанием какого-либо болезненного процесса и продолжающееся до полного восстановления нормального питания и деятельности всех органов. В создании образности ФЕ данной фразеосемантической подгруппы участвует соматическая лексика [Лебединская, 1999], а именно лексема *нога*. В русском языке выздоровление ассоциируется с тем, что человек снова стоит на своих ногах: ***становиться /вставать / подниматься на ноги*** – выздоравливать, оправляться от болезни: *После болезни он становится на ноги, обретает силу* (форум).

Ценностный статус здоровья и болезни обуславливают тот факт, что ФЕ и пословицы группы «здоровый» содержат советы по сохранению здоровья, а отрицательный полюс представлен единицами, осмысляющими причины болезни: ***Где мусор – там мухи, где мухи – там болезни; Человек ничего не делающий – человек больной; Коли ешь все подряд, еда – яд; Куришь, бездельничаешь и пьешь – от хворобы не уйдешь; Курящий некурящего***

жалит; Недосыпаешь – здоровье теряешь; Сладко есть и пить – по врачам ходить. Пословицы и поговорки русского народа изобилуют такими, которые указывают на причины болезни, среди которых выделяются: вредные привычки, обжорство, лень, грязь и под.

Как здоровье отождествляется с добротой, так болезни – с отрицательными морально-этическими качествами: *Дурной характер – без боли болезнь; Жадность здоровью – недруг; Кто людям зла желает, тот болезни на себя навлекает.* В русском языковом сознании больной человек мыслится как обладающий пороками, жадный, злой.

Обобщим сказанное (см. рисунок 3):

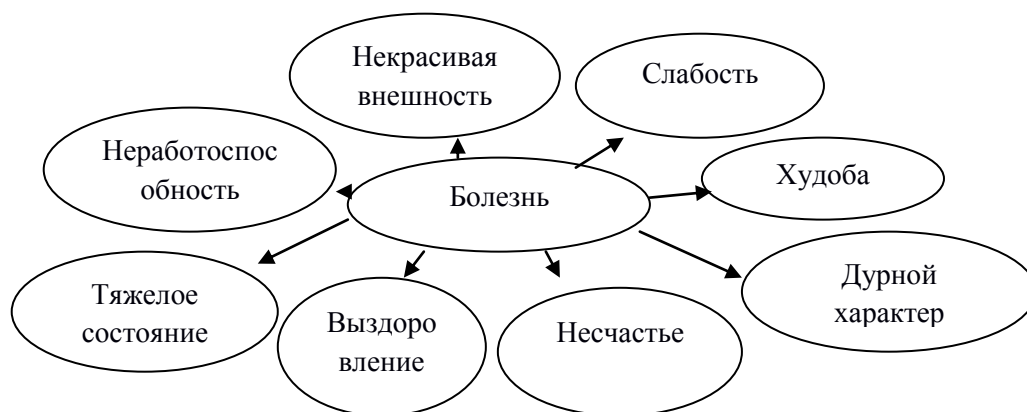

Рис.3. Болезнь во фразеологическом и паремиологическом фондах русского языка

Таким образом, больной человек представляется изможденным, худым, недобрым, несчастным. Нездоровый человек не может выполнять физические и умственные действия, так как не имеет достаточных жизненных сил.

Фразеологизмы и паремии, репрезентирующие смыслы концептов «Болезнь» и «Здоровье», неразрывно связаны между собой. Так, здоровье, находящееся на первом месте в иерархии ценностей, ассоциируется с активной жизнью, предполагающей возможность работать, со счастьем и

успехом, не зависящими от внешней привлекательности, благосостояния: *Здоров будешь – всё добудешь; Будь не красен, да здоров; Здоровье дороже богатства; Здоровья не купишь; Здоровье горы своротит* и т.п. Показательны в этой связи этикетные формулы, демонстрирующие статус здоровья в иерархии ценностей: *Здравствуйте! Будьте здоровы!*, а также разнообразные напутствия: *Не дай бог лечиться да судиться; Здоровье – первое богатство, а второе – счастливое супружество* и др. В то же время антонимичные обороты говорят о нетрудоспособности, уродстве, злобности и др. ФЕ и поговорки, относящиеся к полюсу *больной*, выражают страх перед недугом, отрицательное отношение человека к хвори.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Наблюдения, сделанные в настоящей главе, значимыми для нашего исследования по двум причинам.

Во-первых, получила подтверждение гипотеза о том, что является целесообразным и продуктивным описание концептуальной оппозиции *больной – здоровый* как скалярно-антонимического, или векторного синонимико-антонимического, комплекса. Синонимические ряды, представляющие полюса комплекса *больной – здоровый*, репрезентируют различные аспекты восприятия носителем языка здоровья и болезни, и организуют срединное пространство по типу градуального множества.

Во-вторых, были выявлены смыслы, которые в русской языковой картине мира связаны с понятиями здоровья и болезни. Так, изучив семантику фразеологических и паремиологических единиц языка, относящихся к сфере «Здоровье – Болезнь», мы выяснили, что в глазах носителя языка здоровый и больной человек оцениваются с точки зрения:

силы: сильный, выносливый / слабый, хилый;

внешности: крепкий, красивый, здоровой полноты / худой,дохлый, бледный;

возраста: здоровый – чаще молодой;

способности трудиться: работоспособный / неработоспособный;

отсутствия/наличия вредных привычек;

характера: счастливый, добрый / несчастный, злой.

Становится очевидным тот факт, что на лексическом, фразеологическом и пословичном материале выделены такие смыслы полюсов, которые делают их в полной мере противопоставленными: антонимичными не только в базовых своих значениях, но и в нюансах.

Однако при всех совпадениях отмечается существенное отличие полярных значений *больной – здоровый*, базирующееся на различном отношении к норме признака. С одной стороны, здоровье есть

аксиологическая норма, поэтому этот полюс аккумулирует положительные оценки. С другой стороны, «ненормальность» болезни, ее многоликость, делает болезнь прагматически ценной темой, что, в частности, объясняет причину наличия метафорического уподобления больному, а не здоровому.

Глава 3. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ БОЛЬНОЙ – ЗДОРОВЫЙ КАК ОСНОВА ТЕКСТА (на материале текстов рубрики "Диагноз недели")

3.1. Прагматический аспект изучения концептуальной оппозиции больной – здоровый

Особенности концептуальной оппозиции *больной – здоровый* обнаруживают себя не только в семантике лексических, фразеологических и пословичных единиц, представляющих противопоставленные концепты, но и в текстах. Более того, наблюдения за реализацией концептов в речи подчеркивают взаимообусловленность семантики и прагматики, позволяют выявить причинно-следственные связи между значениями изучаемых единиц и их поведением в тексте.

Сформулируем ряд гипотез, которые можно выдвинуть на основании общих сведений о концептуальной оппозиции *больной – здоровый*, и прокомментируем степень их обоснованности.

Из факта, что в поле нашего зрения находятся противопоставленные концепты, следует предположение о верности замечаний относительно прагматических особенностей антонимов применительно к оппозиции *больной – здоровый*. Парадигматические отношения членов антонимической пары обуславливают связь значений в сознании носителя языка; иначе говоря, если нет явной необходимости, говорящему нет нужды употреблять оба антонима – второй присутствует «удаленно». Подобное «взаимовосстановление» не употребленного в контексте члена пары, разумеется, в полной мере свойственно антонимам *больной* и *здоровый*, а также их синонимам⁹ и в принципе не требует доказательств. Очевидно, что

⁹ Заметим, что внутри противоположных синонимических рядов не все синонимы способны вступать в антонимические отношения по причине различия в лексическом значении слов-синонимов. Критериями выделения антонимических пар на базе

если слово *больной* имеет соответствующий антоним *здоровый*, но в контексте присутствие этого антонима не обусловлено, тогда второй компонент восстанавливается посредством осмысления вероятной противоположности по отношению к названному слову через процесс сравнения. Ср.: *Сегодня я проснулся совершенно больным*. В данном примере антоним *здоровый* восстанавливается из контекста: «еще вчера я был здоров и не болел, а сегодня болен». Антоним *здоровый* подразумевается исходя из представления о некоторой релевантной шкале, на которой один компонент выступает в качестве крайней точки положительного полюса, а второй – отрицательного полюса, причем между этими точками имеются промежуточные переходные состояния.

Крайним проявлением этого свойства антонимов лингвисты считают троп иронию, заключающийся в таком употреблении слова или выражения, при котором они приобретают «значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» (Цит. по: [Сковородников, 2005, С. 143]). Приведем примеры иронии с использованием слов семантического поля «болезнь/здоровье».

Так, на сайте «Качества личности от А до Я» ироничность иллюстрируется множеством высказываний, возможных в устах человека, обладающего этим качеством, среди которых: *Встретив выпивоху, он [ироничный человек – С. Т.] скажет: «Привет членам общества защиты печени и ведения здорового образа жизни?»* (<https://podskazki.info/ironichnost>); *«Свою супругу, Свиридову А. И., я голышом по двору не гонял, а просто хотел обнять и поцеловать. А она не поняла, и поэтому кричала. Топором я отмахивался от комаров. Вообще у нас*

синонимических рядов, по Л. А. Введенской, являются объем соотносимых синонимических рядов; характер смысловых различий слов каждого ряда; эмоционально-оценочная или стилистическая характеристика; дистрибуция слов с относительно противоположным значением [Введенская, 1968, с. 69].

дружная и здоровая семья» (<https://podskazki.info/opravdyvanie/>); «Кардиолог: – Моего здесь ничего нет. Онколог: – Я здесь ничего не нахожу. Невропатолог, гастроэнтеролог и т.д. вторят первым. Больной слабеющим голосом: – Доктора, я что умираю здоровым?» (<https://podskazki.info/nekvalificirovannost/>).

Ироничному переосмыслению могут подвергаться антонимы и при метафорическом употреблении. Например, в высказывании *Над тем, как «лечат» омские дороги, смеётся все страна* («Вечерний Ургант») вместо слова «лечат» мыслится контекстуальный антоним, восстанавливающийся благодаря знанию прецедентного текста «одно лечим (лечат) – другое калечим (калечат)»; графическим показателем иронии являются кавычки.

Рассмотренные выше примеры ироничного употребления антонимов позволяют предположить, что в случае если антонимы обладают оценочным значением, это оценочное значение может изменяться на противоположное, иными словами, особенностями оценочных антонимических пар является так называемая обратимость оценки ее членов (см. об этом: [Вольф, 2006; Арутюнова, 1990]). На основе сказанного можно предположить, что характеристика *здоровый* может поменять оценочный знак на минус, а *больной* – на плюс. Признавая принципиальную возможность таких изменений, считаем необходимым уточнить положение вещей.

Как известно, шкала оценок имеет субъективно-объективный характер, так как объединяет свойства оцениваемого объекта (объективный фактор) и отношение к ним говорящего (субъективный фактор) [Вольф, 2006]. Обратимость оценок касается прежде всего именно отношения говорящего, который переставляет оценочные знаки. Абсолютная ценность здоровья и абсолютная антиценность болезни не подвергаются сомнению, однако особенности ситуации, мировосприятия и т.п. могут побудить субъекта к движению по шкале в противоположную сторону.

Кроме того, заметим, что изменение оценочного знака является своеобразным знаком градуирования: говорящий «промеряет» свойства

объекта, соотнося их с нормой, аналогичными свойствами других объектов и т.п.; чрезмерная или, наоборот, недостаточная выраженность того или иного качества нередко приводят к переосмыслению оценок. Рассмотрим несколько ситуаций.

1. *Правильное питание, спорт, здоровый образ жизни... Какой ты скучный!* (из разговора); *Ваньку с собой звать не будем, он все равно не пьет. У него только спорт на уме* (из разговора).

Говорящие не отрицают сам факт здоровья, не подвергают сомнению его ценность, но оценивают это здоровье негативно, так как оно становится препятствием для развития ситуации в желаемом направлении: нельзя будет повеселиться, так как объект заботится о своем здоровье. В таком случае *заботящийся о здоровье* воспринимается как скучный, нудный, дотошный и др.

2. *А теперь, когда подходят к живому здоровому человеку, то прежде всего берут под сомнение его интеллектуальные способности: «он **слишком здоров, чтобы быть умным**», – так теперь оценивается истина... (Русский спорт, 1919); Жизнь уходила из тела с каждым ударом сердца, на снегу расплзлось большое вишневое пятно, но он был **слишком здоров, чтобы умереть сразу** (В. Кин); Нетактичная жестоковатость вопроса капитана Прохорова объяснялась тем, что **слишком уж резким был переход** из темной комнаты Егора Семеновича к расписному раю метеорологической станции, что **слишком здоров** и энергичен был Василий Юрьевич Покровский, румянец на щеках которого вблизи казался трехслойным: первый слой – румянец нормального человека, второй слой – румянец человека крепкого здоровья, третий слой – румянец самоуверенного и жестковатого оптимиста (В. Липатов).*

В приведенных и подобных им высказываниях говорится о чрезмерном здоровье, причем эта чрезмерность становится очевидной на фоне других качеств и/или особенностей ситуации. Так, в первом примере соотносятся ум и здоровье: теоретически и то, и другое представляют собой ценности,

однако в данном случае они поданы как взаимоисключающие, поэтому одинаковые оценочные знаки становятся невозможны. Во втором высказывании здоровье оказывается чрезмерным, потому что не дает герою быстро умереть, что в ситуации смертельного ранения оценивается как благо. Третий пример особенно интересен приведенной градацией румянца, в которой от первого до последнего компонента оценочный знак поменялся. В целом формулировка *слишком здоров (здоровый)* указывает на возможность градации внутри полюса, на взаимодействие сем качества и количества и на возможную благодаря этому смену оценочных знаков.

Итак, характеристика *здоровый* может стать объектом отрицательной оценки, что будет означать появление на положительном фланге негативных значений. Аналогичные ситуации могут наблюдаться и при упоминании болезней характеристики объекта как больного. Так, говорящие могут подчеркивать, быть больным иногда полезно, приятно, выгодно, хорошо. Ср.: *Я на больничном. Наконец-то отдохну!* (из разговора); *Нужно себя порадовать – сумочку купить. Я ведь болею* (из разговора); *Мне посуду мыть нельзя, и в магазин нельзя. Я же болею* (из разговора). Здесь болезнь понимается как временное состояние и как нечто хорошее, но лишь какое-то время (пока не отдохнешь, пока не окажут внимание и т.д.), а не постоянно.

Подводя итоги наблюдениям за обратимостью оценок, отметим следующее: антонимы *больной – здоровый* соотносятся, во-первых, с общеоценочными значениями «плохой – хороший», во-вторых, с соответствующими ценностными концептами. Это означает, что оценка может изменяться, однако вряд ли радикально, ибо изменение знака происходит не на фоне переоценке ценностей, а на фоне переосмысления оценок. Так, при определенных обстоятельствах *здоровый* может стать объектом негативных оценок, но в целом здоровье остается ценностью. В этой связи интересно следующее высказывание: *И сразу же обступила его в мыслях тёплая блистающая вода, и он резал её, отталкивая от себя ногами, чувствуя, как он споро плывёт, как он бесконечно, ликующе, по-дурацки*

здоров, каждым мускулом, каждым пальцем, каждым ногтем здоров (И. Грекова) – герой ощущает свое абсолютное здоровье и даже несколько стыдится этой абсолютности, старается ее принизить, например посредством наречия *по-дурацки*, однако положение вещей это никак не меняет: здоровье – ценность, обладание ею – благо.

Последняя гипотеза опирается на утверждение о том, полюса семантического пространства *больной – здоровый* противопоставлены и как не-норма (*больной*) аксиологической норме (*здоровый*). Иначе говоря, второй компонент рассматриваемой нами оппозиции принимается за норму применительно к большинству классов предметов [Поцелуевский, 1974, с.243], а первый является антинормой. Общими свойствами оппозиции норма – антинорма являются, по мнению ученых, следующие.

Оппозиция *здоровый – больной* коррелирует с оппозицией *фон – фигура*¹⁰: норма – фон, на котором видны отклонения (см., например: [Федяева, 2011, с. 7]). Восприятие здоровья как фона отражено в многочисленных сентенциях: *Здоровье не ценят, пока не приходит болезнь* (Т. Фулер); *Ум подобен здоровью: тот, кто им обладает, его не замечает* (Гельвеций); *Счастье – как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно есть* (И. С. Тургенев), *О здоровье не думаешь, когда оно есть и ничто тебя не беспокоит, а понимаешь его истинную ценность лишь тогда, когда начинаешь болеть* (тост). Итак, болезнь становится заметной на фоне здорового состояния организма, фигуры разнообразны и получают

¹⁰ Впервые фон был противопоставлен фигуре в рамках гештальтпсихологии, утверждавшей, что при восприятии человек фокусирует свое внимание на фигуре, однако признававшей, что при определенных обстоятельствах фон и фигура могут меняться местами. Позднее оппозиция была заимствована когнитивистами, которые сочли возможным использовать ее для описания функционирования единиц языка, при этом понимание фона и фигуры, по сравнению с гештальтпсихологическим, не изменилось: фигура – «нечто определенное, воспринимаемое человеком и значимое, а фон – размытое, неопределенное, растворенное, разлитое в пространстве» [Голованова, 2016, с. 26].

многочисленные номинации в языке. Отличается и прагматическая ценность нормы и антинормы: так, много и подробно говорить о том, что человек здоров, не имеет смысла, обычно коммуниканты устанавливают факт здоровья друг друга в первые минуты беседы и более не возвращаются к этому вопросу, в то же время разговоры о болезнях могут быть продолжительными и детальными и являться основной темой коммуникации. Таким образом, доказано, что норма имеет невысокую прагматическую ценность и слабый по сравнению с антинормой «выход в лексику» (выражение Н. Д. Арутюновой), но при этом играет важнейшую роль в восприятии. При этом неразрывная связь нормы и антинормы вообще и варианта этой оппозиции, представленной концептами *больной – здоровый*, предполагает, что противопоставленные значения реализуются друг через друга: и в процессе мировосприятия, и в процессе выражения его результатов в языке норма реализуется через «значения и форму языковых единиц с семантикой аномалии» [Федяева, 2011, с.7-8].

Частным следствием значимости понятий нормы и антинормы для любой оппозиции, пространство которой можно представить как градуальное множество, является то, что норма определяется как для оппозиции в целом, так и для каждой точки на шкале. При этом градуирование учитывает изменение различных частных значений, в связи с чем шкала предстает как целая совокупность шкал. В главе 1 было показано, что для оппозиции *больной – здоровый* в целом и для каждого полюса в отдельности наиболее важно измерение степени интенсивности (так, состояние больного может быть *тяжелое – средней тяжести – легкой тяжести*), времени протекания (выздоровление *быстрое* или *длительное*), а также существенно направление (вектор) движения (например, от состояния средней тяжести к *стабилизации* и *последующему выздоровлению* или к *ухудшению и смерти*) и др.

Таким образом, закономерности отношения нормы и антинормы (фоновый характер нормы, заметность аномалий и проч.) находят свое отражение и в концептуальной оппозиции *больной – здоровый*.

Обобщим сказанное выше. Мы предполагаем, что на особенности функционирования единиц, представляющих оппозицию *больной – здоровый*, влияет:

- 1) способность приобретать в контексте противоположное значение;
- 2) способность менять в контексте оценочный знак, сохраняя при этом ценностный характер концепта;
- 3) преобладание эксплицитных способов выражения значения «больной» и имплицитных способов выражения значения «здоровый»;
- 4) высокая коммуникативная ценность болезни как темы разговора и невысокая коммуникативная ценность здоровья в этом качестве.

Первые два обстоятельства обусловлены свойствами антонимов вообще и образующих исследуемую оппозицию частности. Два последних определяются спецификой оценочных значений. По мысли ученых, хорошее человек воспринимает как должное, а плохое становится постоянным объектом речи-мысли, что доказывает мысль Н. Д. Арутюновой о том, что отрицательные оценки обладают более сильным валентностным потенциалом, чем положительные [Арутюнова, 1988]. Отрицательный член оппозиции, с одной стороны, мыслится как производный от положительного (*больной – не обладающий здоровьем*), а с другой, являясь регулярно эксплицируемым, в процессах речи-мысли становится основным средством реализации базовых смыслов оппозиции (в данном случае имеет место своеобразный метод «от противного»).

Ниже мы рассмотрим, найдут ли подтверждения сделанные предположения на выбранном эмпирическом материале.

3.2. Метафора как средство реализации концептуальной оппозиции больной – здоровый в региональном политическом дискурсе

Говоря о способах вербализации концептов *больной – здоровый* и о единицах, наполняющих векторный скалярно-антонимический комплекс

больной – здоровый, мы отмечали в частности, что относящиеся прежде всего к человеку оценки могут метафорически переосмысливаться: в таком случае больными или здоровыми могут быть названы и неживые объекты.

Метафорическая модель «Россия – больной организм» была выделена и детально описана А. П. Чудиновым, который охарактеризовал признаки и функции данной модели, её прагматический потенциал, а также описал регулярно выделяющиеся в ней фреймы.

Беглый обзор региональной прессы позволяет судить о том, что в современном политическом дискурсе реализуется множество частных вариантов этой модели: больному уподобляется уже не страна в целом, а города. Приведем несколько примеров.

*Город, конечно, **болен**. Понятно, что районы, которые застраивали в 1970 годах, более проблемные, чем центр города. По большому счету **стопроцентно здоровых** территорий в Новосибирске просто нет. Город нужно **лечить**. И, я уже не раз об этом говорил, каждое здание в этом процессе является либо **лекарством**, либо каплей **яда*** («Эксперт», электронный ресурс);

*А пока мой город **болен** теми же **болезнями**, что и моя страна, – хамством, злобой, дураками, а плюс к тому еще **хронической болезнью** провинциальных городов под названием «сунь нос в дела соседа» («Невинномысский рабочий», электронный ресурс);*

*Москва – это абсолютно **больной** город. Знаете, когда говорят: «Ой, если ехать, скажем, в Индию, нужно сделать прививки от кучи болезней», я отвечаю: «Да Москва – самый заразный город, здесь такие болезни, от которых индусы помирают!»* (Леди@mail.ru).

ГОРОД БОЛЕН. РАК ЛЁГКИХ. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на сайт администрации Красноярска, где выставлена схема зонирования территории города. Указываю для всех желающих название сайта: www.admKrsk.ru. Если вы эту схему нашли, то вам сразу становится ясно: для зелени в городе места почти нет. «Почти»

– это так же, как если у человека в теле почти не осталось места для *лёгких*. Всё уже заняли **раковые клетки** («Красноярский рабочий», электронный ресурс).

В ряду частных реализаций метафорической модели «Россия – больной организм» может быть рассмотрена и модель «Омск – больной организм», возникшая на основе уподобления явлений политической жизни Омска различным заболеваниям, которые могут быть обнаружены в случае правильно поставленного диагноза и вылечены при условии соблюдения рекомендаций врача. Данная метафорическая модель работает на создание негативного образа города, который в целом характерен для региональных СМИ, что уже отмечалась лингвистами. Так, анализируя тексты газеты «Ваш Ореол», Л. Б. Никитина выявляет следующие семантические доминанты образа Омска:

- город чиновников-правонарушителей;
- город, который нуждается в команде руководителей-профессионалов;
- город равнодушия власти к нуждам людей;
- город, в котором процветают чиновничий обман и очковтирательство;
- город, некомфортный и опасный для проживания;
- депрессивный регион [Никитина, 2016].

Е. Г. Малышева, исследуя медиаобраз Омска, отмечает, что «именно негативный медиаобраз Омской области как депрессивного региона с коррумпированной властью и ещё недавно практически авторитарным типом управления представлен не только в региональных оппозиционных СМИ, но и в федеральных. Так, например, Омск именуется как непривлекательный для проживания город <...>, город, живущий исключительно хоккеем, в котором нет других сносных развлечений <...>, замусоренный город» [Малышева, 2014, с 51-52]. Концентрация негатива в образе города осуществляется, по

наблюдения исследователя, в морбиальной метафоре – метафоре смерти [Там же, с 54].

Показательными и удивительно созвучными в этой связи являются даже названия статей, на которые мы ссылаемся: «Не тот город? (негативный образ Омска по данным газеты «Ваш ОРЕОЛ»)» (Л. Б. Никитина) и «Город мертв: концентрация негативного в медиаобразе Омска» (Е. Г. Малышева).

Метафорическая модель «Омск – больной организм», несомненно, стоит в одном ряду с упомянутыми выше: она также «работает» на создание образа Омска и также наполняет этот образ отрицательными оценками. Вместе с тем заметим, что, по сравнению с морбиальной метафорой, исследуемая модель мягче, так как предполагает возможность движения не только в сторону смерти, но и в сторону выздоровления.

Исследуемая метафорическая модель реализуется в различных омских СМИ. Людям внушается мысль о том, что Омск в целом нужно срочно лечить, поскольку отдельные органы организма уже омертвели и потеря времени грозит самыми печальными последствиями (полная инвалидность, смерть, эпидемия). Выписываемые властями рецепты могут только повредить больному, поскольку политические лекари получили неправильное образование, ср.: *Бесконечные сражения за кандидатуру мэра сказываются на нервной системе всего города* («Омская правда», электронный ресурс); *Двораковский – это целитель, который убирает снег заговорами* («Омск-Информ», электронный ресурс); *Омск умирает. У города нет доктора: никто не может прописать ему лекарство и заставить применять* («Омск-Информ», электронный ресурс). Однако несмотря на распространенность модели в различных СМИ региона, наше внимание будет сосредоточено только на одном источнике.

Материалом для исследования в настоящей главе послужили тексты рубрики «Диагноз недели» омского политически-информационного сайта «БК55» (<http://bk55.ru/>), открытой с сентября 2012 года по октябрь 2014 года. На наш взгляд, время работы рубрики не случайно: в мае 2012 года истек

срок полномочий губернатора Омской области Л. К. Полежаева, который занимал данный пост с 1991 года, и в апреле 2012 года Законодательным собранием Омской области утвержден в должности губернатора Виктор Назаров. Появление градоначальника со стилем управления и общения, отличающимися от стиля предшественника, стало стимулом для появления рубрики, авторы которой весьма критично отзывались о местной власти. «Диагноз недели» является лишь метафорическим отражением «заболеваний» нашего общества. Всем нашим «пациентам» мы желаем крепкого сибирского здоровья», – пишут авторы рубрики (<http://bk55.ru/news/article/28206/>), отмечая возможность и позитивного исхода. Рубрика «Диагноз недели» представляется нам интересной для анализа прежде всего потому, что метафорическая модель «Омск – больной организм» в концентрированном виде.

Анализа метафорической модели, предпринятый в работе, базируется на понятиях дискурса и метафоры, его методологической основой является методика фреймового моделирования концепта.

Дискурс является неотъемлемой частью социальных отношений, так как, с одной стороны, формируется ими, а с другой – сам формирует эти отношения. Поэтому всякий дискурс можно рассматривать как «особое использование языка» [Степанов, 1995, с. 40], как «способ упорядочения действительности» [Фуко, 1996, с. 116].

В настоящей работе мы, вслед за Н. Д. Арутюновой и О. П. Михалевой [Михалева, 2005], понимаем дискурс как вербализацию определенной ментальности или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается мир, но и конструируется особая реальность, создается свой способ видения мира, способ упорядочения действительности.

Рассмотрение дискурса с позиции авторства, адресата и содержания позволяет очертить объем понятия *политический дискурс*. Е.И.Шейгал в своем исследовании предлагает полевой подход к анализу структуры

дискурса политики и считает дискурс политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание речевого произведения [Шейгал, 2000, с.244-245]. С точки зрения субъекта речи С.Н.Плотникова предлагает разделить политический дискурс на дискурс политиков и дискурс реагирования. Термин «дискурс реагирования» означает любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика [Плотникова, 2005].

Рассмотрение политического дискурса на основе содержательно-тематического принципа и адресанта может варьироваться и включать следующие его разновидности [см., напр.: Чудинов, 2013; Шейгал, 2000]:

- институциональный политический дискурс, в рамках которого используются тексты, непосредственно созданные политиками и используемые в политической коммуникации (политические документы, парламентские речи и дебаты, публичные выступления и интервью политических лидеров и т.д.);
- масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются тексты политической тематики, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета;
- тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют в политической коммуникации.

Таким образом, использование нами в качестве материала исследования текстов рубрики «Диагноз недели» омского политически-информационного сайта «БК55» (<http://bk55.ru/>) оправдано, т.к. данные речевые произведения можно считать политическим дискурсом.

Распространённым в современной лингвистике является дискурсивный подход к изучению метафоры [Арутюнова, 1990; Баранов, Караулов, 1991; Кубрякова, 2001 и др.], позволяющий охарактеризовать метафорические модели во взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком

социально-политическом фоне.

Рассмотрим реализацию метафоры в политическом дискурсе. Как известно, метафора – это не только прием изображения мира, это способ мышления, способ восприятия мира. Метафора социальна, она показывает, как картина мира отражается в общественном сознании. И именно этот аспект изучения метафоры может показать влияние общественно-политических изменений на семантические процессы, поскольку очевидно, что сама по себе метафоризация как семантический процесс не зависит от социально-политического устройства общества, от идеологии и т. д.

Метафора первоначально создается силой воображения, в котором ведущую роль играет способность видеть или устанавливать подобия. Метафора связывает две понятийные сферы, одна из которых известна участникам коммуникации (в терминологии А. П. Чудинова – «сфера-источник»), а другая (в терминологии А. П. Чудинова – «сфера-мишень») требует объяснения, концептуализации. Сам процесс метафоризации представляет собой концептуальное наложение одной понятийной сферы на другую [Чудинов, 2001, с. 29].

Используя определенную метафорическую модель, говорящий способен построить выгодную ему картину мира в сознании слушателя. Именно поэтому изучение метафоры в когнитивном аспекте приобретает особую актуальность при исследовании политического дискурса.

Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y». Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y». В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный

потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

При анализе метафорической модели, реализуемой в том или ином дискурсе, необходимо, по А. П. Чудинову, охарактеризовать следующие ее признаки [Чудинов, 2001, с. 45-46]:

1) исходную понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор, источник метафорической экспансии), т.е. в терминах теории регулярной многозначности – семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;

2) новую понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-мишень, сферу-магнит, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии), т.е. в терминах теории регулярной многозначности – семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении;

3) типовые для данной модели сценарии, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций: например, сценарий «болезни» – объявление диагноза, выявление причины и возбудителя болезни, лечение с использованием лекарственных средств, возможность выздоровления или смерти больного и т. п.;

4) относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и структурирует соответствующую понятийную область (концептуальную сферу); такими фреймами, в частности, являются названные выше составляющие «сценариев» «болезни». По определению В. З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом <...> Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» (Цит. по: [Кубрякова и др., 1996, с. 188].

5) составляющие каждый фрейм типовые слоты, т.е. элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Фрейм «Болезнь» включает такие слоты, как «физическая болезнь», «психическая болезнь», «медицинский персонал» и т. п.

Если использовать метафорический образ, то сценарий модели можно сопоставить с последовательностью кадров на киноплёнке, фрейм – с отдельным кадром, а слот – с его частью. Точнее, сценарий модели следовало бы сравнивать не с каким-то конкретным фильмом, а с типовым содержанием фильмов определенного жанра (детектив, «мыльная опера» и т. п.). Соответственно фрейм – это как бы типичный кадр из соответствующих фильмов (например, полиция преследует преступников), а слот – типовой компонент такого кадра [Чудинов, 2001, с. 48]. Прагматический потенциал модели (сценария, фрейма, слота) – это типовое эмоциональное воздействие, которое способно оказать соответствующее высказывание на адресата.

Дадим с опорой на описанную методику общую характеристику метафорической модели «Омск – больной организм»:

- 1) исходная понятийная область – болезнь;
- 2) новая область – политика, экономика, культура, религия, которая осмыслена в терминах исходной понятийной области;
- 3–5) типовые модели, сценарии, фреймы, слоты.

Структурировав исследуемый материал, можно выделить несколько типовых направлений расширения рассматриваемой модели (далее эти направления будут охарактеризованы):

- пациент, больной
- диагноз (физическое заболевание, психическое заболевание, и др.);
- причины и возбудители болезни (инфекция, физическое воздействие, недостойные условия жизни и др.);
- факторы, способствующие и препятствующие выздоровлению (погода, наличие
- способы лекарственных средств, материальное положение, и др.);

- лечения (гипноз, инъекции, шоковая терапия и др.);
- состояние пациента (тяжелое, средне тяжелое и др.)
- исход болезни (выздоровление, смерть).

Соответствующие рассматриваемой концептуальной метафоре образы объединяются концептуальными векторами агрессивности и тревожности, в них отражаются безысходность, дурные предчувствия и вместе с тем душевная боль за состояние региона, ощущение собственного бессилия. Еще один сильный концептуальный вектор – отклонение от естественного порядка вещей, представления о неправильности и недопустимости существующего положения.

Итак, метафорическая модель «Россия – больной организм» и все ее частные реализации уподобляют страну и ее города пациенту, имеющему заболевания различной степени тяжести, с возможным различным исходом, требующим лечения и т.п. Понятно, что полюс *больной* исследуемой концептуальной оппозиции представлен ярко и разнообразно, именно на его основе строится метафора. Что касается полюса *здоровый*, то факт его «зримого отсутствия» обусловлен особенностями положительных оценок.

Особый статус положительных/отрицательных оценок вытекает из сущности оценки: само это понятие предполагает, что речь идет о соответствии/несоответствии объекта тем нормам, стандартам, идеалам, которые к нему предъявляются. Положительная оценка свидетельствует о соответствии объекта идеальной модели мира. Отрицательная оценка, напротив, означает несоответствие объекта этой модели по одному из присущих ей параметров. Особенностью языкового выражения оценки является асимметрия между положительной и отрицательной зонами: обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего. В. И. Жельвис видит психологические причины подобной асимметрии в сторону слов «отрицательного толка» в языке (Цит. по: [Гаврилова, 2010, с.54]). По мнению ученого, отрицательные стороны жизни воспринимаются человеком намного острее, чем положительные. В этом же ключе

высказывается А. Вежбицкая, отмечающая, что чаще происходит притяжение к сфере плохого. Это указывает на асимметрию в оценках, направленную в сторону пессимизма [Вежбицкая, 1997, с. 357].

По утверждения психологов, человек более детально различает отрицательные эмоции (опасность, болевые ощущения, дискомфорт), чем позитивный жизненный опыт, т.е. знания, связанные с неприятными для человека отрицательными эмоциями, более дифференцированы, чем знания, имеющие положительные коннотации. Именно эта особенность находит отражение в том, что отрицательная оценка в политическом дискурсе оказывается гораздо более актуальной и частотной, чем положительная, которая воспринимается как норма и не акцентируется. Приведем пример: пресса изобилует отрицательными новостями с заголовками *Вести с морей, точнее с омских дорог* (ЧП Омск); *«Омский дом смерти – роддом № 2»* («Пусть говорят», 1 канал); *«Почему в Омске падают краны?»* (т/п «Жесть») и др.

Описанная выше тенденция (акцентировать внимание на негативных событиях), во многом объясняет активное осмысление СМИ (в том числе метафорически) отрицательного члена оппозиции *больной – здоровый*. Все рассматриваемые далее примеры объединяются общим признаком: в первичном значении слова используются в понятийном поле *болезнь* (обозначают симптомы болезни, лекарства, медицинский персонал, пути лечения, выздоровление и т. п.), а метафорически обозначают негативно воспринимаемую социальную действительность современного города.

Между тем асимметрия оценок не означает, что положительный полюс не является существен и никак не «работает» в коммуникации. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, «хотя плохое в жизни гораздо более многолико, чем хорошее, поскольку оно отвечает неограниченным возможностям отклониться от нормы, а хорошее соотносится с нормой, в речи употребление компаратива *лучше* во много раз превосходит употребление обращенного в сторону дурного компаратива *хуже* и это отвечает стараниям

людей стать на путь мудрости и добродетели и наставить на него других» [Арутюнова, 1999, электронный ресурс]. В итоге оказывается, что системные связи, ощущаемые не только грамматистами, но и носителями языка, между *хорошо* и *лучше*, с одной стороны, и между *лучше* и *хуже* – с другой, не определяют реального употребления этих слов. Их употребление подчинено другим, гораздо более жизненным факторам [Арутюнова, 1999, электронный ресурс].

Учитывая соотношение фона и фигуры и коммуникативную ценность нормы и антинормы, о которых говорилось выше, можно предположить, что состояние города становится темой разговора в тот момент, когда оно начинает внушать опасение, иначе говоря, когда осознается болезнь города. Здоровье, т.е. нормальное, гармоничное состояние, осознается либо как утраченное состояние (ср. ностальгию по городу-саду), либо как светлое будущее. Болезни, которые диагностируются у города, могут оказаться легкими – в таком случае есть уверенность в выздоровлении, или тяжелыми, с опасностью самого неблагоприятного исхода. Мы неоднократно отмечали динамичность шкалы *больной – здоровый* и значимость для нее параметра времени – эти свойства в полной мере проявляются при реализации метафорической модели «Омск – больной организм», позволяя соотнести негатив и позитив как своеобразные направления движения.

3.3. Реализация концептуальной оппозиции больной – здоровый в метафорической модели «Россия (Омск) – больной организм»

Опираясь на методику описания метафорических моделей в работе А. П. Чудинова [Чудинов, 2001, электронный ресурс], проанализируем весь материал по фреймам, т.е. рассмотрим ведущие фреймы метафорической модели «Омск – больной организм».

1. Фрейм «Пациенты и медицинский персонал»

Вообще, если в целом концепты *больной – здоровый* прежде всего

антропоцентричны, а метафорическая модель Омск – больной организм» уподобляет город человеку нездоровому, то именно в первом фрейме – «Пациенты и медицинский персонал» – «человеческие» смыслы представлены в наиболее концентрированном виде: слоты фрейма соответствуют основным персонажам сценария.

Слот 1. Пациенты

Город представляется больным, которого необходимо лечить. Омск в целом и составляющие его структуры метафорически обозначаются как **больной, пациент** и т.п. Ставя диагноз, авторы рубрики подчеркивают, что статус пациента является временным: город приобрел/приобретает/приобретет его при определенных условиях, но изменение временного плана и обстоятельств могут изменить статус.

*Пациента, у которого обнаруживаются симптомы первоканалии, можно поселить на месяц-другой в менее комфортные условия проживания, нежели его нынешняя московская квартира. Отсутствие асфальта на дорогах, воды в трубах и фонарей на улицах обязательно вызовет у **заболевшего** понимание того, что в некоторых случаях для позитивных новостей действительно нет повода [Первый пошел. Переключайтесь! / Диагноз недели // БК 55].*

*Помня о приближающейся дате единого дня голосования, медикам стоит быть во всеоружии – вспышки персеверации могут проявиться сразу в нескольких регионах. Впрочем, главное, чтобы **пациентом** в эпицентре эпидемии не оказался омский губернатор, который вроде бы и демонстрирует стойкость к подобному заболеванию, но ведь и не таких крепышей, бывало, ломали недуги [Повторение пройденного / Диагноз недели // БК 55].*

В целом слот «Пациенты», помимо указанной выше концентрации антропоморфных смыслов, акцентирует внимание на таких чертах, как динамика состояния и исход болезни: уподобленный человеку город может «двигаться» от здоровья к болезни, от болезни к здоровью, от болезни к

смерти. Таким образом, актуализируются векторы, характерные для исследуемой концептуальной оппозиции.

Слот 2. Медицинский персонал

Этот слот представляет второе действующее лицо ситуации болезни – врача. Люди, партии, организации, которые пытаются поставить *больного* (Омск) на ноги.

В терапии чиновников с подтвержденным диагнозом административной акалькулии суд применяет два метода. Первый – лечебное голодание (начинается после выплаты нанесенного бюджету ущерба, а также штрафов). В особенно тяжелых случаях прописывают содержание в стационаре в течение нескольких лет [Отставка в целях профилактики / Диагноз недели // БК 55)].

В данном примере действуют оба участника ситуации лечения: пациент и врач. Уподобленный врачу суд ставит диагноз (акалькулия – нейропсихологический симптом, проявляющийся в нарушении счета и счетных операций по причине поражения разных участков коры головного мозга) и назначает лечение.

Отметим, что в текстах рубрики «действуют» два врача. Один – тот, кого автор наделяет соответствующими функциями (в приведенном примере – суд), второй – сам автор, ставящий диагноз, не подлежащий пересмотру.

Слот 3. Медицинские учреждения

Мы рассматриваем этот слот в одном ряду с очевидными антропоориентированными слотами «Пациенты» и «Медицинский персонал» на основании традиционного для языка метонимического выражения связи между местом и находящимися в нем людьми. Иначе говоря, этот слот представляет собой модификацию предыдущего с тем отличием, что пациенты и заботящиеся о них представлены в совокупности.

В текстах СМИ медицинские организации, которые стремятся «вылечить» город и в которые попадают заболевшие, метафорически обозначаются как *санаторий, больница, палата, дурдом, сумасшедший*

дом и т. п.

Омские протестанты настолько суровы, что в 35-градусный мороз решили провести уличные акции. В лечении обмороженных используется несколько методов. Государство, например, предпочитает сажать их на 15 суток в теплый «лазарет», сопровождая пребывание в «стационаре» выписыванием штрафных рецептов. Впрочем, истинная, природная обмороженность лечению не поддается. Но это даже хорошо, ведь иначе кто будет бороться с государством, если не эти морозоустойчивые люди?
[Ледниковый период омской оппозиции / Диагноз недели // БК 55].

Итак, фрейм «Пациент и медицинский персонал» представляет больного и его врачей. Важно, что фрейм акцентирует внимание не только и даже не столько на факте болезни. Омск предстает больным, но лечащимся, что подчеркивает и динамику процесса, и возможность его контролировать.

2. Фрейм «Диагноз»

Фрейм представляет спектр заболеваний, которыми страдает Омск. Ранее отмечалось, что больным можно быть физически и психически и оговаривался преимущественный интерес нашего исследования к физическому здоровью/нездоровью. Между тем эмпирический материал неоспоримо показывает, что метафорически переосмысливается обе группы заболеваний, что делает необходимым выделение двух слотов.

Слот 1. Физические заболевания¹¹

В текстах СМИ Омск и его градоначальники страдают такими болезнями, как **чума, лихорадка, грипп, псориаз, воспаление легких, рак, корь, столбняк** и под.

Андрей Стороженко, министр здравоохранения Омской области.
Диагноз: *экзема, связанная с воздействием на кожу раздражающих веществ. Причиняет больному массу неудобств, очень мешает сосредоточиться на основной работе* [Чего не видно, того нет / Диагноз

¹¹ Отметим, что при разграничении заболеваний по типам мы опираемся на представления «наивной медицины» и признаем возможность ошибок.

недели // БК 55].

Универсального способа лечения этого сложнейшего заболевания (**отторжение собственных тканей**) омской культуры нет [Железный занавес / Диагноз недели // БК55].

За минувшие два месяца клиенты сразу трех крупных компаний пожаловались в СМИ на проблемы с квитанциями. Одни квитанции не приносят или приносят с опозданием, исправно начисляя пени за просроченные платежи. Другие приносят вовремя, но забывают оказывать услугу, за которую взимается плата. **Диагноз: спазмы дыхательного горла** (т.е. «жаба душит») [Большому человеку – маленькая жаба / Диагноз недели // БК 55].

После успеха в суде министра культуры Омской области Виктора Лапухина, который обиделся на статью об «ошметках полежаевского режима» на сайте БК55, этой же заметкой внезапно оскорбились Борис Ротберг и Василий Евстратенко. Свои страдания от критики дирижера Евгения Шестакова они оценивают в 16 200 и 100 000 рублей соответственно. **Диагноз: защемление нерва самолюбия** [Не делайте мне больно / Диагноз недели // БК 55].

Общественный деятель Игорь Пушкарь публично обвинил Инну Парыгину (главу департамента финансов Омска) во лжи за заявление, что приют «Друг» получает субсидий на сумму от 6 до 8 миллионов рублей. В опровержение слов общественника мэрия предоставила документы, в которых фигурирует указанная сумма, правда все-таки не в виде субсидии, а в виде платы за выполнение муниципального контракта. **Диагноз: неразличение разных оттенков бюджетных трат (бюджетный дальтонизм)** [Пес попутал / Диагноз недели // БК 55].

Физические болезни, представленные в рубрике «Диагноз недели», могут быть описаны с помощью шкалы градации по признаку «болезни не угрожающие/угрожающие жизни», иначе говоря, «тяжелые заболевания – легкие заболевания», отрицательный полюс которой представлен болезнями,

которые характеризуются тяжелым состоянием пациента и могут привести к смерти (таким образом актуализируется два значения, важных для концептуальной оппозиции *больной – здоровый*: интенсивность заболевания и его исход): *спазмы дыхательного горла* (может привести к удушью и даже смерти), *отторжение собственных тканей* (без трансплантации пациент погибнет). Положительный полюс шкалы представлен такими болезнями, которые не сопровождаются критическим ухудшением здоровья и либо могут завершиться выздоровлением, либо по крайней мере не будут угрожать жизни: *экзема* (неизлечимое, но не угрожающее жизни заболевание), *защемление нерва* (при адекватном и своевременном лечении пациент полностью выздоравливает), *дальтонизм* (жизни не угрожает, но жить полноценно не дает). Данная шкала показывает взаимообусловленность состояния пациента и болезни. Так, тяжелые заболевания характеризуются состоянием *средней тяжести* и даже *тяжелым* (пациент не может сосредоточиться на работе, не может полноценно дышать, видеть и под.), болезни «легкой формы» предполагают состояние *легкой тяжести*, которое может закончиться полным *выздоровлением*.

Слот 2. Психические болезни

В современной политической речи, наряду с метафоризацией физических заболеваний, широко распространены и метафоры психических болезней (*шизофрения, паранойя, слабоумие, дебилность* под.), от которых страдает город в целом, его ведущие органы, а также его политические лидеры, финансисты, производственники и др.

На прошлой неделе выяснился интересный факт о деятельности «Иртышского пароходства». Имея убытки в 56 миллионов рублей, акционерное общество исправно выплачивало многомиллионные вознаграждения членам совета директоров. Ставя во главу угла личные интересы, а не интересы всей компании, ее руководство таким образом демонстрирует искреннюю уверенность в том, что весь мир вращается вокруг него. Диагноз: доброкачественное пароксизмальное позиционное

головокружение, или вертиго, – это заболевание, при котором возникает ощущение, что все окружающие человека предметы вращаются вокруг» [Головокружение от неудач / Диагноз недели // БК 55].

Диагноз [Сергея Корабельникова, начальника Главного управления по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации Омской области]: *синдром бюджетно-навязчивых состояний – постоянные и безуспешные попытки избавиться от тревоги, вызванной какой-либо проблемой, при помощи навязчивых бессмысленных действий. Таких, как финансирование отчетов о борьбе с проблемой в прессе* [Крепок своим умом / Диагноз недели // БК 55].

Специалисты утверждают, что такое заболевание, как *раздвоенное сознание*, сейчас довольно распространено, поэтому незначительные проявления второй личности постепенно становятся нормой. Впрочем, в случае со столь важным пациентом, как первое лицо региона, хотелось бы избежать рецидивов, поэтому мы все-таки советуем Виктору Назарову окончательно определиться, кто он – глава коллекторского агентства «Газпрома» или губернатор, радующий в первую очередь о благе всех омичей [Газовая камера для района / Диагноз недели // БК 55].

Омское УФАС усмотрело признаки рекламы в сообщениях омских СМИ о скандальной истории с «пивом имени героев ВОВ». То, что пресса обсуждала этические вопросы, а не достоинства напитка, прошло мимо бдительного ока ведомства. *Диагноз: административные галлюцинации* [С больных на здорового / Диагноз недели // БК 55].

Метафоризация в примерах осуществляется на основе соотнесения известного медицинского понятия с другим понятием, не известным медицине, но похожим на него, что обуславливает появление нетипичного для медицинского термина контекста. Используя лексемы «административный», «бюджетный», «позиционный» и т.п., журналисты создают новые диагнозы на базе известных.

Прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы,

можно сформулировать следующим образом: город переживает разнообразные бедствия, а омская элита состоит из физически и душевно больных людей, от которых нельзя ожидать разумных действий. Однако «приступы» *галлюцинаций и навязчивых состояний* могут и не повториться более, о чем говорит автор рубрики, при умело подобранном лечении, и город перестанет страдать психическими болезнями.

Значение антинормы (психических болезней) соотносится в данных примерах с нормативными представлениями здоровья, таким образом, номинации *болезни* здесь также опосредованно указывают на *здоровье*. *Здоровье* как норма в настоящих примерах содержит эталоны в скрытом виде.

Говоря о градуировании слота «Психические болезни» (по признаку «тяжелые – легкие болезни») следует отметить, что он представлен лишь одним вектором – отрицательным, т.к. психические болезни (особенно описанные авторами рубрики *галлюцинации, вертиго, навязчивые состояния, раздвоенное сознание*) не могут быть безопасными для пациента или его окружения. Конкретизация слота может быть представлена лишь шкалой «Протекание болезни»: *скрытая форма, сезонные обострения, рецидив, ремиссия*, что в очередной раз актуализирует параметр времени.

Следующие три фрейма представляют осмысление болезни: авторы выделяют причины заболевания, его симптомы, а также назначают лечение.

3. Фрейм «Причины и возбудители болезней»

Фрейм представляет осмысление причин бедствий города.

Слот 1. Биологические факторы¹²

Для характеристики болезней, охвативших Омск, чаще всего используются слова *инфекции, бактерии, вирусы, микробы, аллергены, клещи*, т.е. в текстах подчеркивается, что город заражен «извне».

¹² Отметим, что, как и при разграничении заболеваний по типам, мы допускаем возможность ошибок, обусловленных несовпадением наивной и профессиональной (медицинской) картин мира.

*Кроме довольно ограниченного медикаментозного лечения наука рекомендует естественное устранение контактов с **аллергенами**. Но лучше всего поступать по дедовскому методу, клин клином – выработать у чиновников аллергию к коррупции [Апчхи! / Диагноз недели // БК 55].*

Данный пример иллюстрирует причину болезни – контакт с аллергенами.

Слот 2. Физические, химические, социальные факторы

Часто причиной болезни города и тяжелого состояния всей области может являться **излучение, информационное облучение, удушье** (налогами, санкциями), **нарушение кровообращения** (финансового), **яд** и другие факторы.

*Такое расхождение позиций мэра и губернатора в деле с колесом обозрения невольно наталкивает на мысль, что организм г-на Двораковского мог получить слишком высокую дозу «колес», которая и спровоцировала его столь странное поведение. **Инттоксикация** – в данном случае это отравление организма поступившими извне лекарствами при приеме их без контроля врача или при индивидуальной непереносимости [Лечение пустотой / Диагноз недели //БК 55].*

Искоренение бедственного положения города, изменение условий жизни, погашение долгов, налаживание внешней и внутренней политики обеспечивают городу полное выздоровление.

Из примеров видно, что слоты фрейма не принимают участия в актуализации градуируемых значений, определяющих степень тяжести заболевания и состояния пациента, однако «работают» над созданием картины многообразия болезни – в данном случае это многообразие рисуется посредством указания на многообразные же причины болезней.

4. Фрейм «Симптомы болезни»

Очень важно вовремя распознать симптомы болезни для постановки точного диагноза и дальнейшего лечения. Тексты рубрики «Диагноз недели» изобилуют описанием симптомов болезни, где чаще всего метафорически

используются слова *бред, конвульсии, судороги, температура* и под.

[о Юрии Томчаке, руководителе УМВД по Омской области] *Расстройство морального центра с иррадиацией боли в указательный палец. Данный симптом очень мешает правильной постановке диагноза, поскольку пациент чувствует неприятные ощущения в одном органе, тогда как поражен на самом деле совсем другой* [С больных на здорового / Диагноз недели // БК 55].

Следует заметить, что симптомы множественной личности у г-на Шишова появились внезапно [Я не я и лошадь не моя / Диагноз недели // БК 55].

Второй компонент концептуальной оппозиции *больной – здоровый* реализуется в данном фрейме следующим образом: симптомы болезни позволяют быстрее поставить диагноз и назначить адекватное лечение, которое приведет к восстановлению здоровья области, возвращению ее физических и духовных сил.

В метафорической модели «Омск – больной организм» симптомы болезни конкретизируются через оппозицию «внешние симптомы (катаракта, синяки, темные круги под глазами и др.) – внутренние симптомы (боль, жжение, головокружение)». Отметим также важность идеи динамики (симптомы проявляются внезапно и в комплексе или постепенно, нарастая или убывая).

5. Фрейм «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства»

Слот 1. Способы лечения

При лечении «пациента» (Омска) применяются *введение лекарств, антиаллергенов*, иногда оказываются необходимыми *зоотерапия* или даже *хирургическое вмешательство*.

Не исключено, что клаустрофобия главного архитектора спровоцирована психологической травмой. Ведь, как сообщали СМИ, в свое время семья г-на Тиля решила переехать жить за город, однако фирма,

занимавшаяся строительством пригородного поселка, обанкротилась прежде, чем чиновник с супругой успели въехать в купленный коттедж. Вынужденный после этого жить и дальше в тесном Омске, г-н Тиль теперь, видимо, пытается компенсировать отсутствие свежего воздуха и природного простора вокруг себя поддержкой строек в парковых зонах. В таком случае, советуют специалисты, пациента необходимо обучить **навыкам релаксации**, чтобы он чувствовал себя легко и свободно даже в стенах рабочего кабинета и на балконе своей городской квартиры [Колесо общественного мнения / Диагноз недели // БК 55].

Бюджетное недержание лечится строжайшей диетой и самоограничением. Если бы главный санитарный врач Геннадий Онищенко **временно запретил** региональным чиновникам **летать на подобные заграничные семинары**, это положительно сказалось бы на здоровье нации [Каталонское начало / «Диагноз недели» // БК 55].

Успокаивающим средством при раздражении культурного свойства может стать культурная же беседа сторон конфликта. Зуд также возможно унять при помощи **физических нагрузок на свежем воздухе** – например, работы лопатой на расчистке фундамента первого каменного здания в Омске [Пациент: Алексей Якуб, ректор ОмГУ им. Достоевского] [Ругаться после слова «лопата» / Диагноз недели // БК 55].

Аллергия на деньги, которую продемонстрировало предыдущее правительство, вполне объясняется тем фактом, что одним из свидетелей по этому делу проходил главврач ОКБ Константин Полежаев – сын бывшего губернатора, и тогдашний глава региона, понятным образом, пытался уменьшить резонанс этой истории. Однако когда в областной организм был введен **антиаллерген** (новый губернатор Виктор Назаров), не связанный родственными и деловыми узами с героями этой истории, возврат денег в бюджет вновь стал возможен [Апчхи! / Диагноз недели // БК 55].

Зоотерапия. Четвероногий друг поможет Инне Александровне вернуть чувствительность как в экономических вопросах, так и в вопросах

гуманности [Пес попутал / Диагноз недели // БК 55].

*Люди, страдающие лунатизмом, часто производят на окружающих пугающее впечатление. А учитывая, что лунатики часто легко травмируют себя во время снохождения, Вячеславу Двораковскому стоит позаботиться о том, чтобы **под рукой у него всегда были люди**, которые смогут уберечь его от падения и неконтролируемых действий [Дом 2 / Диагноз недели // БК 55].*

*Общественность уже давно не шокирует странное поведение членов российской Госдумы. Специалисты предполагают наличие в воздухе зала заседаний некоего токсина, провоцирующего неадекватные реакции. Для детоксикации организма необходимо **поместить пациента в здоровую и привычную среду**, коей для выдающейся фигуристки Ирины Родниной являются Олимпийские игры. Экспериментальным методом лечения является **шоковая терапия** (отлучение пациента от привычных ему благ), однако эффект от нее пока не доказан [Банановое похмелье / Диагноз недели // БК 55].*

Метафорический перенос в данных примерах осуществлен на основе сходства функций, заключающихся в спасении человека, какого-либо положения, ситуации и т.п. Материал показывает, что медицинской метафорой данной группы образно номинируются способы лечения градоначальников, передается ирония при диагностике состояния в региональной экономике, политики, культурной сфере и др.

Формируемые рассматриваемым фреймом типовые прагматические смыслы призваны вызвать у читателей эмоциональное представление о необходимости решительной борьбы с болезнями общества, о разнообразии потенциальных лекарств и путей излечения, которые обязательно приведут к выздоровлению.

Оппозиция «тяжелые – легкие болезни» модифицируется здесь в противопоставление способов их лечения: при борьбе с тяжелой болезнью требуется *введение аллергена, операция*, и под., для избавления от легкого

заболевания можно воспользоваться *физкультурой, зоотерапией, успокоительными средствами и навыками релакса*. Отметим, что в рубрике «Диагноз недели» больше примеров описания лечения легких болезней, что, несомненно, дает надежду читателям на то, что у город имеет шанс на выздоровление.

Слот 2. Медицинские инструменты и лекарства

При диагностике и лечении болезней общества политические «лекари» (о них уже говорилось выше) используют *градусники, таблетки, бинты, скальпели*. Больному могут потребоваться *костыли* и *гипс*.

Обычно поврежденную часть фиксируют с помощью эластичных бинтов. Однако это довольно сложно сделать, поскольку в последний раз суд встал на сторону г-на Кокорина, который фактически отказался предоставить судебным приставам информацию о площадях и арендаторах, видимо, необходимую для того, чтобы разграничить частную и областную собственность. Судя по всему, владелец «континентов» и «каскадов» долго еще сможет тянуть резину, потому как «растяжение связок» у него осложнено давней и, похоже, полной потерей совести [Феномен Кокорина / Диагноз недели // БК 55].

*В терапии чиновников с подтвержденным диагнозом административной акалькулии суд применяет два метода. Первый – **лечебное голодание** (начинается после выплаты нанесенного бюджету ущерба, а также штрафов). В особенно тяжелых случаях прописывают **содержание в стационаре в течение нескольких лет**» [Отставка в целях профилактики / Диагноз недели // БК 55].*

*Однозначно эффективных способов борьбы с «жабым» удушением специалисты не выработаны. Среди зарекомендовавших себя – **психоаналитические беседы** с сотрудниками прокуратуры, а так же **внутримышечные инъекции совести** [Большому человеку – маленькая жаба / Диагноз недели // БК 55].*

Рубрика сайта «БК55» «Диагноз недели» изобилует метафорическими

советами о методах лечения Омской власти. Призывая к решительным действиям, авторы рубрики указывают на то, что лекарств от болезней, которыми страдает омское общество, еще не придумали.

Среди докторов нет единого принятого способа избавления детей от синдрома дефицита внимания, считается, что большинство пациентов его «перерастет». Учитывая, что на сегодня реконструкция Валиханова – самая громкая стройка города, а «Газпром» надеется еще поучаствовать в улучшении городского ландшафта, редакция надеется, что руководитель профильного департамента «перерастет» и свою рассеянность [Моя хата с краю.. улицы Валиханова / Диагноз недели // БК 55].

Кроме того, авторы рубрики «Диагноз недели» подчеркивают, что иногда болезнь проходит сама собой, без всякого рода лечебных манипуляций. Ср.: *У городских депутатов восстановление нарушенных агнозией функций произошло самопроизвольно. За проявленный ими при этом здравый смысл и определенную степень самоиронии парламентариев можно лишь похвалить [Не надо стесняться / Диагноз недели // БК 55].*

Данный фрейм богаче всех остальных реализует идею здоровья. Именно способы лечения, лекарства и медицинские инструменты призваны поставить город на ноги и подарить ему долгожданное выздоровление.

Слот «Медицинские инструменты и лекарства» отсылает к разграничению болезней по признаку их природы: способы лечения физических заболеваний – *эластичный бинт, лечебное голодание, лекарства, инъекции, содержание в стационаре* – противопоставляются способам лечения психических заболеваний, как то: *психоаналитические беседы, лекарства*. Под исходом лечения во всех примерах подразумевается выздоровление (т.е. очевидно скрытое выражение семантики здоровья), что, безусловно, настраивает читателя на оптимистическую ноту.

Наконец, шестой из наиболее отчетливо вычленяемых фреймов метафорической модели в концентрированном виде представляет значение «исход болезни».

6. Фрейм «Состояние пациента»

Слот 1. Выздоровление больного

В рубрике «Диагноз недели» рисуется только картина возможного выздоровления больного общества или его отдельных составляющих. Авторы рубрики советуют «пациентам» Омска всевозможные методы лечения и лекарства. На выздоровление Омска дается абсолютная надежда: болезни, которые поддаются лечению, точно излечатся, а те, которые не поддаются, по мнению авторов, не опасны для жизни.

Врожденная гемералопия лечению не поддается. Однако у Василия Мамонтова это заболевание явно приобретенное, поэтому ему можно ограничиться приемом внутрь витамина А. А вот самолечением врачу Мамонтову увлекаться не стоит» [«Пропало желание?» /Диагноз недели // БК 55] – т.е. при приеме указанных лекарственных средств возможно полное выздоровление.

*Пациент, в заболевании которого так часто наступают рецидивы, должен настроиться на длительную реабилитацию в доброжелательной обстановке. Публичная должность и постоянное внимание СМИ этому явно не способствуют. А вот смена чиновничьего поста на менее заметный и облагораживание недавно купленного коттеджа явно **пойдут на пользу** г-ну Гребенищикову»* [Не стесненные обстоятельствами/ Диагноз недели // БК 55].

Слоты **«Больной находится в тяжелом состоянии»** и **«Смерть пациента»** не иллюстрируются в данной рубрике, т.е. при условии соблюдения рекомендаций врача Омск может стать полностью здоровым. Таким образом, шкала градации данного фрейма представлена только одним – положительным – вектором.

Выделив 6 фреймов метафорической модели «Омск – больной организм», мы, с одной стороны, подтвердили универсальность предложенной А. П. Чудиновым фреймовой модели, с другой – описали ее наполнение с учетом специфики города. (Отметим, что при расширении эмпирической базы можно обнаружить фреймы, находящиеся с

выделенными А. П. Чудиновым в отношениях тождества, пересечения и т.п. Так, возможный фрейм «Характеристика больного» соотносится с выделенным выше фреймом «Симптомы болезни» и т.п.)

Рассмотрим развертывание сценария болезни в тексте.

«Магнит» – сеть в себе

(«Магнит» – сеть в себе / Диагноз недели // БК 55)

Пациент: *неизвестный руководитель сети «Магнит» в Омске.*

Жалобы: *у ЗАО «Тендер», владеющего сетью «Магнит», сложные взаимоотношения с местными производителями и властями. Точнее, практически полное их отсутствие. На фоне разговоров об импортозамещении товаров из Европы руководство страны поручило регионам взять курс на работу с местными производителями, которые вполне могут обеспечить товарами пустеющие полки супермаркетов. Однако глава регионального минэкономки Александр Третьяков сообщил губернатору, что крупнейшая торговая сеть не идет на контакт не только с производителями, но даже и с властью. А широкой общественности неизвестно даже имя регионального директора.*

Диагноз: *агорафобия.*

История болезни: *федеральная сеть «Магнит» зашла в Омск довольно агрессивно и быстро стала крупнейшей на рынке розничного ритейла. При этом руководство ее держится настолько независимо – если не сказать замкнуто, – что диалог с ним не могут наладить не только местные производители, но и руководство региона. Рядовой покупатель едва ли встретит имя директора омского филиала Евгения Разумова в омских СМИ, застенчивый руководитель не делает заявлений и не дает комментариев. В относительно небольшом городе жители быстро привыкают, что «Победа» – это Шадрин, «НоваТор» – это Пономарев, а, к примеру, «МЕГА» – это Себастьян Фрете (его преемник Сергей Аристархов еще не примелькался, но его имя и лицо хотя бы известны). И вроде можно бы сослаться на масштаб сети, мол, недосуг федеральной корпорации перед*

каждым покупателем раскланиваться. Но перед глазами есть пример международной IKEA, которая портреты каждого нового директора с приветственным словом вывешивает в магазине. Поэтому нежелание представителей ЗАО «Тандер» общаться с кем бы то ни было мы можем списать разве что на боязнь публичности и открытых пространств, которую психологи именуют агорафобией.

Метод лечения: специалисты рекомендуют для лечения этого расстройства использовать методы психотерапии, а не медикаментозное лечение. По поручению губернатора роль психотерапевта попробует выполнить Александр Третьяков, министр экономики, который до конца этой недели должен доложить главе региона, какие механизмы работы с капризным ритейлером возможно применить в области.

Кратко опишем данный сценарий:

Медицинский персонал: Александр Третьяков

Пациент: неизвестный руководитель сети «Магнит» в Омске

Болезнь: агорафобия

Причина болезни: боязнь общения с кем бы то ни было

Приемы лечения: психотерапия

При помощи метафорической модели в данном сценарии передается следующая информация: министр экономики г. Омска, подобно врачу-психотерапевту, должен наладить диалог крупнейшей сети «МАГНИТ» с местным руководством. Известные торговые марки («ПОБЕДА», «ИКЕА», «СИБИРИАДА») рады представить покупателям своих директоров, которые являются лицом компании. И нынешняя омская власть понимает, что директора торговой марки «МАГНИТ» тоже нужно «познакомить» с общественностью и властью, но не без помощи психотерапевта.

Приведенный выше сценарий представляет ситуацию психической болезни. Прагматические смыслы, реализуемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: в городе складываются сложные отношения ЗАО «Тендер» с местными властями и торговыми

представителями, а владелец торговой сети «МАГНИТ» – это душевно больной, от которого нельзя ожидать разумных действий. Показательно, что для описания данного сценария, помимо стандартного набора структурных элементов (больной – болезнь – симптомы болезни – причина болезни – приемы лечения), нами использован элемент «медицинский персонал», который также упоминается в тексте. Тем самым дается надежда на выздоровление больного усилиями психотерапевта.

Лечение пустотой

(Лечение пустотой / «Диагноз» недели / БК 55)

Пациент: Вячеслав Двораковский, мэр Омска.

Жалобы: На прошлой неделе депутат Горсовета Валерий Кокорин высказал мысль, что недурно бы ввести в мэрии еще одну штатную единицу – первого зама мэра по доходам. Тогда, мол, и с доходами бюджета все наконец-то наладится. За эту идею с энтузиазмом ухватился мэр Вячеслав Двораковский и, вопреки общественному недоумению, подтвердил, что вскоре у него появится второй «вице».

Диагноз: самовнушение.

История болезни: в конце 2013 года мэрию потрясли кадровые междоусобицы. Вячеслав Двораковский запросил у депутатов разрешение на второго первого зама в своем аппарате – вдобавок к тогдашнему вице-мэру Александру Турко он хотел взять в команду Александра Поповцева, «налоговика» со стажем. В своей аргументации мэр особенно упирал на налоговый опыт кандидата, недвусмысленно намекая, что уж он-то сумеет увеличить налоговую базу щедерушного омского бюджета. Депутатов эти резоны не тронули, вторую ставку вице-мэра они не одобрили. Тогда Вячеслав Двораковский освободил от должности вице-мэра Турко и взял на его место Поповцева. Он должен был курировать департамент экономической политики и подготовку Омска к празднованию 300-летия. После этого в отставку «по собственному» ушел директор этого департамента Павел Кручинский, в ведении которого эти вопросы были до

кадровой рокировки. До сих пор новое назначение не слишком сказалось на доходах бюджета – так, согласно отчету директора департамента финансов Инны Парыгиной, поступления земельного налога в первом квартале 2014 года оказались на 62 млн ниже уровня соответствующего периода 2013 года. В качестве лекарства для омского бюджета Вячеслав Двораковский снова решил использовать кадровое назначение. Правда, предыдущий опыт мэрии показывает, что рассчитывать приходится разве что на эффект плацебо. Но и он имеет силу, только когда пациент не подозревает, что принимает вместо реальных медикаментов «пустышку». А судя по мнениям депутатов и бизнесменов (см. «БК» №19 от 21.05.2014), в волшебную финансовую силу дополнительного вице-мэра не верит почти никто.

Метод лечения: Еще советский минздрав не уставал предупреждать, что самолечение может быть смертельно опасно для здоровья. В случае с типичной болезнью российских регионов – бюджетной недостаточностью – оно может спровоцировать усугубление. Специалисты находят аутотренинг неэффективным и рекомендуют заниматься тренировкой и усилением нагрузки на различные части тела (администрации).

Опишем данный сценарий:

Больной: Вячеслав Двораковский, мэр Омска;

Болезнь: самовнушение;

Причина болезни: кадровые междоусобицы;

Симптомы болезни: частая смена депутатов на должности вице-мэра;

Лекарство: кадровое назначение;

Результат применения лекарства: эффект плацебо;

Метод лечения: самолечение (лечение пустотой);

Прогноз состояния больного: смертельная опасность для здоровья;

Рекомендации специалистов: заниматься тренировкой и усилением нагрузки на различные части тела (администрации).

Интерпретация метафорической модели в данном контексте: Вячеслав

Двораковский запросил у депутатов разрешение на второго первого зама в своем аппарате. Политик стал перестраивать мэрию кадровыми назначениями для того, чтобы увеличить налоговую базу «тщедушного» омского бюджета. Результаты этих преобразований мы наблюдаем сейчас: до сих пор новое назначение не слишком сказалось на доходах бюджета. Предыдущий опыт мэрии также показывает, что рассчитывать приходится разве что на эффект плацебо. Но и он имеет силу, только когда пациент не подозревает, что принимает вместо реальных медикаментов «пустышку».

Состояние «больного» (Вячеслава Двораковского и экономики Омска в целом) метафорически описывается в рассматриваемом тексте как *близкое к гибели, требующее немедленной тренировки и усиления нагрузки на различные части тела администрации*, а в лучшем случае как *болезнь российских регионов – бюджетная недостаточность*. Больной занимается *самовнушением*, при котором не в состоянии принимать разумные решения.

Для описания сценария «Лечение пустотой» использован самый большой набор структурных элементов: *больной – болезнь – причина болезни – симптомы болезни – лекарство – результат применения лекарства – метод лечения – прогноз состояния больного – рекомендации специалистов*. Формируемые рассматриваемым набором элементов типовые прагматические смыслы призваны вызвать у читателей представление о необходимости решительной борьбы с болезнью мэра, о разнообразии потенциальных лекарств и путей излечения, которые приведут больного к выздоровлению. Обратим внимание на то, что в обоих проиллюстрированных сценариях рисуется картина возможного выздоровления.

Таким образом, типовой сценарий реализации метафорической модели «Омск – больной организм» в рубрике «Диагноз недели» включает следующие структурные элементы:

Метафорическое («говорящее») **название**, из которого ясно, о чем пойдет речь.

Пациент: Омск в целом, его экономика, политические структуры, законодательство, отрасли хозяйства и иные составляющие.

Жалобы: положение дел уподобляется состоянию больного.

Диагноз. При анализе метафорических образов оказывается, что политической системе, органам власти, экономике, культуре, промышленности и сельскому хозяйству региона постоянно приписываются разнообразные болезни; особенно часто Омск страдает от таких заболеваний, как *шизофрения, паранойя, самовнушение, плоскостопие* и др. Распространенность некоторых болезней грозит *эпидемией*.

История болезни. Описывается реальная ситуация, предшествующая болезни (причина болезни), а также симптомы.

Метод лечения. Прагматические смыслы данного элемента призваны вызвать у читателей эмоциональное представление о необходимости решительной борьбы с болезнями общества, о разнообразии потенциальных лекарств и путей излечения.

Таким образом, рубрика строится на основе метафорического сценария с постоянным набором структурных элементов, которые в комплексе представляют явления политической жизни города, представляющиеся как проблемные – «больные».

Тексты, построенные на основе метафорической модели «Омск – больной организм», позволяют судить о двух противопоставленных тенденциях в оценке состояния пациента – Омска. С одной стороны, очевиден пессимизм: город, как в целом, так и в различных своих сферах болен, причем разнообразными болезнями, требующими лечения, помощи специалистов и т.п. В изображении плохого авторы чрезвычайно последовательны и убедительны. С другой стороны, как это ни парадоксально, метафорическая модель содержит и противоположную оценку. Так, отсутствие примеров в слотах «Тяжелое состояние» и «Смерть пациента» говорит об оптимистическом восприятии будущего Омска. Вселяет надежду и наличие рекомендаций по лечению, которые должны

обеспечить выздоровление, поддержание и сохранение здоровья. Как и ожидалось, положительная оценка не выражается намеренно, но в скрытом виде, безусловно, присутствует.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

При анализе эмпирического материала, в частности текстов рубрики «Диагноз недели», мы исходили из гипотезы о том, что текстовое представление оппозиции *больной – здоровый* обусловлено особенностями самой оппозиции. Так, в самом факте метафорической модели «Россия – больной организм» и ее региональной реализации «Омск – больной организм» нашли отражение такие черты оппозиции, как антропоцентричность, оценочная асимметрия (отрицательный полюс представлен более разнообразно), фоновый характер нормы-здоровья (идея здоровья имплицитна) и т.д.

В текстах, построенных на основе метафорической модели «Омск – больной организм», актуализируется ряд значений, образующих пространство исследуемой концептуальной оппозиции. Это, во-первых, оппозиция «второго уровня», формирующая градуальное пространство полюса «больной» – «тяжелые/легкие заболевания»: практически все фреймы в том или ином виде представляют эту оппозицию. Так, указывается на симптомы тяжелых/легких заболеваний, способы их лечения и т.п. Во-вторых, значимым оказывается генетически связанное с предыдущим противопоставление «тяжелое/легкое состояние больного», для которого в свою очередь существен временной параметр. В-третьих, регулярно выраженной оказывается идея исхода болезни, подчеркивающая динамику, свойственную оппозицию. Таким образом, пациент (в данном случае наделенный чертами живого существа Омск) может иметь заболевания различной степени тяжести и, как следствие, находиться в изменяющемся во времени состоянии различной степени тяжести, а также нуждаться в лечении, более или менее интенсивном, эффективность которого предопределяет исход болезни.

Широкое распространение метафорической модели из серии «Россия –

больной организм» свидетельствует об освоенности оппозиции *больной – здоровый* в языковой картине мира: автор предлагает читателю текст, построенный на основе сценария болезни, который отлично знаком обоим. Авторы в таком случае «играют» во врача: ставят диагноз (причем терминоворотчество также отражает хорошее знакомство со сферой-источником – весьма показательны в этой связи названия болезней города типа «защемление нерва самолюбия», «бюджетный дальтонизм», «синдром бюджетно-навязчивых состояний», «административные галлюцинации» и др.), назначают лечение, составляют историю болезни.

Чрезвычайно интересным является соотношение полюсов, их оценочных знаков и форм выражения. Так, полюс «больной», как подчеркивалось ранее, представлен самым наличием рассматриваемой метафорической модели, при этом и сама модель, и ее распространенность свидетельствуют о пессимизме. В то же время полюс «здоровый», формально практически не явленный (см. отсутствие соотносимой метафорической модели), все равно ощущается, более того, вся структура модели, наполнение отдельных слотов подчеркивает возможность оптимистичного сценария.

В целом анализ текстов подтвердил верность предположения о неразрывной связи полюсов и о разнообразии смыслов, составляющих пространство концептуальной оппозиции *больной – здоровый*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе с опорой на лексический, фразеологический, паремиологический и текстовый материал современного русского языка концептуальная оппозиция *больной – здоровый* представлена как векторный скалярно-антонимический комплекс. Каждая из характеристик комплекса определяется языковой концептуализацией понятий болезни/здоровья.

Антонимичность обусловлена наличием полюсов-оппозитивов, при этом в представлении болезни и здоровья носитель русского языка оперирует однопорядковыми частными признаками, как то: сила, внешность, особенности телосложения, возраст, способность трудиться, вредные привычки, характер и др.

Помимо базовых значений, антонимы противопоставлены за счет ценностно-оценочной семантики: хорошо, норма (аксиологическая), ценность / плохо, не-норма, антиценность.

Шкалированность семантического пространства между полюсами объясняется тем, что, воспринимая мир, человек опирается не только на дуальный подход (результатом которого становится базовое двоичное противопоставление, позволяющее воспринимать мир в общих чертах и давать категоричные оценки), но и на градуальный. В последнем случае становятся возможными нюансы, связанные с переплетением смыслов и оценок. Семантическое пространство *больной – здоровый* градуируется с учетом изменения качественно-количественного параметра, который оказывается наиболее существенным при определении степени тяжести болезни и, как следствие, состояния больного.

Векторность комплексу придает динамичный характер признака, изменяющегося во времени и имеющего различный исход. Семы «много – мало», взаимодействуя с темпоральными компонентами значения, образуют одно из важнейших для концептуальной оппозиции *больной – здоровый*

понятий – **состояние**. Последнее характеризуется и в аспекте интенсивности, и в аспекте направления развития.

Весь векторный скалярно-антонимический комплекс и его отдельные части находятся в отношениях взаимообусловленности. Так, с одной стороны, не только целое, но и зоны могут быть охарактеризованы как последовательность шагов: каждый из полюсов можно представить, используя ту же модель, что и при описании оппозиции в целом (здоров *абсолютно, практически, относительно* и др., болезнь *тяжелая и легкая* и т.п.). С другой стороны, именно полюса, занимающие «сильные позиции», содержат в концентрированном виде те семы, которые определяют организацию всего пространства признака.

Существенным для организации оппозиции является соотношение в комплексе зон нормы и середины. Так, средняя степень может быть определена через отрицание обоих полярных значений: *не больной и не здоровый* – такое среднее арифметическое интересно только как умозаключение, практически «не работающее» в семантике единиц и не имеющее прагматической ценности. Между тем средняя степень болезни – состояние *средней тяжести* – важная точка отсчета. Норма, совпадающая в силу своего аксиологического характера, с положительным полюсом с одной стороны, обуславливает, осмысление здоровья как одной из важнейших ценностей человеческого бытия, с другой, влияет на коммуникативный статус и сочетание эксплицитных и имплицитных средств выражения: *о здоровье думают и говорят, когда болеют, но не думают и не говорят, когда здоровы*.

Неразрывная связь членов оппозиции *больной – здоровый* отчетливо осознается при анализе текстов, построенных на основе выбранной для исследования метафорической модели. Сконцентрированные на болезни (что соответствует общей тенденции вербализовать отклонения от нормы), они тем не менее постоянно отсылают читателя к противоположному полюсу как желаемому, возможному или невозможному, удаленному или близкому. В

упоминании болезней разной степени тяжести, характеристиках возможного исхода (от выздоровления до смерти) реализуется идея градуируемости семантического пространства *больной – здоровый* и его полюсов.

Перспективы исследования видятся следующим образом. Во-первых, очевидна возможность продолжить теоретическое описание концептуальной оппозиции, расширяя/изменяя эмпирическую базу (от частных изменений: другая региональная метафорическая модель, другой стиль и т.п. – до глобальных: другой язык, другая картина мира), дополняя пространство оппозиции новыми комплексами смыслов, ассоциаций и т.п. (так, интересным было бы уточнить наблюдения о метафорике психических заболеваний, об ассоциативно-оценочных смыслах каждого полюса и др.). Во-вторых, представляется целесообразным развитие темы в практической плоскости, например, небезынтересно использовать проанализированный публицистический материал в аспекте формирования имиджа региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аксенова, Н.В.* Оценочные смыслы в метафоре: на материале англоязычной литературы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007. – 173 с. Электронная версия: URL: [<http://www.dissercat.com/content/otsenochnye-smysly-v-metafore-na-materiale-angloyazychnoi-literatury-xx-veka>] (дата обращения: 01.08.2016).
2. *Акуленко, В.В.* Типология прилагательных русского языка, выражающих интенсивность признака // Русское языкознание. Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 14. – Киев: Киевский гос. ун-т, 1987. – С. 82-89.
3. *Алефиренко, Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с. Электронная версия: URL: [<http://www.universalinternetlibrary.ru/book/28897/ogl.shtml>]. (дата обращения: 26.01.2015).
4. *Алиева, Т. В.* Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГИМО, 2013. – 28 с. Электронная версия: URL: [<http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/jazykovye-sredstva-realizacii-konceptualnoj-oppozicii-svoj-chuzhoj-v-britanskom.html>]. (дата обращения: 26.01.2015).
5. *Аникин, В.П.* Мудрость народов. – В кн.: Пословицы и поговорки народов Востока. – М., 1961. – С. 7-20.
6. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С.348-385, 628-631, 460-481.
7. *Апресян, Ю. Д.* О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. Вып. 6. – М., 1971. – С. 509-523.
8. *Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974. – 367с.

9. *Апресян, Ю.Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. - № 4.
10. *Аристотель.* Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. – СПб.: Алетейя, 2002 г. – 832 с.
11. *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
12. *Арутюнова, Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
13. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с. Электронная версия: URL: [http://gendocs.ru/v23187/арутюнова_н.д._язык_и_мир_человека?page=14]. (дата обращения: 04.09.2014).
14. *Бабаева, Е. В.* Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: межвузов. сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – С. 25–35.
15. *Бабушкин, А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. - 104 с.
16. *Багичева, Н. В.* Россия - мать или мачеха? (Метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2000. - Т. 5. - С. 34–39.
17. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – С. 199.
18. *Баранов, А.Н., Добровольский, Д. О., Михайлов, М.Н.* Интерпретации «национальной идеи» в политическом дискурсе // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. – М., 1997. – С. 44.
19. *Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н.* Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Ин-т Рус.яз. АН СССР, 1991. – 193 с.
20. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Академ.

проект, 2009. – 373 с.

21. *Баско, Н.В.* Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 6. – С. 51-59.

22. *Бахтин, М.М.* Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин. Собрание сочинений в 7 т.т. Т.5. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159-206.

23. *Беловольская, Л.А.* О категории величины в гносеологическом и языковом аспектах // Функционально-семантический аспект единиц русского языка. – Таганрог: Изд-во ТРГУ, 2001. – С. 6-10.

24. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика. – М., 1974. – С.15.

25. *Бережан, С. Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц / АН МССР. Ин-т яз. и литературы. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 372 с.

26. *Блох, М.Я., Ильина, Н.В.* Структура и семантика оценочной конструкции // Функциональная семантика синтаксических конструкций. – М., 1986. – С. 14-23.

27. *Боева, Н.Б.* Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. ... док. филол. наук. – М., 2001. – 367 с.

28. *Бондаренко, М.В.* Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы: На материале французского языка: дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2001. – 138 с.

29. *Бондарко, А.В.* Семантика предела // Вопросы языкознания. – М., 1986. – С. 129-134.

30. *Будагов, Р.А.* Введение в науку о языке: Учебное пособие. – М.: Добросвет – 2003. – 544 с.

31. *Булаховский, Л. А.* Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1953. – Ч.2. – 174 с.

32. *Булыгина, Т.В.* О границах и содержании прагматики. – II Изв.

АН СССР, Серия литературы и языка. – Т.40. – №4. – 1981. – С.333-342.

33. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

34. Бутова, А.А., Крячко, В.Б. Концепт «справедливость» в русской и английской лингвокультурах / Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 7 (74). – С. 23-25.

35. Бухтоярова, Г. Ю. Отображение феноменов болезней и здоровье в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2010 – 257 с. Электронная версия: URL: [<http://www.dissercat.com/content/otobrazheni-e-fenomenov-bolezn-i-zdorove-v-russkoi-yazykovoi-kartine-mira>]. (дата обращения: 04.06.2015).

36. Васильев, Л.М. Проблема лексического значения и вопросы синонимии // Лексическая синонимия: Сб. ст. – М.: Наука, 1967. – С. 16–26.

37. Введенская, Л.А. О взаимодействии антонимии с синонимией // Вопросы лексикологии и фразеологии современного русского языка. – Ростов на Дону, 1968. – С. 68-74.

38. Введенская, Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: автореф. дис. ... док. филол. наук. – Ростов на Дону, 1973. – 36 с.

39. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

40. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

41. Вилюман, В.Г. Английская синонимика (Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов). – М.: Высшая школа, 1980. – 128 с.

42. Волков, Ю. Г., Поликарпов, В. С. Человек как космопланетарный феномен. – Ростов на Дону: Изд-во РГУ, 1999. – 192 с.

43. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков

«хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98-106.

44. *Вольф, Е.М.* Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

45. *Воркачев, С.Г.* Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.

46. *Воротников Ю.Л.* Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 214 с.

47. *Гаврилова, Е.Д.* Оценка в межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 2. – С. 43-46. Электронная версия: URL: [http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2009_1_10.pdf]. (дата обращения: 01.08.2016).

48. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. – 452 с.

49. *Геккина, Е.Ж.* Семантико-функциональные изменения прилагательных в современном русском языке к. 80-х – 90-х гг. XX в.: дис. кан. филол. наук/ Е.Ж Геккина. – СПб, 1999. – 226 с.

50. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217-237.

51. *Грузберг Л.А.* Антиномия не есть антонимия // Проблемы социо-и психолингвистики. – Пермь, 2002. Вып. 1. – С. 7-10.

52. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

53. *Гутман, Е. А.* Названия животных в составе сравнений (На материале русского и французского языков) / Е. А. Гутман, М. И. Черемсина. // Вопросы языка и литературы. Вып. 4. № 1. – Новосибирск: Наука. 1970. – С. 253-267.

54. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 573 с.

55. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
56. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35-47.
57. Джонсон - Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М., Прогресс, 1988. – Вып. 23. – 320 с.
58. Добровольский, Д. О., Малыгин, В. Т., Коканина, Л. Б. Сопоставительная фразеология (На материале герм.яз.): Курс лекций / Д.О. Добровольский, В.Т. Малыгин, Л.Б. Коканина; Владимир.гос.пед.инт им.П.И.Лебедева-Полянского. – Владимир: ВГПИ, 1990. – 79 с.
59. Добрыднева, Е.А. К разработке проблемы описания русской фразеологии в параметрах коммуникативно-прагматической ситуации // Слово и словоформа в высказывании: номинация и предикация: Межвуз. сб. науч. тр.: М., 2000. – С. 34-39.
60. Егоров, Б. Ф. Нам созвучный глубинно. – Вышгород. Таллинн, 2000. – № 1. – С. 20-26. .
61. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. – Москва; Волгоград, 2000. – 345 с.
62. Завальников, В.П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии // Лингвистика человека: антология: монографическое издание / под редакцией Л.Б. Никитиной, Н.Д. Федяевой. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 161-175.
63. Завьялова, В. М. Антонимы (пособие по лексике немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1969. – 246 с.
64. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36-45.
65. Иванова, В.А. О термине «антоним» // Русский язык в школе.

1980. – № 6. – С. 100-101.

66. *Иванова, Е.В.* Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.

67. *Иорданский, В. Б.* Звери, люди, боги. - М.: Академический проект, 2005. – С. 34-35, 279.

68. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Екатеринбург; Омск, 1999. – 245 с.

69. *Какорина, Е. В.* Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: «Языки русской культуры», 1996. – С. 409-426.

70. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И.Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

71. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

72. *Караулов, Ю. Н., Петров В. В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 56-64.

73. *Киреев, А.А.* Об антонимах // Русский язык в школе. 1954. – № 3. – С.10.

74. *Киреева, Н. В.* Концепт «книга» в семантическом пространстве человека: метафоры персонифицированной семантики / Н.В. Киреева // Вестник Омского университета. – 2006. – № 4 (42). – С. 85–88.

75. *Кириян, А.Д.* Градация как способ организации лексико-семантической группы (Качественные прилагательные со значением характеристики человека в современном русском языке): дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1981. – 204 с.

76. *Кожина, М.Н.* Речеведческий аспект теории языка // Stylistika-УП- Opole, 1998. – С. 5-31

77. *Кобозева, И. М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – №6. – С. 132-149.

78. Колесникова, С.М. Градуальная оппозиция в лексической системе языка / С.М. Колесникова // Семантическая структура слова и высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Изд-во МПГУ, 1993. – С. 71-79.
79. Колесникова, С.М. Категория градуальности в современном русском языке: дис. на соиск. уч. степ. к. филол. н. / С.М. Колесникова. – М., 1999. – 424 с.
80. Колесникова, С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке: монография / С. М. Колесникова. – М.: Прометей, 2012. – 291 с.
81. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2, 1992. – Вып. 3 (16). – С. 30-40.
82. Колотнина, Е. В. Метафорическое использование лексики понятийной сферы «Больной – здоровый» // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2000. – Вып. 5. – С. 71-74.
83. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990 – 103 с.
84. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
85. Коротенко, Г. Н. Типы и функции стилистических синонимов в русском языке: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Бишкек, 2002. – 136 с. Электронный доступ: URL: [<http://www.dissercat.com/content/typy-i-funktsii-stilisticheskikh-sinonimov-v-russkom-yazyke>] (дата обращения: 01.08.2016).
86. Коротун, О.В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира // Лингвистика человека: антология: монографическое издание / под редакцией Л.Б. Никитиной, Н.Д. Федяевой. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 68-83.
87. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. - 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1998.

– 354 с.

88. *Кошарная, С.А.* Миф и язык: Опыт лингво- культурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород: БелГУ, 2002. – 288 с.

89. *Крысин, Л.П.* Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.П. Крысин. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 240 с.

90. *Крючкова, Т. Б.* Общественно-политическая лексика и терминология: Основные свойства и тенденции развития: дис. .. док. филол. н. – М.: Наука, 1991. – 198 с.

91. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол.ф-т МГУ, 1996. – 197 с.

92. *Кубрякова, Е.С.* Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С.28-30.

93. *Кубрякова, Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Б. А. Серебренников и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картины мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.

94. *Кунин, А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336.

95. *Купина Н. А.* Агитационный дискурс: В поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – 278 с.

96. *Куприянова В.М.* Культурная оппозиция: методы и задачи исследования // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. Серия “Symposium”, 2001. – Выпуск 11. – С. 65-68.

97. *Лагоденко, Д. В.* Образная основа фразеологизмов как способ осмысления действительности // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одесса: Астропринт, 2010. – № 15. – С. 154-157.
98. *Лазарев, В.В.* Философия и лингвистика. Философия и лингвистика (методологический анализ теории зарубежного языкознания). – Ростов на Дону: Издательство Ростовского университета, 1983 . – 134 с.
99. *Лайонз, Джон.* Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ. под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. – М.: «Прогресс», 1978. – 543 с.
100. *Лакофф, Дж., Джонсон, М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 126-170.
101. *Латина, О.В.* Деонтическая картина мира и идиомы, обозначающие поведение // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 148-156.
102. *Ларин, Б. А.* О народной фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). – М.: Просвещение, 1977. – С. 156.
103. *Ларионова, И.С.* Здоровье современного человека как ценность. Электронный доступ: URL: [<http://genmir.ru/b/dok/lar2.htm>]. (дата обращения: 01.08.2016).
104. *Лебединская, В. А.* Семантика процессуальных фразеологизмов: учебное пособие / В. А. Лебединская, Н. Б. Усачёва. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999.–186с.
105. *Леви-Строс, К.* Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – С. 111-336.
106. *Лисицын, А. Г.* Анализ концепта «свобода – воля – вольность» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Лисицин. – М., 1995. – 259 с.
107. *Лихачев, Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т

народов России, Общество любителей российской Нерознака. –М.: Academic 1997. – С. 280–287.

108. *Лотман, Ю. М.* Избранные статьи: Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. - Таллинн: Александра, 1992. - Т. 1. - 479 с.

109. *Лотман, Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 С.

110. *Львов, М.Р.* К вопросу о типах лексических антонимов // Русский язык в школе. – 1970. – №3. – С. 71-76.

111. *Майданова, А. М., Амиров, В. М., Енина, Л. В. и др.* Речевая агрессия в средствах массовой информации. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – с. 321.

112. *Максимов, Л. Ю.* Частица не и приставка не с краткими прилагательными // Русский язык в школе. – 1957. – № 2. – С. 10.

113. *Малышева, Е.Г.* «Город мертв»: концентрация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. - 2014. - № 2 – С. 50-59.

114. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии. - М.: Политиздат, 1983-85. – Т. 1. – 900 с.

115. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Сочинения. - Т 1. К критике Гегелевской философии права. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 689 с.

116. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.- 208с. Электронный доступ: URL: [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/index.php] (дата обращения: 01.08.2016).

117. *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – Изд-е 3-е, перераб. – М.: Флинта: Наука, 2007. –294 с.

118. *Миллер, Е.Н.* Межчастеречная антонимия // Филологические науки. 1981. – №1 – С. 79- 82.

119. *Миллер, Е. Н.* Природа лексической и фразеологической антонимии. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. – 222 с.
120. *Миллер, Е.Н.* Характер и форма функционирования лексической и фразеологической антонимии в речи // Русский язык в школе. 1980. – № 3 – С. 76 - 79.
121. *Михалева, О.Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: монографии. – Иркутск: Иркут. Ун-т, 2005. – 320 с.
122. *Моисеева, Е. М.* Принципы выделения антонимических оппозиций // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2011. – № 1-2. – С. 297-304.
123. *Моррис, Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983.-312 с.
124. *Моспанова, Н. Ю.* Концептуальная оппозиция «Добро – Зло» в фольклорной языковой картине мира: дис. ... канд. фил. наук / Бухтоярова Галина Юрьевна. – Брянск, 2005. – 205 с. Электронная версия: URL: [<http://cheloveknauka.com/v/129472/d?#?page=3>]. (дата обращения: 04.04.2017).
125. *Невинская, М. Д.* Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. Электронный ресурс: URL: [<http://cheloveknauka.com/kontseptualnaya-oppozitsiya-narod-vlast-v-politicheskom-diskurse>]. (дата обращения: 03.11.2015).
126. *Немченко, В. Н.* Современный русский язык: Словообразование: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. – М.: Высш. шк., 1984. – 255 с.
127. *Никитина, Л.Б.* Образ homo sapiens в русской языковой картине мира / Л. Б. Никитина – М.: Флинта, Наука, 2016. – 222 с.
128. *Никитина Л. Б.* Не тот город? (Негативный образ Омска по

данным газеты «Ваш ОРЕОЛ») // Вестник ОмГПУ. – 2016. - №1(10). – С.52-55.

129. *Никонова, М.Н.* Явление антропологизации техницизмов в современном русском языке: тематические группы, динамика, функции / М.Н. Никонова // Вестник Омского университета. - 2003. - № 1. - С. 82-85.

130. *Новиков, А.И.* Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.

131. *Новиков, Л.А.* Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-ва Моск. ун-та, 1993. – 290 с.

132. *Новиков, Л.А.* Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе – 1966. – № 4. – С. 79-87.

133. *Новиков, Л.А.* Русская антонимия и её лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / под ред. Л.А. Новикова. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1988. – 384 с.

134. *Новиков, Л.А.* Семантика русского языка: Учеб пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 272с.

135. *Новиков, Л.А.* Типы антонимов в русском языке (структурная классификация) // Русский язык в школе. – 1973. – № 4. – С. 69-76.

136. *Одинцова, М.П.* Языковые ипостаси человека // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции / Под ред. М.П. Одинцовой. – Ч. 1. – Омск: Изд-во Омского гос.ун-та, 2000. – С. 25 – 27. 178.

137. *Одинцова, М.П.* Языковые образы «внутреннего человека» // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1. / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2000. – С. 11 - 28.

138. *Ортега-и-Гассет, Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.

139. *Палевская, М.Ф.* Синонимика в русском языке. – М.,

Просвещение, 1964. – 128 с.

140. *Паршин, П. Б.* Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Труды Международного семинара Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и её приложениям // Электронный ресурс: URL: [www.dialog21.ru/archive.asp?y=2000vol=6077parent_menu_id=711]. (дата обращения: 09.01.2015).

141. *Пименова М.В., Кондратьева О.Н.* Концептуальные исследования. Введение. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 176 с.

142. *Пономарева, Е. Ю.* Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): дис. ... к. филол. наук. – Тюмень, 2008. Электронный ресурс: URL: [<http://cheloveknauka.com/kontseptualnaya-oppozitsiya-zhizn-smert-v-poeticheskom-diskurse>]. (дата обращения: 03.11.2016).

143. *Потебня, А.А.* Мысль и язык // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – 225 с.

144. *Попова, З. Д., Стернин, И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 192 с. // Электронный ресурс: URL: [http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf] (дата обращения: 09.01.2015).

145. *Поцелуевский, Е.А.* Нулевая степень качества / Е.А. Поцелуевский // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 233-250.

146. *Рассел, Д.* Пирамида потребностей по Маслоу. – М.: Издательство по требованию, 2013. – 37 с.

147. *Рассолова, С.В.* Явления внутреннего мира человека в словесных образах природы (на материале описательного речевого жанра в произведениях русской художественной литературы) / С.В.Рассолова // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – № 2 (47).– С.58-64.

148. *Реформатский, А.А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 536 с.
149. *Риккерт, Г.* О понятии философии. // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., Республика, 1998. – С. 15-42..
150. *Риккерт, Г.* О системе ценностей. // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 363-391.
151. *Романов, А.А.* Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России – 3: Материалы рабочего совещания. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 123-126.
152. *Романов, Д.А.* Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: На материале русского языка: автореф. дис. ... док. фил. наук. – Тула, 2004. – 496 с. Электронный доступ: URL: [<http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-reprezentatsiya-emotsii-urovni-funktsionirovanie-i-sistemy-issledovaniy-na-materi>]. (дата обращения: 01.08.2016).
153. *Сазонова, В.А.* Антонимы как средство выражения контраста в языке и художественной речи (на материале прозы А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2011. – 22 с.
154. *Салимьянова, И.В.* Образ пожилого человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2011. – 22 с.
155. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 652 с.
156. *Сергеева, Е.В.* Концепт «Божественное» в творчестве В.Иванова // Художественный текст и языковая личность. Мат-лы IV Всерос. научн. конф. (27–28 октября 2005 г.). – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2005. – С. 88-91.
157. *Серебрянников Б.А. и др.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. – 216 с.
158. *Скибина, В. И.* К проблеме классификации антонимов: Электронный документ / В. И. Скибина // Журнал СахГУ «Наука, образование, общество». 2006. Электронный ресурс: URL:

[<http://journal.sakhqu.ru/work.php?id=34>].

159. *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 139 с. Электронный ресурс. URL: [<http://journal.sakhqu.ru/work.php?id=34>]. (дата обращения: 03.09.2015)..

160. *Солганик, Г.Я.* Язык современной публицистики: сборник статей. – М.: Флинта, 2007. – 232 с.

161. *Соломоник, А.* Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995г. – 352с.

162. *Сорокин, П.А.* Социологические теории современности. – М.: Наука, 1992. – С. 84.

163. *Соссюр, Ф. де.* Курс по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. - 280 с.

164. *Стексова, Т.И.* Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. – Новосибирск: Изд. Новосиб. гос. пед. ун-т, 2002. - 200с.

165. *Степанов, Ю. С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 35-73.

166. *Стернин, И. А.* Введение в речевое воздействие. - Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001. – 252 с.

167. *Стернин, И.А.* Проблема анализа структуры значения слова. - Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. – 156 с.

168. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

169. *Тимошенко, Л. О.* Скалярно-антонимический комплекс концепта здоровье в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2005. Электронный доступ: URL: [<http://www.referun.com/n/skalyarno-antonimicheskiy-kompleks-kontsepta-zdorovie-v-russkom-i-angliyskom-yazykah>]. (дата обращения: 17.09.2015).

170. *Трипольская, Т. А.* «Умный» и «глупый» в эмотивно-оценочной картине мира // Актуальные проблемы функциональной лексикологии: сб. ст., посвящ. 75-летию д-ра филол. наук, проф. каф. рус. яз. В.В.Степановой. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997.
171. *Трубецкой, Н.С.* Основы фонологии. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 372 с.
172. *Туленинова, Л. В.* Концепты "здоровье" и "болезнь" в английской и русской лингвокультурах»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. Электронный доступ: URL: [<http://cheloveknauka.com/kontsepty-zdorovie-i-bolezn-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah#ixzz3VstMq9WN>]. (дата обращения: 09.10.2015).
173. *Урысон, Е.В.* Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. – 1995. - № 3. – С. 3 – 17. 249.
174. *Урысон, Е.В.* Языковая картина мира VS. обиходные представления (Модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. - № 2. – С. 3 – 22
175. *Федяева, Н. Д.* Нормы в пространстве языка. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 172 с.
176. *Федяева, Н. Д.* Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы (На лексическом и текстовом материале современного русского языка): дис. канд. филол. наук. – Омск, 2003. – 171 с.
177. *Федяева, Н.Д.* Норма в динамике (на материале глаголов с семантикой соответствия / несоответствия норме) / Н.Д. Федяева // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. - №13. – С. 261-267.
178. *Федяева, Н.Д.* Языковой образ нормального человека в русской языковой картине мира // Лингвистика человека: антология: монографическое издание / под редакцией Л.Б. Никитиной, Н.Д. Федяевой. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 47-68.

179. *Федяева, Н.Д.* Норма среди категорий русского языка: обоснование статуса // Лингвистика. Коммуникация. Культура: материала Второй региональной науч.-практ. конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. – С. 97-100.
180. *Физиологические основы здоровья.* Краткий курс лекций по валеологии / Сост. И.А. Тихомирова. Электронный доступ: URL: [<http://citoweb.yspu.org/link1/metod/met73/>]. (дата обращения: 09.05.2017).-
181. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1988. - Вып. 23. - С.52-93.
182. *Фомина, М.И.* Современный русский язык. Лексикология: Учебник. – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.
183. *Фрейд, З.* Неудовлетворенность культурой. – М.: МедиаКнига, 2012. – 398 с.
184. *Фролова, И.Е.* Образ человека «космического» в русской языковой картине мира (лексико-семантический аспект) / И.Е. Фролова // Омский научный вест-ник. – 2006. – № 9 (47). – С. 223-226.
185. *Фуко, М.* Археология знания: пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – Киев.: Ника-центр, 1996. – 208 с.
186. *Хайруллина, Р.Х.* Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: Прометей, 1996. – 146 с.
187. *Ховалкина, А.А.* Лексическое выражение категории величины признака в современном русском языке: дис. ... док. филол. н. / А.А. Ховалкина. – Симферополь, 1996. – 402 с.
188. *Хутова, Э. Р.* Бинарная оппозиция "любовь /ненависть" в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. н. / Э. Р. Хутова. – Нальчик, 2008. Электронный ресурс: URL: [<http://refdb.ru/look/2180125.html>]. (дата обращения: 08. 11.2015).
189. *Черданцева, Т. З.* Итальянская фразеология и итальянцы. – М.: ЧеРо, 2000. – 303 с.
190. *Чернейко Л.О.* Порождение и восприятие межличностных оценок

// Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 42-53.

191. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

192. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) . – Екатеринбург, 2001. – 238с. Электронный ресурс. URL: [<http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>]. (дата обращения: 16. 05. 2015).

193. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.

194. Шапошников, В.Н. Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. – Изд. 3-е. - Москва: URSS, 2010. – 274 с.

195. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. Монография. – Москва-Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.

196. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224с

197. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993. – 666 с.

198. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А.Н. Шрамм. – Л.: Издательство ЛГУ, 1979. – 134 с.

199. Ульманн, С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст.; общ. ред. и вступ. ст. Б.А.Успенского. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. 5: Языковые универсалии.

200. Успенский, Б. А. Избранные труды / Б. А. Успенский. Т. 2: Язык и культура. – М.: Гнозис, 1994. – 686 с.

201. Энгельс, Ф. Диалектика природы. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 353 с.

202. Юдин, Б. Г. Здоровье человека как проблема гуманитарного

знания // *Философия здоровья*. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 63–64.

203. *Юнг, К. Г.* Архетип и символ. – М.: Renaissance, 1991. – 304 с.

204. *Якубова М.А.* Основные проблемы исследования оценки // *Филология*. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. – С. 111-116.

205. *Якубова М.А.* Оценка в языковой картине мира // *Вопросы стилистики*. – Саратов, 1996а. – Вып. 26. – С. 30-40.

206. *Якобсон, Р.* Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. - 460 стр.

207. *Allwood, J.* Linguistic Communication as Action and Cooperation / J. Allwood. // *Göthenburg Monographs in Linguistics-2*. – Göthenburg: University of Göthenburg, 1976. – P. 172–203. 127.

208. *Pozner, R.* Semantics and Pargamtics of Sentence Connectives in Natural Language / R. Pozner // *II Speech Act Theory and Pragamtics*. – Dortrecht, 1980. – P. 198-199.

209. *Wunderlich, D.* Modalverben im Diskurs und im System / D. Wunderlich // *In: Sprache und Pragmatik. - Lunder Symposium , 1980. - № 50. - . P. 11 – 53.*

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. – 431 с. Электронный ресурс. URL: [<http://www.ivanov-portal.ru/abramov1.html>] (дата обращения: 16. 01. 2013).

2. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.

5. *БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов*. – СПб.: «НОРИНТ», 2000. – 1534 с. Электронный ресурс: URL: [<http://bookre.org/reader?file=490084>] (дата обращения 04.03.2014).

6. *Введенская, Л.А.* Учебный словарь антонимов русского языка. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 320 с.

7. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. – М.: Русский язык,

1984.

8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великого русского языка. В 4-х тт. – М.: Русский язык, 1989. Электронный ресурс: URL: [<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-36447.htm>] (дата обращения 04.03.2014).

9. *Ефремова Т.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2005. Электронный ресурс: URL: [<http://www.twirpx.com/file/123230/>] (дата обращения 04.03.2017).

10. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1998. – 534с.

11. *Жуков В.П.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 440с.

12. *Кубрякова Е.С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

13. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка, – М.: Русский язык, 1993, – 704с.

14. *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 380с.

15. *Малый академический словарь.* В 4-х томах – М.: Институт русского языка Академии наук СССР / Евгеньева А. П.. 1957—1988. – Т 1-4. Электронный ресурс: URL: [<http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/>] (дата обращения: 05.09.2013).

16. *НОССРЯ: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Ю.Д. Апресян, О.Ю.Богуславская, И.Б. Левонтина и др. Вып 2.- М.: Языки русской культуры, 2000. – 487с.

14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2010. – 797с. Электронный ресурс: URL: [<http://ozhegov.textologia.ru>] (дата обращения: 11.05.2014).

16. *ПРС: Иванюк Б.П.* Поэтическая речь: словарь терминов / Б.П.

Иванюк. - М.: Флинта: Наука, 2007. – 312 с.

17. *Руднев, В.П.* Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999 – 384 с.

18. *Русский язык.* Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. – 703с.

19. *СЛТ: Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с. Электронный ресурс: URL:[http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm]. (дата обращения: 16. 05. 2015)

20. *ССРЯ: Словарь синонимов русского языка.* В 2 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: «Наука», 1970–1971. - 1536 с. Электронный ресурс. URL: [<http://cfrl.ruslang.ru/synonyms/00-c.htm>] (дата обращения: 16. 01. 2013).

21. *Словарь русского языка:* В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999.

22. *Словарь синонимов русского языка:* В 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. - Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970-1971.

23. *Словарь синонимов:* Справочное пособие. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. – 648с.

24. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка* / под редакцией А.Н. Чудинова. – Спб., 1894 год. - 502 стр.

25. *Современный философский словарь* / под ред. В.Е. Кемерова. – М., Бишкек, Екатеринбург: Одиссей, 1996. – 608с.

26. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп./ Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001 – 590 с.

27. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1990.

28. *Толковый словарь русского языка* / под. ред. Д.Н. Ушакова. В 2-х тт. – М.: ОГИЗ, 1935.

29. *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык,

1988. – 269с.

30. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. В 2 т. / сост. А.И.Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

31. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987. – 543с.

32. *Энциклопедический словарь-справочник* / под ред. А.П. Сковородникова.- М.: ФЛИНТА, 2005.- 480 с.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

1. *Алданов, М.* Истоки. Электронный ресурс: URL: [http://www.azlib.ru/a/aldanow_m_a/text_0082.shtml]. (дата обращения: 26.01.2016).

2. *Аллилуева, С. И.* Двадцать писем к другу. – М.: Известия, 1990. – 176 с.

3. *Анчаров, М. Л.* Как птица Гаруда. – М.: Советский писатель, 1989. – 320 с.

4. *Афоризмы великих людей.* Электронный ресурс: URL: [http://www.wisdoms.ru/177_2.html]. (дата обращения: 26.01.2016).

5. *Белоусова, В. М.* По субботам не стреляю. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 347 с.

6. *Битов, А.* Жизнь без нас. Электронный ресурс: URL: [<http://www.penrussia.org/a-m/an-bit.htm>]. (дата обращения: 26.01.2016).

7. *Булгаков, М.* Мастер и Маргарита. – М.: АСТ, Олимп. – 448 с.

8. *Вечерний Омск.* Электронный ресурс: URL: [<http://omskgazzeta.ru/>]. (дата обращения: 05.03.2017).

9. *Витте, С.* Воспоминания. Электронный ресурс: URL: [http://rusbook.com.ua/russian_classic/vitte_syu/vospominaniya.3429/?page=140]. (дата обращения: 05.03.2017).

10. *Войнович, В.* Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. – М.: «Эксмо», 2014 г. – 112 с.
11. *Волос, А.* Недвижимость. Электронный ресурс: URL: [http://www.e-reading.by/bookreader.php/98704/Volos_-_Nedvizhimost%27.html]. (дата обращения: 05.03.2017).
12. *Гайдар, А.* Судьба барабанщика. – М.: Детская литература, 1987. – 186 с.
13. *Гриневский, О.* Тысяча и один день Никиты Сергеевича. – М.: Вагриус, 1998. – 384 с.
14. *Гроссман, В.* Жизнь и судьба. – М., "Книжная палата", 1990. – Ч.3.
15. *Гурченко, Л.* Аплодисменты. Электронный ресурс: URL: [<http://bookz.ru/authors/gur4enko-ludmila/gurch/page-34-gurch.html>]. (дата обращения: 07.05.2017).
16. *Диагноз недели // БК 55.* Электронный ресурс: URL: [http://bk55.ru/diagnoz_nedeli/page/2/]. (дата обращения: 26.01.2016).
17. *Довлатов, С.* Заповедник. Электронный ресурс: URL: [<http://lib.ru/DOWLATOW/zapowednik.txt>]. (дата обращения: 26.01.2016).
18. *Донцова, Д. А.* Уха из золотой рыбки. – М.: Эксмо, 2003. – 432 с.
19. *Достоевский, Ф.* Братья Карамазовы. – М.: Азбука, 2015 г. – 896 с.
20. *Дружников, Ю.* Избранное в двух томах / Том 2. Виза в позавчера. – М.: 1999. – 496 с.
21. *Екимов, Б.* Пиночет. Электронный ресурс: URL: [<https://profilib.com/chtenie/71504/boris-ekimov-pinochet-3.php>]. (дата обращения: 26.01.2016).
22. *Есин, С. Н.* Собрание сочинений. – М.: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 1.
23. *Зайчик, М.* В нашем регионе. Электронный ресурс: URL: [<http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/12/zai.html>] (дата обращения: 26.01.2016).

24. *Зощенко, М.* Возвращенная молодость. Электронный ресурс: URL: [http://modernlib.ru/books/zoschenko_mihail/vozvrashchennaya_molodost/read]. (дата обращения: 07.05.2017).
25. *Искандер, Ф.* Морской скорпион // Наш современник. – 1976. № 7. – С. 3-56.
26. *Карнов, М.* Список Визенталя // «Совершенно секретно». Электронный ресурс: URL: [<http://www.sovsekretno.ru/authors/id/137/>] (дата обращения: 26.01.2016).
27. *Ким, А. А.* Белка: роман-сказка. – М.: Советский писатель, 1984. – 269 с.
28. *Коваль, Ю.И.* Путешествие за границу. – М.: «Малыш», 1969. – 117 с.
29. *Козлов, П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923-1926. – СПб: Наука, 2003. – 1040 с.
30. *Королева, Н.* Мой отец на войне // Знание-сила. – 2010. – N 5. – С. 111-119.
31. *Кучерская, М.* Современный патерик. Чтение для впавших в уныние. – М.: «Астрель», 2008. – 320 с.
32. *Кучерская, М.* Тётя Мотя. – М.: «Астрель», 2013. – 512 с.
33. *Лермонтов, М.* Герой нашего времени. – М.: Азбука, 2007. – 288с.
34. *Маринина, А. Б.* Не мешайте палачу. – М.: ЭКСМО, 1997. – 444 с.
35. *Мережковский, Д.С.* Христос и Антихрист: трилогия / Т. 1: Смерть богов (Юлиан Отступник). – М.: Книга, 1989. – 416 с.
36. *Мережковский, Д.С.* Александр Первый. – М.: Эксмо-Пресс, 2007. – 480 с.
37. *Новиков-Прибой, А.* Цусима. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 276 с.
38. *"Омск-Информ".* Электронный ресурс: URL: [<http://omskpress.ru/sources/%D0%9E%D0%BC%D1%81%D0%BA-%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC/>] (дата обращения: 06.01.2017).

39. *Пастернак, Б. Л.* Доктор Живаго. – Москва: Эксмо, 2010. - 624 с.
40. *Пожелания здоровья в стихах.* Электронный ресурс: URL: [<http://www.vampodarok.com/wish/zdorovya/>] (дата обращения: 26.01.2016).
41. *Попов, Е. А.* Подлинная история "Зеленых музыкантов": Роман-коммент / Евгений Попов. – М.: Вагриус, 1999. – 366 с.
42. *Пригодич, В.* Начальник тишины (6 стихотворений) // «Новый журнал», 2000. – N 2. – С. 69-72.
43. *Приставкин, А.И.* Ночевала тучка золотая. Электронный ресурс: URL: [http://lib.ru/PROZA/PRISTAWKIN/tuchka.txt_txt] (дата обращения: 26.01.2016).
44. *Рассадин, С.* Книга прощания. Электронный ресурс: URL: [<http://coollib.com/b/183990/read>] (дата обращения: 05.03.2017).
45. *Ратушинская, И.* Одесситы. – М.: «АСТ», 2001 г. – 464 стр.
46. *Русские афоризмы.* Электронный ресурс: URL: [<http://aphorismos.ru/happiness/8.php>] (дата обращения: 26.01.2016).
47. *Рыбаков, А.* Тяжелый песок. – М.: Художественная литература, 1985. – 288 с.
48. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Господа Головлевы: роман. – М.: Художественная литература, 1970. – 318 с.
49. *Свод житейской мудрости.* Электронный ресурс: URL: [<http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/48919.html>] (дата обращения: 26.01.2016).
50. *Сенковский, О. И.* Большой выход у Сатаны. Электронный ресурс: URL: [http://az.lib.ru/s/senkowskij_o_i/text_0010.shtml] (дата обращения: 26.01.2016).
51. *Серафимович, А. С.* Полное собрание сочинений: с критико-биографическим очерком А.И. Зонина: [в 15 т.] / А. Серафимович. Т. 8: Сухое море: рассказы. – М.: ГИЗ; Ленинград, 1928. – 247 с.
52. *Сипин, Р.* Мишка заболел // Стихи ру. [Электронный ресурс]. URL: [<http://www.stihi.ru/2014/02/10/8207>] (дата обращения: 26.01.2016).

53. *Слаповский, А.* Гибель гитариста. – М.: Вагриус, 2000. – 219 с.
54. *Слаповский, А.* 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну
Электронный ресурс: URL: [<http://magazines.russ.ru/volga/2009/1/sl3.html>]
(дата обращения: 26.01.2016).
55. *Солженицын, А. И.* В круге первом. Роман. – М.: АСТ, 2006.
56. *Солженицын, А.И.* Архипелаг ГУЛАг. – М.: Азбука (Азбука-классика), 2014 г. – 2048 стр.
57. *Соловьев, В. И.* Три еврея, или утешение в слезах: роман с эпиграфами. - М., Захаров, 2002. – 324 с.
58. *Токарева, В.* Своя правда. Повесть // “Новый мир”, 2002. – № 9.
59. *Трифанов, Ю.* Долгое прощание. Электронный ресурс: URL: [<http://e-libra.ru/read/133295-dolgoe-proshhanie.html>]. (дата обращения: 26.03.2017).
60. *Улицкая, Л.* Казус Кусоцкого. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с.
61. *Успенский, М.* Там, где нас нет. – М.: Эксмо, 2013. – 480 с.
62. *Ханга, Е.* Про все. – М.: Вагриус, 2001. – 255 с.
63. *Шаламов, В. Т.* Колымские рассказы. – М.: АСТ, 2008. – 784 с.
64. *Шаров, В.* Воскрешение Лазаря. Электронный ресурс: URL: [<http://magazines.russ.ru/znamia/2002/8/sharov.html>]. (дата обращения: 26.01.2016).
65. *Шишкин, М. П.* Письмовник. – М.: АСТ, 2010. – 413 с.
53. *Шишков, В.* Емельян Пугачев. Книга 1. Электронный ресурс: URL: [<http://www.rulit.me/books/emelyan-pugachev-kniga-1-read-128080-1.html>].
(дата обращения: 26.01.2016).
54. *Шолохов, М.А.* Судьба человека. Поднятая целина. – М.: «Астрель», 2012. – 816 с.
55. *Щербакова, Г.* Мальчик и девочка. Рассказы. – М.: Вагриус, 2001. – С. 9-172.